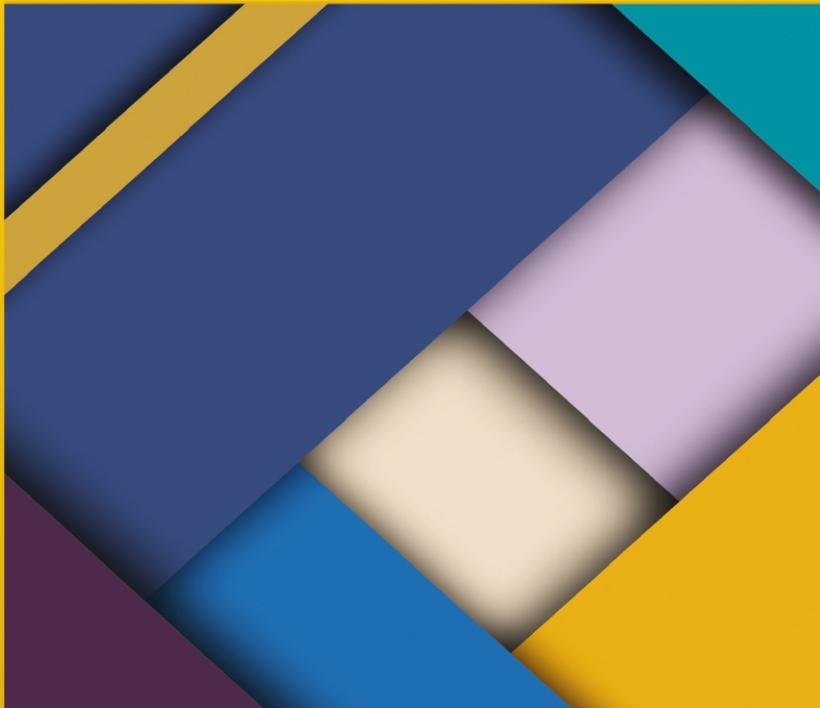

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 15, Number 1
2023

Современные исследования социальных проблем

Том 15, № 1
2023

Modern Studies of Social Issues

Volume 15, Number 1
2023

Главный редактор

Т.А. Магсумов кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2023

12+

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 15, № 1, 2023 / Vol. 15, No 1, 2023

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство регистрации
ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:

РИНЦ
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
PI № FS 77-39176,
issued March 17, 2010.

Modern Studies of Social Issues is **included**
in the List of leading peer-reviewed scientific
journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RSCI
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Еркековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государ-

ственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkaliev – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of

the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-14-27
УДК 811.111

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ СПОРТИВНОЙ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

О.Н. Ратуева, Е.В. Лазуткина, Е.П. Ефремова

Статья посвящена специфике употребления спортивной метафоры в разных сферах деятельности человека. Рассматривается роль спортивной метафоры как эффективного средства выразительности речи, приведены примеры ее реализации в английском языке.

Цель. Настоящее исследование посвящено специфике употребления спортивной метафоры в разных сферах деятельности человека на материале английского языка.

Материалы и методы. В исследовании применялись методы концептуального и контекстуального анализа, описательный метод, прием частичной выборки.

Результаты. В статье представлены результаты анализа понятия «метафора», приведены примеры использования спортивных метафор, взятых из разных видов спорта, в англоязычных СМИ, сфере бизнеса и политики.

Область применения результатов. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы на занятиях по дисциплине «Иностранный язык» (английский), при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Ключевые слова: метафора; спортивная метафора; спортивный дискурс; средства выразительности речи

Для цитирования. Ратуева О.Н., Лазуткина Е.В., Ефремова Е.П. Специфика употребления спортивной метафоры как средства выразительности речи (на материале английского языка) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 14-27. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-14-27

SPECIFIC USE OF A SPORTS METAPHOR AS MEANS OF SPEECH EXPRESSIVENESS

O.N. Ratueva, E.V. Lazutkina, E.P. Yefremova

The article is devoted to the particularity of the use of a sports metaphor in different spheres of human activity. The role of a sports metaphor as an effective means of speech expressiveness is considered, examples of its implementation in English are given.

Purpose of the study. *The present study is devoted to the particularity of the use of a sports metaphor in different spheres of human activity based on the material of the English language.*

Materials and methods. *In the study the methods of conceptual and contextual analysis, descriptive method, partial sampling techniques were used.*

Results. *The article presents the results of the analysis of the concept of “metaphor”, provides examples of the use of sports metaphors taken from different sports in the English-language media, business and politics.*

Practical implications. *The practical significance of the research lies in the fact that the obtained results can be used in classes of the discipline “Foreign Language” (English), when writing term papers and final qualifying papers.*

Keywords: *metaphor; sports metaphor; sports discourse; means of speech expressiveness*

For citation. *Ratueva O.N., Lazutkina E.V., Yefremova E.P. Specific Use of A Sports Metaphor as Means of Speech Expressiveness. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 14-27. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-14-27*

В последние десятилетия мир спорта стал свидетелем фундаментальных изменений и трансформаций с точки зрения диверсификации видов спорта и спортивных мероприятий, растущей коммерциализации и глобализации основных видов спорта для зрителей, сопровождающихся постоянно растущей популярностью и интенсивным освещением в различных средствах массовой информации и модальностях. Несмотря на эту растущую популяризацию и общественное внимание, исследования языка и дискурса спорта по-прежнему сравнительно неоднородны по своей природе и разрознены по разным академическим дисциплинам.

Спортивный язык существенно развился с течением времени, появились новые виды спорта и, соответственно, их названия и терминология. Многие термины связаны с местом их происхождения, например, «марафон» и «гимнастика» имеют греческие корни, «теннис» – французские благодаря фразе, которую игроки часто кричат, ударяя по мячу: «Tenez!». Так же галлицизм «але он» произошел от французского «*allez hop*» – термин, используемый акробатами непосредственно перед прыжком. Для некоторых спортивных терминов происхождение довольно очевидно. Когда в 1891 г. Дж. Нейсмит изобрел новый вид спорта – «баскетбол», он использовал настоящую корзину для персиков в качестве ворот, по которым игроки бросали мяч.

Частью того, что делает эти термины такими знакомыми и общепринятыми, является формализация современного спорта, произошедшая за последние пару столетий. По мере разработки официальных правил и формирования лиг многие спортивные термины стали стандартизированы для регионов и стран. Чтобы участвовать в игре с другими спортсменами или командами, нужно знать названия конкретных игр, оборудования и правил. Интерес зрителей также заставил многих фанатов приобрести совершенно новый словарный запас, связанный со спортом, независимо от того, играли ли они когда-либо или нет.

Одним из самых ярких показателей того, что спортивная терминология проникла в современную культуру, является использование спортивных метафор. Метафора – это не чисто декоративный прием, а продукт человеческого разума; примечательно то, что она связана с культурой и концептуальной системой народа. Метафоры существуют

во всех сферах жизни, от экономики, законодательства, юриспруденции, образования, бизнеса до политики. Теоретическая основа концептуальных метафор была предложена двумя учеными – Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [4]. В своей работе эти два исследователя настаивали на том, что с точки зрения когнитивной лингвистики метафора – это процесс, происходящий на уровне человеческого мышления, а затем находящий отражение в языковых структурах. А.Н. Баранов, Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Скляревская и ряд других лингвистов говорят о метафоре как о способе познания мира, его структурирования и объяснения, как о средстве влияния на чувства и мысли человека. М. Минский считал, что «аналогии, основанные на когнитивной метафоре, предоставляют возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы в свете другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблемы в другой области» [7, с. 151]. Итак, метафора, ранее понимавшаяся как средство оживления речи, в действительности представляется более сложным явлением, незаменимым средством познания мира.

Спортивная метафора в свете современного когнитивного подхода к ее изучению, позволяющего рассматривать языковые факты как средство доступа к мыслительным структурам и процессам, происходящим в сознании человека, все чаще фиксируется исследователями как элемент повседневного разговора в англоязычных странах.

Спорт играет большую роль в жизни общества англоязычных стран, поэтому спортивные метафоры встречаются во многих сферах жизни: в здравоохранении, политике, журналистике, образовании, экономике, бизнесе. Например, предвыборные кампании сопровождаются впечатляющей подборкой спортивных метафор. Для описания прогресса двух кандидатов на выборах СМИ могут назвать фаворита «*front runner*», важные дебаты – «*game-changer*».

*“But there was no clear **front-runner**, either on merits or on its support within local government”.* (парламентская информация из архива Hansard)

*“This is a real **front-runner**, with developments in the area of citizenship legislation particularly welcome”.* (заседание Европейского парламента, 2011 г.)

“Merkel Saves Ukraine As Russia ‘Game Changer’ Approaches”.
(Forbes, 2015)

Примеры из делового дискурса:

*“It is not a **layup** from the standpoint of earning a reasonable return out of the investment necessary to convert to natural gas”*. (Лэнс Фриц, вице-президент по операциям Union Pacific, отчет о прибыли и убытках за второй квартал).

*“You revised up your cash flow guidance and it pretty much looks like — I mean it’s going to be a **slam dunk** easy to do a lot better than last year”*. (Брайан Джейкоби, аналитик Goldman Sachs, отчет Ford о доходах за второй квартал).

Спортивные писатели и комментаторы часто метафорически описывают мужчин и женщин, занимающихся элитным спортом, как будто они в чем-то «отличаются» от обычных смертных. Их можно гиперболизировать или метафоризировать как суперзвезд, воинов или даже божеств, которым нужно поклоняться. В январе 2020 г. журнал *Four Four Two* опубликовал результаты опроса о том, кто является лучшим футболистом мира среди мужчин и женщин. Заключительная статья представляет собой богатый источник спортивных метафор, которые обычно используются в спортивных очерках [17]:

*“Benzema, the narrative claimed, was nothing more than a **magician’s assistant**. But there was a reason why Real Madrid didn’t directly replace Cristiano Ronaldo in 2018. Out of the **showman’s shadow** he has twice top-scored for Real, and this term led them to his third La Liga title with seven goals after lockdown. The understated Frenchman isn’t **dimming in his twilight years** – instead, he’s proving his worth as a defining striker of this generation”*.

Также спортивные метафоры часто используются в заголовках статей, новостей.

*“Romney campaign: No **knock-out punch** planned”*. (CNN News)
*“Is Ohio a **toss-up**?”* (The Atlantic).

В проведенном авторами исследовании была предложена попытка когнитивного анализа спортивных метафор в англоязычном деловом и политическом дискурсе. Исследование показало, что спортивные метафоры широко используются не только в заголовках

отчетов о деловых и политических новостях, а также в описании событий в сферах политики и бизнеса.

Выяснилось, что спортивные метафоры используются в 14 из 20 исследуемых статей на веб-сайтах CNN, Project Syndicate, The Guardian, The New York Times, The Washington Post, The Observer. Была предпринята попытка анализа каждого метафорического выражения с когнитивной точки зрения в его более широком английском контексте.

*“But like the UAE, he too left the door open to production cuts if there is a commitment from all the **major players**”.* (CNN, 2020)

*“**Getting all players lined up** is certainly no simple task”.* (CNN, 2020)

Два примера взяты из деловой статьи, в которой говорится о насыщении нефтяного рынка нефтью из Саудовской Аравии и ОАЭ. Метафорическое выражение «*major players*» (ведущие игроки) представляет ОАЭ и Саудовскую Аравию, которые согласились сократить поставки нефти для стабилизации рынка. В тексте выражение «*major players*» концептуализирует крупнейших мировых производителей нефти как футболистов, играющих вместе на футбольном поле.

*“Brexit’s **blow to globalization**”.* (Project Syndicate, 2016)

*“The global financial crisis **dealt a significant blow** to globalization, especially in terms of trade and finance, now Brexit has **dealt another blow**, adding labor mobility to the list”.* (Project Syndicate, 2016)

Первый пример – это заголовок о выходе Великобритании из Европейского Союза, который оказал большое влияние на мировые рынки. Заголовок визуализирует поединок между двумя боксерами – «*Brexit*» и «*globalization*», где «Брекзит» наносит удар «глобализации».

Второй пример взят из той же статьи. Однако на этот раз «*the global financial crisis*» (глобальный финансовый кризис) является «боксером», который наносит удар по «глобализации». Выбор спортивной метафоры игры в бокс в обоих примерах дает существенное представление об экономической ситуации на рынках после Brexit. Можно сказать, что спортивная метафора, представленная в заголовке, и метафора, упомянутая в той же статье, принимают один и тот же метафорический образ. Спортивная метафора «Business is

a boxing game» формирует всю статью, а связность текста усиливается за счет частого использования метафорических выражений.

“Greece is playing to lose”. (Project Syndicate, 2020)

Заголовок посвящен конфронтации Германии с Грецией, которая требует сокращения долга, чтобы противостоять финансовому кризису, но Германия, на стороне которой находится Международный валютный фонд, является сильной стороной в игре и сопротивляется списанию долгов. Поэтому, как следует из метафоры, несмотря на участие Греции в игре, считается само собой разумеющимся, что она является слабой стороной и, похоже, не в состоянии найти решение своего финансового кризиса. Иными словами, Греция больше похожа на игрока, который вступает в игру и знает, что у него нет потенциала, необходимого для победы в игре, и поэтому готов проиграть.

В ходе исследования было выявлено, что в британской прессе значительное распространение получили метафоры игры: *to be back in play* (вернуться в игру), *checkers* (шашки), *gamble* (азартные игры), *roulette* (рулетка), *cards* (карты) и соответствующие игровые действия: *to showdown* (открыть карты), *a bet on something* (ставка на что-либо), *to play that card* (разыгрывать карту), *to have trump cards* (иметь козыри).

“When his efforts failed, he steered Russia away from the western orbit, rebuilt the country’s military power and used it to protect Russian security interests in Ukraine – as he saw them – as well as to project force outside the former empire, to send the message to the world that Russia was back in play”. (The Guardian, 2017)

Также в дискурсе масс-медиа были выявлены следующие метафорические употребления: *game of subversion* (подрывная игра), *game of strategy* (стратегическая игра), *political game* (политическая игра), *team game* (командная игра), *gamble* (азартные игры), *Russian roulette* (русская рулетка), *charade* (шарада), *stunt* (эффективное спортивное выступление), *to showdown* (открыть карты).

“Was the 2016 Election a Game of ‘Russian Roulette’?” (The New York Times, 2018)

“Russia’s Election: More Charade Than Race”. (The New York Times, 2018)

Особое внимание заслуживает сфера-источник «chess» (шахматы), представленная следующими метафорами: *chessboard* (шахматная доска), *pieces* (фигуры), *checkmate* (мат), *gambit* (гамбит). Являясь наиболее частотной спортивной метафорой, используемой при описании политики, она позволяет адресату представить сложность политических действий, когда нужно наперед просчитывать ходы оппонента.

“It’s simple: while the world is playing checkers, Putin is playing chess. He seized Crimea from the Ukrainians with barely a shot fired; he got back Yalta, the favoured beach resort of Chekhov and the tsars, and all he faced as punishment were some minor sanctions”. (The Guardian, 2017)

“In the Syria chess game, did Putin outwit Obama?” (The Washington Post, 2016)

Шахматы – стратегически и тактически сложная игра, в которой игроки заранее в нескольких вариантах просчитывают свои ходы и ходы противника. Соответственно, читатель в данном случае может лучше понять политическую жизнь, даже если он совсем не играет в шахматы.

The Liberal Democrat home affairs spokesman, Chris Huhne, said: *“It beggars belief that the government could have scored such a devastating own goal on the very day that it was pushing draconian counter terrorism laws through parliament”*. (The Guardian, 2008)

В примере речь идет о продвижении Британским правительством законов о борьбе с терроризмом. Метафора «*devastating own goal*» (забить в свои ворота) показывает читателям насколько неоправданными, рискованными бывают действия политиков. В данном случае моделирующая разновидность когнитивной функции метафоры выступает вместе с популяризаторской разновидностью коммуникативной функции.

Крикет – это первый игровой вид спорта, который считается спортом джентльменов, он не требует физического противостояния, не опасен, игроки носят изысканную спортивную экипировку.

“Gentlemen’s agreements ought to be sacrosanct and the behavior of the Russian leader was just not cricket”. (The Observer, 2007)

На базе знаний и представлений об игре в крикет читатель осмысливает область действительности (т.е. метафоризированное поведение Президента России) как «неуместное поведение».

*“Some of our senators and representatives say the Iraqis should **step up to the plate** and reconcile their differences; others say we made the mess and we should stay in Iraq until there is a return to stability”*. (New York Times, 2008)

Метафора *«to step up to the plate»* (брать на себя ответственность) ведет начало из бейсбола и употребляется, когда игрок готов принять подачу. Проведя над ней когнитивную операцию, читатель понимает, к чему призывают правительство и народ Ирака, а также некоторые американские политики.

*“On immigration, Ms. Smith **has played a very straight bat** – acknowledging concerns about east European migration but stressing the benefits it has brought”*. (The Guardian, 2007)

Приведенная в примере метафора отсылает к ситуации в матче по крикету, когда игрок держит биту вертикально, чтобы отразить мяч. В переносном смысле информированный читатель делает выводы о том, что политик неожиданным образом прямо признал данную иммиграционную проблему. Наречие *very* меняет смысл метафоры *“to play a straight bat”*, которая в своем оригинальном виде означает «пытаться избежать ответов на трудные вопросы» или «предложить уклончивый ответ на вопрос».

*“The Assam Government is **on a sticky wicket** by not holding Panchayat elections within five years of its constitution as provided under Article 243(E)(3) of the Constitution of India”*. (Hindustan Times (India), 2007)

В данном примере читатель представляет в сознании «затруднительное положение» правительства Ассамы (штата Индии) через ассоциацию с привычным значением этой реалии крикета.

Таким образом, спортивная терминология подвергается метафорической номинации и проникает из спортивного дискурса в другие дискурсы: политический и деловой. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что политика воспринимается как игра, а политики рассматриваются как игроки, политические партии рассматриваются как спортивные команды, а политическая тактика понимается как спортивная. Политика, выражаясь метафорически, – это игра на победу («playing to win»). Слово «game» (гонка) использу-

ется чаще, чем термин «election campaign» (избирательная кампания), а фраза «running mate» (напарник, кандидат) звучит гораздо более знакомо, чем «campaign partner» (партнер по предвыборной кампании).

В деловом дискурсе спортивные метафоры широко используются в заголовках отчетов о деловых новостях, в описании бизнес-событий. Часто деловая ситуация представляется как «a playing field» (игровое поле), ограничения на процедуры и виды деятельности передаются через «barred holds» (запретные зоны), а борьба с трудностями сопоставима с «wrestling with measures».

С точки зрения когнитивной теории метафорические выражения спортивного дискурса расшифровываются в понимании людей путем отображения абстрактных понятий в целевой области с помощью конкретных концептов. Хотя процесс применения двух областей происходит одновременно, тем не менее акцент делается на метафорических аспектах слов и фраз, их переносных значениях и скрытых идеях.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 300 с.
2. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73-94.
3. Дэвидсон Д. Что означают метафоры. М.: Прогресс, 1990. 345 с.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2008. 256 с.
5. Маккормак Э. Когнитивная теория. М.: Прогресс, 1990. С. 358-386.
6. Миллер Дж. Образы и модели, употребления и метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 236-284.
7. Минский М. Фреймы для представлений знаний. М.: Мир, 1979. 198 с.
8. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 91-102.
9. Рамазанова Л.Г. Метафора в публицистическом тексте (На материале произведений А.Н. Толстого): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: Махачкала, 2004. 172 с.
10. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб: Наука, 1993. 152 с.
11. Солганик Г.Я. Выразительные ресурсы лексики публицистической речи // Поэтика публицистики. М.: МГУ, 1995. С. 10-20.

12. Сысоева Н.А. Классификация газетных // Филологический поиск, 2000. №. 4. С. 50-57.
13. Третьякова И.В. Спортивная метафора в немецкоязычном публицистическом тексте // Вопросы филологии и переводоведения в социокультурном контексте. Чебоксары, 2014. С. 51-55.
14. Харченко В.К. Функции метафоры: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. 87 с.
15. CNN International - Breaking News, US News, World News. URL: <https://edition.cnn.com/> (дата обращения: 31.12.2022).
16. English with a Twist, 2020. URL: <https://englishwithatwist.com/2013/05/06/10-metaphors-connecting-business-and-sports-that-you-could-use/> (дата обращения: 15.09.2022).
17. Mio J.S., Katz A.N. Metaphor: Implications and Applications. NY: Psychology Press, 2017, 292 p.
18. News, sport and opinion from the Guardian's US edition. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 11.01.2023).
19. Observer: News, data and insight about the powerful forces. URL: <https://observer.com/> (дата обращения: 13.01.2023).
20. Project Syndicate: PS - The World's Opinion Page. URL: <https://www.project-syndicate.org/> (дата обращения: 11.01.2023).
21. The New York Times - Breaking News, US News, World News. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 14.01.2023).
22. The Washington Post - Breaking news and latest headlines. URL: <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения: 30.12.2022).
23. Best Players 2020. URL: <https://poetryprofcom.files.wordpress.com/2021/02/2020-worlds-best-male-and-female-players.pdf> (дата обращения: 01.10.2022)

References

1. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse] *Teorija metafori* [The Theory of Metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, 300 p.
2. Baranov A.N. O tipah sochetaemosti metaforicheskikh modelej [On the types of compatibility of metaphorical models]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of Linguistics], 2003, no. 2, pp. 73-94.
3. Davidson D. *Chto oznachajut metafory* [What metaphors mean]. Moscow: Progress Publ., 1990, 345 p.

4. Lakoff J. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors that we live by]. Moscow: LKI Publ., 2008, 256 p.
5. McCormack E. *Kognitivnaja teorija* [Cognitive theory]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 358-386.
6. Miller J. Obrazy i modeli, upotrebleniya i metafori [Images and models, uses and metaphors]. *Teorija metafori* [Theory of Metaphor] Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 236-284.
7. Minsky M. *Freimi dla predstsvlenii znaniy* [Frames for knowledge representations]. Moscow: Mir Publ., 1979, 198 p.
8. Nikitin M.V. O semantike metafory [On the semantics of metaphor]. *Voprosi yazikoznaniya* [Questions of Linguistics], 1979, no. 1, pp. 91-102.
9. Ramazanova L.G. *Metafora v publicisticheskom tekste* (Na materiale proizvedeniy A.N. Tolstogo) [Metaphor in a journalistic text (Based on the works of A.N. Tolstoy)]. PhD dissertation. Makhachkala, 2004, 172 p.
10. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazika* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993, 152 p.
11. Solganik G.Ya. Virazitelnie resursi liksiki publicisticheskoi rechi [Expressive resources of the vocabulary of journalistic speech]. *Poetika publicistiky* [Poetics of Journalism], 1995, pp. 10-20.
12. Sysoeva N.A. Klassifikaciya gazet [Newspapers classification]. *Filologicheskii poisk* [Philological Search], 2000, no. 4, pp. 50-57.
13. Tretyakova I.V. Sportivnaya metafora v nemetskom publicisticheskom tekste [Sports metaphor in a German-language journalistic text]. *Voprosi filologii i perevoda v socio-kulturnom kontexte* [Questions of Philology and Translation Studies in a Socio-Cultural Context]. Cheboksary, 2014, pp. 51-55.
14. Kharchenko V.K. *Funkcii metafori* [Functions of metaphor]. VSU Publ., 1992, 87 p.
15. *CNN International - Breaking News, US News, World News*. URL: <https://edition.cnn.com/> (accessed December 31, 2022).
16. *English with a Twist, 2020*. URL: <https://englishwithatwist.com/2013/05/06/10-metaphors-connecting-business-and-sports-that-you-could-use/> (accessed September 15, 2022).
17. Mio J.S., Katz A.N. *Metaphor: Implications and Applications*. NY: Psychology Press, 2017, 292 p.

18. *News, sport and opinion from the Guardian's US edition*. URL: <https://www.theguardian.com/international> (accessed January 11, 2023).
19. *Observer: News, data and insight about the powerful forces*. URL: <https://observer.com/> (accessed January 13, 2023).
20. *Project Syndicate: PS - The World's Opinion Page*. URL: <https://www.project-syndicate.org/> (accessed January 11, 2023).
21. *The New York Times - Breaking News, US News, World News*. URL: <https://www.nytimes.com/> (accessed January 14, 2023).
22. *The Washington Post - Breaking news and latest headlines*. URL: <https://www.washingtonpost.com> (accessed December 30, 2022).
23. *Best Players 2020*. URL: <https://poetryprofcom.files.wordpress.com/2021/02/2020-worlds-best-male-and-female-players.pdf> (accessed October 01, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ратуева Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений Института филологии и языковой коммуникации *Сибирский федеральный университет*
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
ratueva.olga@mail.ru

Лазуткина Елена Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений Института филологии и языковой коммуникации *Сибирский федеральный университет*
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
helenal20@mail.ru

Ефремова Елена Петровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений Института филологии и языковой коммуникации *Сибирский федеральный университет*

пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
yefremovafu@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Ratueva, Associate Professor, Department of Foreign Languages for the Humanities, Candidate of Pedagogy
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
ratueva.olga@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0977-8647>

Elena V. Lazutkina, Associate Professor, Department of Foreign Languages for the Humanities, Candidate of Cultural Studies
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
helenal20@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5842-7053>

Elena P. Efremova, Associate Professor, Department of Foreign Languages for the Humanities, Candidate of Pedagogy
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
yefremovafu@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8012-7882>

Поступила 25.11.2022

Received 25.11.2022

После рецензирования 22.12.2022, 01.02.2023

Revised 22.12.2022, 01.02.2023

Принята 16.02.2023

Accepted 16.02.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-28-36

УДК 81.23

ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК КАК ТИПА ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Л.Н. Цедрик

В настоящей статье тексты путевых заметок на материале немецкого языка и их лингвостилистические особенности рассматриваются в рамках типологического анализа, основанного на подходе немецкой текстологической школы, важнейшим направлением которой является изучение разнообразия типов текста.

Цель исследования – определить основные особенности типа текста путевых заметок на материале немецкого языка.

В качестве материалов исследования были выбраны немецкоязычные тексты путевых заметок, опубликованных в печати, а также размещенных на интернет-порталах. В ходе исследования и выполнения поставленных задач использовались методы сопоставительного и описательного анализа, которые включали классификацию, интерпретацию и обобщение. В работе также задействованы элементы этимологического, дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа.

Результаты. *Тексты путевых заметок выполняют одновременно информативную и апеллятивную функции, которые позволяют отнести путевые заметки к переходному типу текстов. Несмотря на относительную свободу, которой обладает автор при создании текста, путевые заметки все же имеют определенную структуру. Определение основных характеристик путевых заметок как типа текста позволяет сделать вывод, что они представляют собой специфический феномен, объединяющий в себе не только различные речевые компоненты, но и другие типы текстов.*

Область применения результатов. Теоретическая значимость заключается в изучении и описании путевых заметок как типа текста, анализе их характеристик и лингвостилистических особенностей. Материал исследования может быть использован при дальнейшем изучении данного типа текста. Полученные данные могут быть использованы в теоретических курсах и семинарах лексикологии и стилистики при обучении немецкому языку.

Ключевые слова: путевые заметки; туризм; тип текста; типологический подход; немецкий язык

Для цитирования. Цедрик Л.Н. Основная характеристика путевых заметок как типа текста (на материале немецкого языка) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 28-36. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-28-36

MAIN CHARACTERISTICS OF TRAVEL NOTES AS A TEXT TYPE (BASED ON GERMAN TEXTS)

L.N. Tsedrik

The article presents travel notes in German and their linguistic and stylistic features within the context of a typological analysis based on the approach of the German textological school which studies the diversity of text types.

The purpose of the study is to determine the main features of travel notes as a text type.

Research material: travel notes in German published in the press, as well as posted on Internet portals. As part of the study **methods** of comparative and descriptive analysis were used, which included classification, interpretation, and generalization. The study also involves elements of etymological, definitional, component and contextual analysis.

Results. The texts of travel notes perform both informative and appellative functions, which make it possible to define travel notes as the transitional type of texts. Despite the relative freedom that the author has in creating texts, travel notes still have a certain structure. The defi-

nition of the main characteristics of travel notes as a type of text allows us to conclude that they are a specific phenomenon that combines not only various speech components, but also other types of texts.

Practical implications. *The theoretical significance lies in the study and description of travel notes as a text type, analysis of their characteristics and linguistic and stylistic features. The research material can be used for further study of this type of text. The data obtained can be used in theoretical courses and seminars on lexicology and stylistics when teaching the German language.*

Keywords: *travel notes; tourism; text type; typological approach; German*

For citation. *Tsedrik L.N. Main Characteristics of Travel Notes as a Text Type (Based On German Texts). Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 28-36. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-28-36*

Путевые заметки принято рассматривать как жанр публицистики, который является разновидностью путевого очерка. Если путевой очерк – это художественно оформленный путевой дневник, то путевые заметки носят непринужденный характер и не ограничиваются определенными правилами, характерными для художественного текста. Тем не менее многие лингвисты не разграничивают путевые заметки и путевой очерк и определяют их как художественно-публицистическую жанровую группу [3, с. 16].

Поскольку в нашей работе путевые заметки на материале немецкого языка анализируются в рамках типологического подхода к изучению текстов, мы не будем брать во внимание их жанровую принадлежность, а сосредоточимся на описании их функциональных, контекстуальных и формальных характеристик.

Согласно типологической матрице Б. Зандиг [8, S. 113], путевые заметки относятся к типу текста личное письмо / дневниковые записи, т.к. к их основным текстовым параметрам относятся *письменная форма, спонтанность изложения, монологичность*. Автор путевых заметок описывает события и собственные переживания

непосредственно по ходу действия, ему важно зафиксировать свои первичные впечатления мгновенно: „*Von Milkowo nach Süden ist wieder ein Stück Straße asphaltiert. So schreibt sich das Tagebuch lesbarer!*“ [9, S. 17].

Структуру путевых заметок составляет обозначение времени и места действия („*2. August 2015*“, „*Flug Berlin – St. Petersburg*“), основная часть, которая представляет собой последовательность эпизодов и может включать авторские рассуждения, и заключение, где автор подводит итоги путешествия [2, с. 99].

Путевые заметки выполняют *информативную и апеллятивную* функции. *Информативная функция* заключается в обозначении времени и места действия, конкретном описании маршрута, достопримечательностей, обстановки или ситуации в каком-либо населенном пункте или заповеднике. Автор также может уделить внимание определенному факту, собственным наблюдениям или случайно услышанному разговору: „*In 19 Tagen werde ich einen Teil der Halbinsel Kamtschatka erwandern. Das umfasst eine fünftägige Wanderung teilweise durch die subarktische Tundra. Anschließend werden wir von drei „Basislagern“ ausgehend vier der 29 noch aktiven Vulkane dieser Halbinsel erkunden*“ [9, S. 5].

Пейзажные и портретные зарисовки позволяют читателю сформировать образ конкретных действующих лиц, помогают дополнить общую картину повествования: „*Es ist Dima. Er studiert in St. Petersburg das Pilotenfach und ist zu Hause in Jelisowo auf Kamtschatka. Dima ist 18 Jahre alt und hat bereits ein Jahr Pilotenausbildung hinter sich. Er meint auf Kamtschatka gibt es viele gute Menschen. Das glaube ich glatt!*“ [Там же, S. 13].

В путевых заметках также отдельно могут выноситься информационные справки: „*In Naturpark leben etwa 3.000 Menschen, davon 2.300 in Esso, etwa 600 Anavgai und 100 in kleinen Einzelsiedlungen.*“ [Там же, S. 20].

Вышеприведенные компоненты путевых заметок побуждают автора размышлять об увиденном, описывать его впечатления, точку зрения на определенные события [1, с. 30]. Поэтому путевые замет-

ки являются абсолютно субъективным произведением, в котором события представлены через призму видения автора, анализируется увиденное и произошедшее.

Именно авторские рассуждения, имеющие конкретную модальность, выполняют *апеллятивную функцию*, поскольку они включают субъективную оценку объектов и реалий, которая может заинтересовать читателя: „*Wir stehen auf einem runden Felsplateau von wenigen Metern Durchmesser und blicken auf ein von bunten Gebetsfahnen umwickeltes Gelände, durch das uns das Powerblau des Baikal entgegenstrahlt.*“ [7, S. 139].

Являясь информативным отчетом о путешествии, путевые заметки отличает заметное преобладание авторского начала, что позволяет нам отнести их к *переходному типу текстов* (к данному типу относятся тексты, выполняющие одновременно две и более функции [6, S. 139]): т.е. путевые заметки одновременно являются типом текста, в котором присутствует доминанта самовыражения и побуждения и который выполняет информативную функцию.

Согласно основным функциям путевых заметок можно сделать вывод, что форма развития темы по К. Бринкеру обретает описательный, пояснительный и повествовательный характер [5, с. 140], что говорит об их многокомпонентности.

В основном композиция путевых заметок имеет хронологический характер, события и передвижение описываются в последовательном порядке. В следующем примере представлены заголовки отдельных путевых заметок, которые соответствуют маршруту следования автора: „*St. Petersburg – Petropawlowsk-Kamtschatskij ... Jelisowo – Klappertopfwiese ... Klappertopfwiese – Esso ... Esso ... Tundrawanderung (1.-5. Tag) ... Fahrt zum Tolbatschik ... Tolbatschik – Klappertopfwiese – Gorelij ... Gorelij-Besteigung ... Vulkanlager – Paratunka – Lachsfang.*“ [9]

Однако путевые заметки не ограничены строгой композиционной структурой, они могут представлять собой своего рода репортаж, отчет или даже рекламу отдельных стран, мест отдыха.

Свободная структура путевых заметок также позволяет автору объединять в них несколько типов текста: „*Rezept Borschtsch: 500 bis 600 Gramm Kassler, mageres Bauchfleisch oder Kamm mit Brühe/Wasser bedecken, ca. 20 Minuten kochen und anschließend in Stücke schneiden. 1. Zwischen Rote Bete würfeln (ca. 1,5 bis 2 cm Kantenlänge), in gewürfeltes Fleisch geben und ca. 15 Minuten kochen lassen. 2. Danach ...*“ [Там же, S. 99]. В данном примере представлен фрагмент прескриптивного типа текста – кулинарного рецепта, который является частью основного текста путевых заметок. Во втором примере представлен фрагмент поэтического текста, с помощью которого автор хочет выразить искреннюю благодарность церковной общине в Хабаровске: „*Ich möchte sie mit einem Gedicht von Joachim Ringelnatz danken: Die Ameisen. In Hamburg lebten zwei Ameisen / Die wollten nach Australien reisen...*“ [Там же, S. 67-68].

В заключении автор подводит итоги путешествия. Итоги могут быть оформлены в виде рассуждения, схем, перечисления посещенных мест, количества пройденных километров. Оформление итогов у каждого автора варьируется: „*110 Bahnkilometer, ca. 150 Fußkilometer, ca. 8.560 Flugkilometer (1.-24. August), ca. 5.400 Bahnkilometer, ca. 6.190 Flugkilometer (24. August – 10. September). Das ergibt insgesamt 20.410 Kilometer!*“ [Там же, S. 109].

Кроме того, путевые заметки содержат невербальные компоненты: различные изображения, схемы маршрута (рисунок 1), фотографии (рисунок 2) (источник иллюстративного материала: Schumann C. Ohne Rasputin zu Kamtschatkas Vulkanen und zur BAM, Ein Reisebericht aus Russland. 5 schöne Tage auf der Insel).

Определение основных характеристик путевых заметок как типа текста позволяет сделать вывод, что они представляют собой специфический феномен, объединяющий в себе не только различные речевые компоненты, но и другие типы текстов. Разнообразие поднимаемых вопросов в текстах путевых заметок также представляет интерес для их изучения и интерпретации, что способствует более детальному рассмотрению и осмыслению культурных особенностей разных стран.

Рис. 1

Рис. 2

Список литературы

1. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М.: Мысль, 1969. 512 с.

2. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. 375 с.
3. Маслова Н.М. Путевые заметки как публицистическая форма (становление и развитие жанра «путешествия» в публицистике). М.: МГУ, 1977. 153 с.
4. Brinker K. Textlinguistik: Studienbibliographie. Heidelberg: Groos, 1993, 44 S.
5. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin, 2010, 160 S.
6. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik: Eine Einführung. Tübingen: Walter de Gruyter Verlag, 1991, 310 S.
7. Malchow J. Mut für zwei. München: Piper Verlag GmbH, 2013, 320 S.
8. Sandig B. Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Textsorten im Deutschen // Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht. Frankfurt/M: Athenaum, 1975, S. 113-124.
9. Schumann C. Ohne Rasputin zu Kamtschatkas Vulkanen und zur BAM. Dessau: RUPA-Druck, 2016, 110 S.
10. Ein Reisebericht aus Russland. 5 schöne Tage auf der Insel. URL: <https://russland-anders.com/blog/russland-reisenden/ein-reisebericht-aus-russland-5-sch-ne-tage-auf-der-insel/> (дата обращения: 11.10.22)

References

1. Zhurbina E.I. *Teoriya i praktika hudozhestvenno-publicisticheskikh zhanrov* [Theory and practice of artistic and journalistic genres]. Moscow: Mysl' Publ., 1969, 512 p.
2. Kozhin A.N., Krylova O.A., Odincov V.V. *Funktional'nye tipy russkoj rechi* [Functional types of Russian speech]. Moscow: Vysshaja shkola Publ., 1982, 375 p.
3. Maslova N.M. *Putevye zametki kak publicisticheskaya forma (stanovlenie i razvitie zhanra «puteshestviya» v publicistike)* [Travel notes as a journalistic form (formation and development of the “travel” genre in journalism)]. Moscow: MSU, 1977, 153 p.
4. Brinker K. Textlinguistik: Studienbibliographie. Heidelberg: Groos, 1993, 44 S.

5. Brinker K. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin, 2010, 160 S.
6. Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik: Eine Einführung. Tübingen: Walter de Gruyter Verlag, 1991, 310 S.
7. Malchow J. Mut für zwei. München: Piper Verlag GmbH, 2013, 320 S.
8. Sandig B. Zur Differenzierung gebrauchssprachlicher Textsorten im Deutschen. *Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht*. Frankfurt/M: Athenaum, 1975, S. 113-124.
9. Schumann C. Ohne Rasputin zu Kamtschatkas Vulkanen und zur BAM. – Dessau: RUPA-Druck, 2016, 110 S.
10. Ein Reisebericht aus Russland. 5 schöne Tage auf der Insel. URL: <https://russland-anders.com/blog/russland-reisenden/ein-reisebericht-aus-russland-5-sch-ne-tage-auf-der-insel/> (accessed October 11, 2022)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Цедрик Лидия Николаевна, младший научный сотрудник, специалист по УМР

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»

ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
lida.sed@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lidiia N. Tsedrik, junior research associate, teaching and learning specialist

Irkutsk State University

1, Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

lida.sed@mail.ru

SPIN-code: 6471-4993

Поступила 22.12.2022

После рецензирования 05.01.2023

Принята 19.01.2023

Received 22.12.2022

Revised 05.01.2023

Accepted 19.01.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-37-52
УДК 81'25

АВТОРСКИЙ СТИЛЬ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Т. ЧАНА «ИСТОРИЯ ТВОЕЙ ЖИЗНИ»)

П.С. Панченко, Е.Д. Андреева

Статья посвящена рассмотрению основных черт авторского стиля американского писателя-фантаста Теда Чана и особенностей их передачи на русский язык.

Актуальность темы связана с тем, что авторский стиль писателя ещё не становился предметом изучения, несмотря на популярность его произведений. Проблема авторского стиля в переводе стоит тем более остро, что до сих пор нет единого мнения о критериях выявления стилиобразующих черт авторской манеры письма.

Цель исследования – идентификация основных черт идиостиля и факторов их формирования у конкретного писателя, а также способов их передачи на русский язык. Для этого анализируется жанровая принадлежность исследуемого произведения, сфера интересов писателя, идейно-тематическая составляющая, образы персонажей и стилистические средства, тип повествования, а также перевод произведения в аспекте сохранения или трансформации выявленных черт.

Материалом исследования выбрана повесть «*Story of Your Life*» (2002) американского писателя-фантаста Т. Чана.

Результаты исследования: на основе сравнительно-сопоставительного текстуального анализа выявлены компоненты идиостиля Т. Чана и определено, что часть из них носит экстралингвистический характер, а также обозначены стратегии их воссоздания в тексте перевода.

Ключевые слова: авторский стиль; художественный перевод; художественная литература; научная фантастика; Тед Чан

Для цитирования. Панченко П.С., Андреева Е.Д. Авторский стиль в переводе (на материале повести Т. Чана «История твоей жизни») // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 37-52. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-37-52

INDIVIDUAL STYLE IN TRANSLATION (BASED ON T. CHIANG'S SHORT NOVEL STORY OF YOUR LIFE)

P.S. Panchenko, E.D. Andreeva

The article examines the main features of the individual style of the American science fiction writer Ted Chiang and the peculiarities of their translation into Russian language.

*The **relevance** is related to the fact that the individual style of the writer has not yet become a subject of study, despite popularity of his works. The problem of author's style in translation is critical as there is no unanimity on criteria to define style-forming elements of author's style.*

*The **purpose of the study** is to identify the main features of the author's individual style and their forming factors, as well as the ways to translate them into Russian. For this we analyze the genre affiliation of the work, writer's sphere of interest, ideological and thematic components, characters' images and stylistic means, the type of narration, as well as the translation in terms of preserving or transforming these features.*

*The **material**: T. Chiang's sort novel Story of Your Life (2002).*

***Results of the study**: by textual comparison we define T. Chiang's style elements and show that some of them are extralinguistic, also we describe their translation strategies.*

***Keywords**: individual style; literary translation; fiction; science fiction; Ted Chiang*

***For citation.** Panchenko P.S., Andreeva E.D. Individual Style in Translation (Based on T. Chiang's Short Novel Story of Your Life). Sovremennyye issledovaniya socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 37-52. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-37-52*

Введение

При воссоздании в переводе впечатления, которое оказывает текст оригинала на читателя переводчик обязан тщательно изучить черты авторского стиля, или идиостиля, писателя, которые делают его текст уникальным в литературном и лингвистическом плане. Широко вопрос индивидуального стиля был раскрыт в работах В.В. Виноградова, И.В. Арнольд, И.Р. Гальперина, А.В. Фёдорова и др. Идиостиль в переводе изучают Н.А. Бонадык, Е.С. Кудинова, Т.С. Мозоль, Д.А. Самарин.

Несмотря на сравнительную популярность автора, реализация его авторского стиля ещё не была изучена, а повесть «Stories of Your Life» не становилась объектом исследования, что обуславливает **актуальность** данной статьи. **Новизна** исследования заключается в подходе к изучению идиостиля не только в лингвистическом плане, но и с учетом экстралингвистических факторов, жанра и типа повествования, влияющих на его формирование.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей авторского стиля современного писателя-фантаста Теда Чана и факторов, которые формируют его, в оригинале и переводе. В рамках данного исследования можно сформулировать следующие **задачи**: 1) проанализировать существующие работы и подходы к определению понятия авторского стиля; 2) определить составляющие идиостиля и выявить способы его реализации; 3) определить стратегии воссоздания идиостиля в переводе.

Материалы и методы

В качестве материала исследования выбрана повесть «Story of Your Life» американского писателя-фантаста Т. Чана из сборника «Stories of Your Life and Others» (TorBooks, 2002), вышедшего на русском в 2017 г. после успеха фильма Д. Вильнёва «Прибытие», снятого по этой повести. Выбор материала обусловлен его жанровой принадлежностью к научной фантастике, которая представляет собой сложное направление как в идейно-художественном замысле, так и способах его реализации. Писатель описывает мир, в котором

инопланетные существа стали неотъемлемой частью жизни людей, расширив их восприятие мира через обучение своему языку. Благодаря этому у главного героя повести меняется восприятие времени, что убедительно реализовано писателем от первого лица.

Для проведения исследования использованы методы анализа научной литературы для определения степени изученности проблемы, метод сплошной выборки, методы текстуального и сравнительно-сопоставительного анализа.

История вопроса

Существуют различные подходы к понятию идиостиля в современной лингвистике. Прежде всего авторским стилем занимаются лингвостилистика и литературоведческая стилистика, т.к. он существует одновременно в двух пересекающихся плоскостях – лингвистике и литературоведении, поэтому нельзя рассматривать идиостиль только с одной точки зрения [1, с. 19].

Согласно Стилистическому энциклопедическому словарю русского языка идиостиль – это «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [10, с. 95]. Н.А. Фатеева отмечает, что идиостиль – «это система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присутствующих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих текстах авторский способ языкового выражения и стиль его мышления» [11].

Основоположниками функционального подхода к изучению индивидуального стиля являются В.П. Григорьев и В.В. Виноградов, которые предложили лингвостилистический анализ художественного текста, подразумевающий его разбор на всех языковых уровнях и выявление доминантных стилистических средств, единство которых формирует авторский стиль. Например, на фонетическом уровне самыми распространенными являются ассонанс, аллитерация и звукоподражание, на морфемном уровне – аффиксации и способы словосложения. Показателями авторского стиля могут быть

различные неологизмы и тропы, очень часто писатели имеют уникальную форму построения предложения, например, преобладание эллиптических предложений. По-другому средства текстообразования называют маркерами, поскольку за счёт своей оригинальности они обращают на текст внимание читателя [9, с. 2].

Представители семантико-стилистического подхода (В.В. Виноградов, Л.С. Захидова, Л.И. Донецких и др.) рассматривают идиостиль как некую систему «индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения» [5, с. 167]. В данном случае при анализе языка писателя исследователи рассматривают словесные формы в рамках их эстетической организации.

Н.С. Болотнова и М.П. Котюрова понимают идиостиль как «сложное, многомерное и многоуровневое проявление личности автора, «стоящей за текстом»: его лексикона, знаний о мире, мотивов, определяющих своеобразие текстовой организации, неповторимости и оригинальности ассоциаций, отражённых в лексической структуре слова» [3, с. 176].

На наш взгляд, самым полным является определение идиостиля, которое дала Н.Н. Грибова, т.к. оно охватывает и лингвистические, и экстралингвистические стороны явления. Она считает, что идиостиль – «система языковых средств, подчинённых эстетическим и коммуникативным задачам художественного произведения, посредством которых создаётся индивидуально-авторская картина мира» [6, с. 7].

Таким образом, идиостиль – это отражение картины мира писателя, которая выражается не только в системе художественных образов, но и в выборе лингвистических средств, от которых зависит понимание читателем этих образов в системе координат автора. Так, инопланетяне в повести выступают прогрессорами для человечества, и их язык формирует особое восприятие мира, которое позволило им продвинуться далеко вперёд и даже представить себя другой расе. Автор делает их совершенно непохожими на людей, далёкими от устоявшихся представлений о внеземной цивилизации.

лизации, а их появление окутано ореолом тайны. Поскольку сама идея такого сильного изменения когнитивных способностей пока ещё не видится как нечто реальное, автор попытался создать такой образ, который сложно до конца понять. Более того, автор лишает инопланетян прямой речи, чтобы не разрушить образ прогрессивных существ, язык которых в корне отличается от земных языков.

Обсуждение и результат

На формирование стиля писателя могут влиять многие факторы: мотив написания, образование, менталитет, род деятельности, политические взгляды, отношение к семье и браку и т.п. Чтобы понять, почему автор прибегает к использованию тех или иных способов выражения своих мыслей, необходимо изучить биографию самого автора и сферу его интересов, а затем последовательно проследить, как выявленные индивидуальные особенности проявляются в его творчестве. По мнению Д.А. Самарина, авторы часто прибегают к использованию специальных тактик для создания особой атмосферы, используя лексико-семантические средства, что также является проявлением индивидуальности автора [8, с. 2667].

Рассмотрим жанровую принадлежность текста. Научная фантастика богата на всевозможные реальные и нереальные сюжеты. С. Дилэни пишет о том, что чтение научной фантастики требует опыта, знания и владения особыми культурными кодами, или, как он их называет, «протоколами научной фантастики». Другими словами, для того, чтобы воспринять научно-фантастический художественный текст, нужно обладать некими фоновыми знаниями о том, как устроен этот жанр [15, р. 10].

Сюжет в научной фантастике строится на различных научных допущениях и гипотезах, которые будут подкрепляться реальными законами, поэтому заданная картина мира выглядит вполне логичной и непротиворечивой. Как утверждают М.И. Вахрушева и П.Е. Ларкина в статье, посвященной авторскому стилю К. Функе, «выбор жанра литературного произведения является основной характеристикой идиостиля автора» [4].

Фантасты часто прибегают к использованию в своих текстах объяснений, связанных с разными областями наук, особенно с естественными науками, чем и обуславливается название «научная фантастика». Тяготение автора к обращению к одной и той же науке в своих произведениях можно также отнести к маркеру, который формирует его индивидуальный стиль. Так, Т. Чан в своих рассказах и повестях часто обращается к лингвистике. Рассказ «Seventy-two Letters» содержит новые предположения в области семиотики, ключевой момент в рассказе «Understand» связан с лингвистическим программированием, а анализируемая повесть «Story of Your Life» полностью завязана на гипотезе лингвистической относительности. Автор объясняет с научной точки зрения, почему могут возникнуть сложности в коммуникации между негуманоидными пришельцами и людьми, и это объяснение вполне допустимо, т.к. это может быть одной из причин, почему мы не можем коммуницировать обычным образом с другими существами на нашей планете. Возможно, писатель хотел таким образом показать и отношение к гипотезе, т.к. «автор сознательно или бессознательно отражает в художественном тексте свою индивидуально-авторскую картину мира» [7, с. 184-185].

Интересы автора – это экстралингвистический фактор, влияющий на формирование индивидуального стиля, поэтому сюжетные особенности влияют на то, какие средства выражения используются. Лексический состав рассматриваемой повести изобилует лингвистическими терминами и связанной с этой отраслью лексикой (phonology lab, grapheme, phoneme, intransitive verb, transitive verb, noun, verb, phonemics, graphemics, vocabulary, syntax, bilingual procedure, monolingual discovery procedure), наличие которых есть и сюжетное объяснение: главный персонаж по профессии лингвист.

Другой особенностью авторского стиля является почти полное отсутствие эпитетов; они употребляются только в эпизодах, связанных с дочерью героини.

*It will remind me, again, that you won't be a clone of me; you can be **wonderful, a daily delight**, but you won't be someone I could have created by myself* [14, p. 99].

Now if only I can remember that sound the next time your blithe disregard for self-preservation gives me a heart attack [Там же, р. 109].

Повесть написана от первого лица, где рассказчик – это главный герой повести. В основном все действия происходят в рабочей атмосфере, где героиня размышляет надо всей ситуацией с инопланетянами и анализирует свою работу лингвиста, не позволяя себе «лирические отступления». Однако в роли матери она ведёт себя иначе. Таким образом, на формирование идиостиля влияют и образы героев, особенно если от лица одного из них написано произведение.

Огромное значение в повести имеет грамматическая организация текста, а именно синтаксис. По мере изучения инопланетного языка, в котором нет разделения на прошлое, настоящее и будущее, у главной героини меняется восприятие времени. Мир больше не делится на три основных временных линии, а воспринимается как единое целое. Автор смешивает сюжетные линии прошлого, будущего и настоящего, из-за чего создаётся впечатление, что всё происходит одновременно. Это приводит к трудностям восприятия у читателя: поначалу сложно понять, в какой промежуток времени происходят события повести.

Right now your dad and I have been married for about two years, living on Ellis Avenue; when we move out you'll still be too young to remember the house, but we'll show you pictures of it, tell you stories about it [Там же, р. 84].

Например, в приведённом выше предложении события происходят в условно будущем времени. А в предложении ниже описываются события, происходящие в условном настоящем – в том, где развиваются основные события.

He seemed to be assessing his surroundings with a critical eye [Там же, р. 85].

А.В. Фёдоров утверждал, что для создания художественного единства большое значение имеет характер синтаксических связей. Так, Т. Чан часто использует точку с запятой, особенно в диалогах, даже там, где вполне логично можно было бы поставить точку. Сделано это с целью показать непрерывный ход мыслей, сформировать образ живой речи.

Suppose I gave you an hour's worth of recordings; how long would it take you to determine if we need this sound spectrograph or not? [Там же, р. 86]

Suppose you were learning a new language by talking to its speakers; could you do it without teaching them English? [Там же, р. 87]

Композиция текста также связана с замыслом произведения. Для создания эффекта «отсутствия времени» Т. Чан чередует события будущего, о которых главная героиня уже знает, и события, которые происходят в данный момент. Они разделены на логические части.

Таким образом, в рамках повести «Story of Your Life» можно вывести черты авторского стиля Т. Чана и причины, которые повлияли на его формирование. Во-первых, использование терминов лингвистической тематики, что обуславливается двумя причинами: интересами самого писателя и родом деятельности протагониста. Во-вторых, на авторский стиль влияет и то, от какого лица написано произведение. В-третьих, отсутствие определённых временных линий для создания эффекта отсутствия времени, что реализуется за счёт грамматических средств, из-за чего фабула и сюжет произведения не совпадают. Таким способом автор хотел проиллюстрировать гипотезу о том, что лингвистические категории детерминируются когнитивными категориями. В-четвёртых, авторский стиль формируется за счёт созданных автором художественных образов и того, что он хочет с их помощью передать.

Переводчик художественной литературы обязан проводить глубокий анализ произведения, т.к. работает не просто с «сухими» фактами и информацией, а с самим писателем, его эстетическими установками и картиной мира. Как утверждает Н.А. Бонадык, на этапе предпереводческого анализа большую роль играет рассмотрение художественных текстов с целью нахождения индивидуальных авторских особенностей, поскольку они требуют отражения для достижения адекватного перевода [2, с. 193]. Необходимо определить доминантные черты стиля писателя, чтобы читатель перевода понял все то, что имел в виду автор оригинала.

Повесть была переведена в 2016 г. К. Егоровой под названием «История твоей жизни». На наш взгляд, перевод можно назвать удачным, т.к. переводчику удалось воссоздать все особенности текста оригинала.

Во-первых, переводчик передаёт всю терминологию в соответствии с тем, как это принято в русскоязычном научном сообществе.

*I decided to try a **transitive verb**; substituting object words might clarify things* [14, p. 96]. – *Я решила попробовать **переходный глагол**; дополнения могли проявить ситуацию* [13, с. 256].

*For the time being, we worked on the basics: **phonemics/graphemics, vocabulary, syntax*** [14, p. 97]. – *Пока мы занимались основами: **фонология/графемика, лексика, синтаксис*** [13, с. 259].

Переводчик принимает правильное решение, используя слово «лексика» для перевода термина «vocabulary», поскольку у него есть и другие значения, например, «слова» или «словарный запас», которые имеют более бытовой характер употребления.

Во-вторых, несмотря на то, что русский язык богат на всевозможные эпитеты и иные слова, определяющие предметы и понятия, переводчик не изменяет стилю автора и употребляет их только там, где того требует оригинал. Переводчик правильно подбирает аналогии, чтобы передать характер «героя-матери».

*What I'll think is that you are **clearly, maddeningly** not me* [14, p. 99]. – *Я буду думать, что ты **совершенно, безумно** не похожа на меня* [13, с. 260].

*I'll run a finger over your belly, marveling at the **uncanny** softness of your skin, wondering if silk would abrade your body like burlap* [14, p. 130]. – *Я проведу пальцем по твоему животу, дивясь **невероятной** мягкости твоей кожи, гадая, поцарапает ли её шёлк, словно мешковина* [13, с. 303].

В-третьих, переводчику удаётся создать это ощущение отсутствия чётких временных границ так же, как и самому автору, с помощью использования соответствующих времен у глаголов.

I'd love to tell you the story of this evening, the night you're conceived, but the right time to do that would be when you're ready to have children

of your own, and we'll never get that chance [14, p. 84]. – *Я бы хотела рассказать тебе историю этого вечера, ночи твоего зачатия, но её следует рассказать, когда ты сама будешь готова завести детей, а такой возможности нам не представится* [13, с. 239].

Это предложение хорошо иллюстрирует временную неопределённость: с одной стороны, первоначально оно не вызывает никакого диссонанса. С другой же, при более глубоком анализе возникает логичный вопрос: где во времени находится рассказчик? И в переводе, и в оригинале остаётся этот эффект.

Относительно синтаксического единства сложных предложений, разделённых точкой с запятой, переводчик принимает иное решение: она их делит.

I just mean that the human auditory system isn't an absolute acoustic instrument; it's optimized to recognize the sounds that a human larynx makes [14, p. 86]. – *Я имею в виду, что человеческий слуховой аппарат не является совершенным акустическим инструментом. Он приспособлен распознавать звуки, издаваемые человеческой гортанью* [13, с. 242].

I want to try conducting the discovery procedure using writing; I'd display words on the screen, and use the camera to record the words they write [14, p. 92]. – *Я хочу попробовать провести исследование с письмом. Я буду показывать слова на экране, а при помощи камеры записывать их слова* [13, с. 251].

На наш взгляд, данное решение не позволяет донести то, что хотел показать автор. В данном случае переводчик ориентируется на получателя перевода, а для русскоязычного читателя привычнее, когда подобные мысли разделяются на составные части.

Заключение

1. Авторский стиль – это неотъемлемая часть художественного текста, которая формирует представление читателя о картине мира автора. Исследователи использовали разные подходы к формулированию определения понятия «авторский стиль», а также формулировали другие термины: «идиостиль», «индивидуальный стиль», «индивидуально-авторский стиль».

2. В качестве примера была проанализирована повесть американского писателя-фантаста Теда Чана «Story of Your Life» и определены особенности его идиостиля, которые лежат не только и не столько в плоскости языковых средств. На основе анализа было определено, что авторский стиль выражается в языковых средствах, на выбор которых влияют различные факторы: общая идея произведения, интересы автора, художественные образы, тип повествования. Кроме того, авторский стиль реализуется на различных языковых уровнях: на лексическом и синтаксическом.

3. Для того чтобы переводчик смог передать выявленные особенности авторского стиля, необходим тщательный предпереводческий анализ текста оригинала, однако выбор, какую применить стратегию, переводчик определяет сам. Так, в рассмотренном примере переводчик в большинстве случаев «буквально» следует за автором в воссоздании элементов авторского стиля.

Проведенное исследование имеет практическое применение в переводе художественной литературы, в частности, при решении вопросов воссоздания авторского стиля, т.к. показывает, что влияет на формирование идиостиля. В перспективе исследования «каталогизация» языковых средств на те, которые относятся к способам выражения, излюбленным автором, и те, которые являются отражением концептуальной информации авторского творчества.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. М.: Флинта, 2016. 384 с.
2. Бонадык Н.А. Идиостиль Миядзава Кэндзи: лексические параметры и трудности перевода // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (844). С. 191-203.
3. Болотнова Н.С., Котюрова М.П. Идиостиль, или индивидуальный стиль // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2014. С. 175-178.
4. Вахрушева М.И., Ларкина П.Е. Особенности идиостиля К. Функе (на материале романа «Повелитель драконов») // Филоло-

- гические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14. 2021. № 5. С. 1537-1541. <https://doi.org/10.30853/phil210206>
5. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
 6. Грибова Н.Н. Реализация концепта «искусство» как проявление идиостиля писателя: на материале произведений Э.Т.А. Гофмана и М.А. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 26 с.
 7. Рябых Е.Б., Коломлина И.В. Особенности индивидуально-авторской картины мира К. Исигуро (на материалах произведений «Не отпускай меня» и «Остаток дня») // Культура в зеркале языка и литературы. Тамбов: ИД «Державинский», 2019. С. 182-194. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42810433> (дата обращения: 01.10.2022).
 8. Самарин Д.А. Стиль и специфика перевода произведений Стивена Кинга // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15. 2022. № 8. С. 2666-2671. <https://doi.org/10.30853/phil20220434>
 9. Самарская Т.Б., Поздеева Т.В. Языковые средства создания идиостиля // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 116(02). С. 1-10.
 10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
 11. Фатеева Н.А. Идиостиль // Энциклопедия «Кругосвет». URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html (дата обращения: 17.10.2022).
 12. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода. СПб.: Фил. факт СПбГУ; М.: ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.
 13. Чан Т. История твоей жизни. М.: АСТ, 2017. 352 с.
 14. Chiang T. Stories of Your Life and Others. NY.: Tor Books, 2002, 336 p.
 15. Delany S. The Jewel-Hinged Jaw: Notes on the Language of Science Fiction. Middletown, Con., 2009, 288 p.

References

1. Arnold I.V. *Stilistika*. [Stylistics]. Moscow: Flinta Publ., 2016, p. 384.
2. Bonadyk N.A. Idiostil Miyadzava Kendzi: leksicheskie parametry i trudnosti perevoda [Miyazawa Kenji's personal style: lexical characteristics and translation challenges]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [MSLU Bulletin. Humanities], 2021, no. 2, pp.191-203.
3. Bolotnova N.S., Kotyurova M.P. Idiostil, ili individual'nyy stil' [Individual style]. *Effektivnoye rechevoye obscheniye* [Efficient Communication]. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2014, pp.175-178.
4. Vakhrusheva M.I., Larkina P.E. Osobennosti idiostilya K. Funke (na materiale romana «Povelitel drakonov») [Features of C. Funke's individual style (on the material of the novel *Dragon Rider*)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2021, vol. 14, no. 5, pp. 1537-1541. <https://doi.org/10.30853/phil210206>
5. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoy prozy* [On the language of fiction]. Moscow: Nauka Publ., 1980, 360 p.
6. Gribova N.N. *Realizatsiya kontsepta «iskusstvo» kak proyavlenie idiostilya pisatelya: na materiale proizvedeniy E.T.A. Gofmana i M.A. Bulgakova* [Realization of the concept “art” as a manifestation of the writer's individual style: on the material of the works of E.T.A. Hoffmann and M.A. Bulgakov]. Abstract of PHD dissertation. Saratov, 2010, 26 p.
7. Ryabykh E.B., Kolomlina I.V. *Osobennosti individualno-avtorskoy kartiny mira K. Isiguro (na materialakh proizvedeniy “Ne otpuskay menya” i “Ostatok dnya”)* [Peculiarities of individual and original world building by K. Ishiguro (based on the materials of the works *Never Let Me Go* and *The Remains of the Day*)]. Tambov: Derzhavinsky Publ., 2019, pp. 182-194. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42810433> (accessed October 01, 2022).
8. Samarin D.A. Stil i spetsifika perevoda proizvedeniy Stivena Kinga [Style and specificity of Stephen King's works translation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice], 2022, vol. 15, no. 8, pp. 2666-2671. <https://doi.org/10.30853/phil20220434>.

9. Samarskaya T.B., Pozdeeva T.V. Yazykovye sredstva sozdaniya idiostilya [Linguistic means of creating individual style]. *Nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Kuban State Agrarian University Bulletin], 2016, no. 116, pp. 1-10.
10. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2011, 696 p.
11. Fateeva N.A. Idiostil [Individual style]. *Entsiklopediya «Krugosvet»* [Krugosvet Encyclopedia]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/IDIOSTIL_INDIVIDUALNI_STIL.html (accessed October 17, 2022).
12. Fedorov A.V. *Osnovy obshchey teorii perevoda* [Fundamentals of general translation theory]. St. Petersburg: SPbSU Philology faculty; Moscow: FILOLOGIYA TRI Publ., 2002, 416 p.
13. Chan T. *Istoriya tvoey zhizni* [Story of your life]. Moscow: AST Publ., 2017, 352 p.
14. Chiang T. *Stories of Your Life and Others*. New York: Tor Books, 2002, 336 p.
15. Delany S. *The Jewel-Hinged Jaw: Notes on the Language of Science Fiction*. Middletown, Con., 2009, 288 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Панченко Полина Сергеевна, студент

*Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область, 460018,
Российская Федерация
tomaskot2009@gmail.com*

Андреева Елена Дамировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода

*Оренбургский государственный университет
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область, 460018,
Российская Федерация
ied-may@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS**Polina S. Panchenko**, student*Orenburg State University**13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation**tomaskot2009@gmail.com***Elena D. Andreeva**, Candidate of Philology, Docent, Associate Professor of the Department of Translation and Translation Studies*Orenburg State University**13, Prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation**ied-may@mail.ru**ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2025-9864>*

Поступила 10.01.2023

После рецензирования 04.02.2023

Принята 16.02.2023

Received 10.01.2023

Revised 04.02.2023

Accepted 16.02.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-53-73
УДК 821.161.1

СЕМЕЙНАЯ САГА Е. КОЛИНОЙ (ПО РОМАНУ «САГА О БЕДНЫХ ГОЛЬДМАНАХ»)

Ли Жуй

Обоснование. Исследование жанровой специфики художественных произведений современной литературы важно в связи с актуализацией отечественных жанров массовой литературы. Название жанра саги активно используется создателями женских романов, в частности Е. Колиной. Представляется необходимым рассмотреть трансформацию признаков жанра саги в контексте таких романов.

Цель. В статье выявлена специфика жанра семейной саги в романе Е. Колиной «Сага о бедных Гольдманах».

Материалы и методы. Материалом является роман Е. Колиной «Сага о бедных Гольдманах» (2007). Для анализа романа Е. Колиной в рамках жанра семейной саги использовались методы нарративного и теоретического анализа, которые дополнялись методом психоаналитического подхода к пониманию специфики главного героя.

Результаты. Анализ произведения Е. Колиной показал специфику жанра саги в романе «Сага о Бедных Гольдманах». Отмечено, что сага Е. Колиной не всегда реализует традиционные черты жанра, а именно: историзм и равнение на нравственные ценности в выборе жизненных ориентиров героев. Показано, что образ дома и семьи в романе не соответствует принципам жанра, так как дом и семья в романе Е. Колиной уже не символизируют родовое гнездо и прочные родственные связи. Описано представление актуального и ретроспективного образа семьи в романе. Представлен мотив взросления в романе как основной в освещении темы детства, реализуемый в мотиве избавления подростка от детских комплексов, основанных на зависти одной сестры к другой.

Область применения результатов. Результаты анализа могут быть использованы для описания жанров массовой литературы, а также в педагогической деятельности, в частности в преподавании теории литературы.

Ключевые слова: семейная сага; образы дома и семьи; мотив взросления

Для цитирования. Ли Жуй. Семейная сага Е. Колиной (по роману «Сага о бедных Гольдманах») // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 53-73. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-53-73

THE FAMILY SAGA BY E. KOLINA (FROM THE NOVEL SAGA OF THE POOR GOLDMANS)

Li Rui

Rationale. The study of genre specificity of fiction works of modern literature is important in connection with the actualization of domestic genres of mass literature. The name of saga genre is actively used by creators of women's novels, in particular by E. Kolina. It seems necessary to examine the transformation of the attributes of the saga genre in the context of such novels.

Purpose. The article reveals the specificity of the family saga genre in E. Kolina's novel *The Saga of the Poor Goldmans*.

Materials and methods. The material is a novel by E. Kolina *The Saga of the Poor Goldmans* (2007). In the framework of the family saga genre the analysis of the novel by E. Kolina was based on the method of narrative and theoretical analysis which was completed with the methods of psychoanalytic approach to the understanding of the main character's specificity.

Results. The analysis of E. Kolina's work showed the specifics of the saga genre in the novel *The Saga of the Poor Goldmans*. It was pointed out that E. Kolina's saga does not always realize the traditional features of the genre, namely, historicism and equality of moral values in choos-

ing characters' life guidelines. It is shown that the image of home and family in the novel does not correspond to the principles of the genre, as home and family in the novel of E. Kolina's novel no longer symbolizes the ancestral nest and strong family ties. The representation of the actual and retrospective image of the family in the novel is described. The motif of growing up in the novel is presented as the main one in highlighting the theme of childhood, realized in the motif of getting rid of teenage complexes based on envy of one sister to another.

Practical implications. *The results of the analysis can be used to describe the genres of mass literature, as well as in pedagogical activities, in particular in the teaching of literary theory.*

Keywords: *family saga; images of home and family; growing up motives*

For citation. *Li Rui. The Family Saga by E. Kolina (from the Novel Saga of the Poor Goldmans). Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 53-73. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-53-73*

Введение

Цель. Определить специфику жанра семейной саги в романе Е. Колиной «Сага о бедных Гольдманах».

Актуальность. Исследование жанровой специфики художественных произведений современной литературы необходимо в связи с изменением парадигматических констант русской культуры, которые во многом связаны с актуализацией отечественных жанров массовой литературы. Активное присутствие массовой литературы в литературном процессе эпохи – знак социальных и культурных перемен [18]. Произведения писательницы Елены Колиной пользуются популярностью у читателей. Однако до сих пор нет достаточных исследований по разным типам ее романов: от любовного романа до семейной саги.

Материалы и методы

Материалом является роман Е. Колиной «Сага о бедных Гольдманах» (2007). Для анализа романа Е. Колиной в рамках жанра семейной саги использовались методы нарративного и теоретиче-

ского анализа, которые дополнялись методом психоаналитического подхода к пониманию специфики главного героя.

Результаты и обсуждения

О специфике жанра

Дискуссия о жанре «семейная сага», который много обсуждался в связи со структурой исландских саг, пока семейная сага не стала самостоятельным жанром, продолжается в литературоведении до сих пор.

Жанр семейного романа (саги, семейной хроники) в современной науке описан достаточно подробно: отмечается, что это прежде всего история нескольких поколений, в которой прослеживается связь жизни семьи (обычно 2-4 поколений) с событиями эпохи. В работах встречаются понятия семейная хроника [12], семейный роман и роман поколений [2, с. 380], семейно-бытовой роман [4], семейная сага [6, с. 8].

По мнению М.М. Бахтина, семья в таком романе уже не идиллическая, а «идиллическое единство места в лучшем случае ограничивается семейно-родовым городским домом, недвижимой частью капиталистической собственности». М.М. Бахтин описывает две схемы семейного романа: схема классической разновидности семейного рода, когда из большого и чужого мира главный герой «прибывается» «к маленькому, но обеспеченному и прочному родному миру семьи, где нет ничего чужого и случайного», и другая схема, когда в семейный мирок врывается разрушающая чужеродная сила [3, с. 478-479].

Семейно-бытовой роман и роман социально-психологический, по мысли А.Н. Богданова, трудно разграничить, так как для первого, как и для второго, характерно прежде всего подробное описание истории одной или нескольких семей и их представителей, а также своеобразие композиции (очень замедленное развитие сюжета) и языка (обилие просторечий, диалектизмов и т. д.) [4].

Семейный роман как эпическое произведение отличается, по нашему мнению, от хроники, где излагаются исторические события в

их временной последовательности [10, с. 1171], тем, что он являет собой образец «гармонического единства объективного и субъективного, внешнего и внутреннего в человеке» [10, с. 892]. Анализ романа А. Иванова «Вечный зов» позволил О.Ю. Осьмухиной и С.П. Гудковой показать, как семейный роман с его признаками (линейность повествования, хроникальность и привязанность к одному месту действия и развития сюжета, образ дома, семейного очага в качестве жанрообразующего элемента) превращается в семейную хронику с признаками эпопейного хронотопа и осмысления судеб героев на фоне истории [14, с. 174].

Отличие семейной хроники (синоним саги, по Е.В. Никольскому) от эпопеи, по мнению Н.В. Копытко (Колядко) и Е.В. Никольского, состоит в размахе исторического подхода к судьбе отдельной семьи: автора хроники интересуют только те события истории, которые касаются жизни семьи, а автора эпопеи больше интересует история страны и народа. Поэтому отличительной особенностью семейной хроники является ее центростремительность, где семья – это основной фокус, «точка преломления видения социально-исторического процесса», в отличие от романа-эпопеи (в зарубежной филологии – «романа-реки»), который центробежен, так как семья и судьбы героев выступают в качестве фона или средства для развешивания событийного полотна [9, с. 241].

Принципиальное отличие семейной саги от семейного романа А.Т. Джигоева видит в расширении повествовательных рамок, эпопейном хронотопе; от семейной хроники – в осмыслении частных судеб на фоне истории, причем ориентирами в выборе жизненного пути героев становятся отнюдь не социальные или исторические события, но личная нравственность как нравственность рода, моральные ценности героя. В качестве ведущих признаков жанра семейной саги автор называет установку на эпопейность и полифонический динамизм описываемого времени, расширение поля действия персонажей, представление темы генеалогии [6, с. 8, 10].

Е.В. Никольский, как уже отмечалось, считает семейную хронику синонимом понятию «семейная сага» и выделяет следующие

ее признаки: соблюдение принципа четкой хронологии, господство линейного принципа, что текстуально оформляется датировкой событий, сюжетные мотивы старения или взросления персонажей; представление истории поколений с помощью ретроспекции и воспоминаний [11]. Жанру семейной саги свойственны масштабность, связанная с описанием семейных историй нескольких поколений, эпичность повествования, где вымышленные персонажи, нередко имеющие реальных прототипов, функционируют в пространстве романа рядом с историческими фигурами.

Таким образом, признаками саги (семейной саги) исследователи считают следующие ее характерные черты: эпопейный хронотоп, представление темы генеалогии, семейные истории нескольких поколений, осмысление судеб героев на фоне истории, нравственность рода и моральные ценности героя в качестве ориентиров в выборе жизненного пути. Если семейную сагу, по Е.В. Никольскому, считать синонимом семейной хроники, то отличительной чертой саги является и линейный принцип развертывания событий, благодаря которому четче прослеживаются причинно-следственные связи, хотя в хрониках, созданных в рамках постмодернистского направления, наблюдаются и сбои в хронологии [9, с. 240].

Определение Е. Колиной жанра собственного романа как саги является, по нашему мнению, отчасти отступлением от традиционного понимания термина. Важной чертой семейной саги исследователи признают ее историзм. По мнению Е.В. Никольского, историзм романа-семейной хроники (= саги) своеобразен: крупные события, а порою и реальные исторические деятели, присутствующие в романе, как правило, не интересуют автора сами по себе, но они находят отражение как имеющие значение для данной семьи (формирование характера подрастающего или же изменение взглядов взрослого поколения) [11]. У Е. Колиной, как показывает анализ материала, такой историзм романа не самоцель, он уходит на второй план, так как крупные события никак не отражаются на мировоззрении героев, лишь отчасти на их судьбе (Великая Отечественная война, отъезд в Израиль, неприятие евреев на должностях

и в аспирантуре). В романе важнее бытовая среда, которую традиционно понимают как «семейный быт, характеризующийся прежде всего составом входящих в семью членов – по возрасту, занятиям, отношениям родства, наличием семейного домохозяйства, а также согласованности элементов бытовой деятельности членов семьи по месту жительства семьи» [19]. Именно бытовая среда определяет мировоззрение героев, а не крупные события в жизни страны и тем более исторические деятели.

Наводит на размышление и незыблемость такой черты жанра семейной саги, как нравственность рода и моральные ценности героя в качестве ориентиров в выборе жизненного пути. Как показывает анализ романа Е. Колиной, на выбор жизненного пути главной героини Лизы Бедной оказали влияние воспоминания детства, которые фокусировались на чувстве *злости и зависти к «богатой» сестре*, но поскольку Лиза *умела правильно, конструктивно завидовать*, с ней жизни не случилось самое страшное, что могло бы случиться. Такие моральные ценности трудно назвать нравственностью рода, но и род-то в романе особенный – это советско-еврейская семья.

Эта особенность позиции автора для литературы последних десятилетий не нова. Особенно в освещении процесса вырождения рода и деструкции семьи «обвиняют» массовую литературу. Ср. мнение В.А. Чалмаева: «Облик «новой женской прозы» определяется именно «чернушным» фоном протекания семейной жизни, грязной грубостью любовных отношений, прямым разрушением идеалов стыдливости, скромности, тем более жертвенного отношения к детям, любимому» (цит. по [17]). Объяснений причин такому положению дел несколько. Указывается также, что понятие «род» расширяется за счет введения параллельных сюжетных линий внебрачных детей, мотивов «серийной моногамии», «мнимого отцовства» (см. об этом, например: [13, с. 286, 289]). В подобных представлениях семьи и рода обвиняют и Е. Колину: «Надо признать, Колина очень постаралась в «генеалогической» части романа – не сразу понимаешь, кто кому кем приходится в большом семействе Гольдман» [5].

Что касается линейного принципа, характерного для семейной хроники-саги, то Е. Колина старается очертить временные рамки в романе и подчеркнуть цикличность времени: роман начинается и заканчивается главой 2000 год, с 1975 по 1983 годы ведется линейное повествование, затем 1946-1983 годы – это возврат к описанию событий.

Отмечая конец романа как «оконченный ничем, оборванный, который скучновато читать и разбирать» [5], Е. Бродская, по нашему мнению, не захотела увидеть в этом «открытом финале», наоборот, достоинство произведения. Во-первых, по словам И.Б. Роднянской, «хроникально-бытовое время в отличие от событийного (в истоке – приключенческого) не имеет безусловного начала и безусловного конца («жизнь продолжается»)» [10, с. 1176], а во-вторых, Е. Колина сама отмечает, что жанр семейной саги привлекает ее своей «управляемостью», потому что сагу можно писать, пока не надоест.

Образ дома

Центральным в структуре жанра саги (хроники, семейного романа) является образ дома, топоса «родового гнезда», с которым рассказчик связывает начало своей личности [1, с. 158]. Исследователи видят образ дома, семейного очага, мотив дома сюжето- и жанрообразующим элементом. Дом традиционно выступает в семейных романах (сагах, хрониках) символом порядка, стабильности, нерушимости рода, символическим воплощением идеи взаимосвязи предков и потомков [13, с. 287]. А.Т. Джиева видит в описании дома в романе Е. Колиной отступление от классики жанра [6, с. 194].

Описание дома как пространства в романе Е. Колиной «Сага о бедных Гольдманах» занимает значительное место и играет важную роль в выражении позиции автора, причем дома как жилого пространства, в котором проводят свои дни герои (вещный мир повседневности), и дома как семьи, то есть совокупности неформальных связей с родными людьми (внутреннее пространство повседневности).

Во-первых, дом в его «физическом» выражении в романе «Сага о бедных Гольдманах» является проводником ребенка в сферу семейного быта. Роман не случайно, по нашему мнению, начинается

с описания трехкомнатной квартиры семьи Бедных. Пространство дома с первых строк «очеловечивается» Е. Колиной: квартиру семьи Бедных автор сравнивает с женщиной, когда она с трудом натягивает тесное платье. Такой же непритязательной выглядит и сама глава дома – Маня, которая не считала позорным носить перекрученные чулки. Эта «не-красота» особенно раздражает Лизу с детства. При всей безысходности жизни в родительском доме Лиза все же вынесла некоторые принципы, из которых составила свой идеал: во-первых, в доме должно быть красиво, а во-вторых, чисто. Поэтому Лиза пришла к мысли о том, как будет в ее доме, когда он будет ее собственным: не хочу, чтобы было как дома, а хочу, как у Дины и Нинель.

Во-вторых, образ дома приобретает в романе хронотопическое значение. По мысли М.М. Бахтина, сюжетное значение хронотопа заключается в том, что он в разных проявлениях является центром основных сюжетных линий романа, а ведущим началом в хронотопе является время [2, с. 235, 398].

В диссертации А.Т. Джигоевой представлен анализ образа родного дома в художественном пространстве «Саги о бедных Гольдманах» и выявлен мотив распадающегося дома. А.Т. Джигоева подчеркивает «потрепанность», бесприютность персонажей в нем, неопрятность, создающие ощущение того, что живущим здесь, в этом доме, неприятно в нем находиться, а материальные ценности, вторгающиеся в жизнь героев, становятся разрушителями семьи: не поделив наследства сплоченная семья распалась [6, с. 190-194].

Но А.Т. Джигоева не включает в мотив распадающегося дома описание дома новой Лизы – старой квартиры семьи в Толстовском доме, которую она приобрела за счет размена квартир Инны Сергеевны и Мони, где жили поколения Гольдманов (мать Мария Иосифовна, ее два сына и две дочери).

Новая Лиза, главный редактор, обеспеченная и самодостаточная, всего, чего хотела, как ей казалось, в жизни, достигла сама, и в своей новой жизни она хотела еще и по-настоящему хорошую квартиру в центре, которую и получила, – квартиру, где прошли двадцать лет

жизни деда Мони. Но роскошная квартира, в которой ей так хотелось жить, оказалась такой же потрепанной и неопрятной, как и во времена ее детства: почему-то только в ее и соседней квартире постоянно вырубаются электрические пробки, ремонта нет. Единственное ее достоинство состоит в том, что квартира большая. Недостатки квартиры Лиза не хотела замечать, их увидел Олег, когда привез их дочку Ксению со сломанной ногой к Лизе домой. Но в этом случае физически распадающийся дом символизирует уже, по нашему мнению, не распад семьи, а только ее «неукомплектованность»: в доме Лизы не чувствуется мужской руки.

Мотив дома не как родового гнезда, а как «жилплощади», реализуется в сценах ссоры, которая довершила распад семейного клана Бедные-Гольдманы, в описаниях «чужаков», то есть приемышей в еврейской семье.

Неотъемлемую часть дома как жилого пространства, в котором проводят свои дни герои, составляет в романе вещный мир повседневности. Традиционно считается, что перечисление деталей интерьера служит для характеристики героя, его социального статуса, привычек, образа жизни. Следует отметить, что вещи, которые окружают героев Е. Колиной, имеют функцию создания «квазиисторического времени в романе» [16, с. 79].

Описание интерьера сосредоточено у Е. Колиной в основном на перечислении мебели и посуды в ряду «довоенный – антикварный – советский». *Отжившая эстетика задержавшегося довоенного быта* представлена вещами старшего поколения (Мани и Мони): сундуком, вытертым полотняным ковриком и кроватью с нарядными шарами Мани, оттоманкой Мони, радиоприемником с круглыми ручками, белыми слониками и потертыми картонными чемоданами с большими металлическими замками, метровой желтой металлической палкой с нахлобученным сверху голубым пластиковым ведрообразным абажуром, сервантом вкупе с секретером. Антикварными вещами (в том числе старинной мебелью) торговал и владел старший сын Наум (*не комната, а Эрмитаж*, как называла Лиза комнату семьи Наума-Немы): это старинные буфеты, консоли,

туманные зеркала с фасетами, Фраже, кузнецовский фарфор, зеркало на крутящейся раме, которое Наум называл смешным словом «псише», фарфоровые лампы, ширмы в резных рамах, бархатный диван «жакоб», красивый резной буфет, кресло-качалка, ампириная гостиная, туалетный столик раннего модерна. Перечисление деталей советского интерьера менее многочисленно. Советский быт обозначен в романе двумя предметами *советского мебельного благополучия* – монструозная стенка-горка у Кости и Веточки, а также более «статусный вариант» – взрослый румынский полированный гарнитур в квартире Игоря, мужа Лизы (по определению А. Кабакова, символ роскоши на грани разврата [7, с. 11]).

Особое место в ряду действительно красивых вещей занимает знаменитый Толстовский дом, с которым у автора романа свои отношения – Е. Колина живет в нем до сих пор. У дома знаменитая история: в 1911 году он получил вторую премию на Парижской выставке.

Мотив взросления

Профессиональные знания Е. Колиной в области психологии и математики (она имеет психологическое образование и кандидат математических наук), не только углубляют смысл произведений автора, но и расширяют диапазон их художественных возможностей и обогащают, и объясняют специфику поэтики повествования.

Так, мотив взросления представляется Е. Колиной в ее романах как основной в освещении темы детства и во многом основан на постулатах классической психологии.

В романе Е. Колиной «Ты как девочка» взросление понимается как процесс перехода в другое состояние, а мотив взросления в нем связан с мотивом избавления подростка от его комплексов (внешность, отношение к другим людям, обретение стереотипов взрослой жизни).

Взросление определяется в специальной литературе как комплексный процесс трансформации ребенка и обретения им опыта и статусов, позволяющих занять самостоятельную позицию в обществе. Пространство художественной литературы дает возможность

вернуться герою в прошедшее время, посмотреть на себя со стороны, а автору и читателю включиться в диалог, который является главным фактором развития романа, по М.М. Бахтину [2, с. 113].

Мотив взросления в романе «Сага о бедных Гольдманах» так же, как и в романе «Ты как девочка», реализован в сюжетной линии избавления подростка от детских комплексов, но в этом романе это «детские страсти», по словам главной героини романа Лизы Бедной. С этой «детской дребедени», как ее оценил Олег, муж Ани, двоюродной сестры Лизы, и ее любовник, отец ее дочери, все и началось: *Я всю жизнь Аниного хотела.*

В семейной саге «детская страсть» определила все жизненные планы Лизы, которые можно в целом сформулировать в виде интенции «*хочу жить, как Аня*», то есть иметь то, что имеет Аня (богатых и любящих родителей, красивую одежду, большую квартиру, мужа). И Лиза стремится к достижению своего идеального счастья всеми доступными ей средствами.

В стремлении уйти от окружающей ее реальности Лиза устраивает стратегию своей жизни, строит жизненные планы на будущее. Цель своей жизни, как и способ ее достижения, Лиза видит четко: в детстве – *она мечтала родиться у Додика с Диной*; в подростковом возрасте – *она сама будет жить совсем иначе*. Цели со временем перестраиваются, приспосабливаясь под социальные условия и социальное окружение героини, но они по-прежнему направлены на то, чтобы вырваться из семейного круга Бедных-Гольдманов.

Препятствий на пути осуществления цели, реализации жизненных планов у главной героини много. И первое препятствие – это то, что она «не своя» ни в ее большой семье, ни в том окружении, куда хотела попасть. Она должна надеяться только на себя, ей в семье никто не может помочь (вспомним случай с публикацией в заводской газете для поступления на журфак), тогда как своим дочкам устраивают жизнь папы, как с большой долей иронии описывает Е. Колина в рассказе «Свои – чужие, или Папины дочки». Рассуждая, что лучше – быть своей или чужой, Е. Колина приходит в этом рассказе к мудрому решению: *«Быть чужим тоже хорошо.*

Ты не живешь с мыслью, сам ты или не сам. Ты свободен в любой момент измениться и уйти. <...> Ты открыт, ты более маневренный, можешь обнаружить себя в самых неожиданных классных местах, ты совсем непредсказуемого добиваешься» [8, с. 111]. Так и случилось с Лизой из «Саги о бедных Гольдманах», но для этого нужен был путь в 40 лет.

Семья Бедных не только не могла помочь Лизе осуществить ее планы, но они и сами-то жить не умели, а вот Гольдманы умели.

При формировании своего «жизненного сценария» Лиза не могла уйти от образа семьи. Как известно, родительская семья становится источником социального наследования, где происходит запечатление образов родителей, прародителей, братьев, сестер, подражание их действиям, словам, чувствам, отождествление себя с близкими людьми. А семья Бедных-Гольдманов была в своей основе женской, так как главными в ней были женщины (прабабушка Мария Иосифовна, баба Маня, тетя Дина). Мужчины решали финансовые проблемы, а семьей, по еврейскому обычаю, руководили женщины. Это соответствует утверждению А.Т. Джюевой, что в «женской» версии семейного романа важнейшими чертами семейных «историй» остаются изображение «женского» типа семьи, семейного быта, нравов» [6, с. 200].

Хотя дед Моня считал, что Лиза похожа на бабу Маню, своеобразным образцом для Лизы являлась ее тетя Дина.

Если сестра Аня вызывала у Лизы ненависть, злобу и зависть, то *сухопарая, похожая на скучного петуха* Дина казалась Лизе красавицей, а ее жизнь успешной, комфортной, удачной в браке. Дина умела жить, то есть получать все, что она хочет: Додика в качестве мужа, деньги от отца и от других членов семьи, квартиру и даже любовь и уважение на работе, умела устроить красивый быт, завоевать непререкаемую власть над мужем. Может быть, подсознательно в Дине Лизу привлекало то, что она, кроме семьи, *сделала и сама себя*, потому что Лиза тоже была некрасивой. И в чем-то Лиза, действительно, освоила подсмотренные уроки Дины: ее за глаза в редакции называли, как и Дину, сироткой (*сиротка Хася*),

хотя в отрицательном смысле слова, она, так же как и Дина, умела правильно выбрать себе «хозяйку» для решения своих проблем, за что ее прозвали *Лиза-подлиза*.

Лиза хотела иметь все, как у Ани. И мощным стимулом, толкающим ее на постоянные действия вырваться из старого мира Бедных, стала зависть. Следует отметить, что мотив зависти настолько отчетливо выделяется на фоне других идей и мотивов в романе, что в отзывах на книгу одна из читательниц назвала роман «Сага о зависти» [20].

Образ семьи

Какую роль в процессе взросления Лизы сыграла семья? В исследованиях, посвященных семейным хроникам, семья обычно представляется как ячейка общества, которая опирается прежде всего на прочные родственные связи. Для жанра саги принципиально то, что все сюжетные линии романа «вырастают из одного корня» – семьи. В романе Е. Колиной действительно нет ничего, что было бы вне семьи или происходило не из семьи.

Главная героиня Лиза в отличие от сестры, избавляясь от «детских страстей», порвала эти семейные связи. Но это не значит, что Лиза порвала с семьей как основой жизни.

Психологи выделяют понятие «актуальный» и «ретроспективный» образ семьи: актуальный образ семьи – образ, сформированный и относящийся к настоящему промежутку времени, а ретроспективный – это образ семьи, существовавший в прошлом, то есть образ памяти. Последний выделяется, потому что необходимо решать проблему неудовлетворенности детскими впечатлениями [15, с. 5].

Е. Колина, как профессиональный психолог, подсознательно дает читателю «сигналы» для сравнения актуального и ретроспективного образов семьи в представлении Лизы Бедной.

Ретроспективный образ семьи представлен описанием родственных связей и принципов, которыми жил *большой клан Гольдманов*, в том числе одна из его ветвей – семья Бедных.

История семьи представлена в романе, но детей, в том числе и Лизу, она не очень интересовала, а родственные отношения в семье были *запутанные*.

Принципы, по которым жила семья Гольдманов, основывались на представлениях о традиционной еврейской семье. Хотя и полурусская семья Бедных руководствовалась теми же принципами, что и ветвь Гольдманов: *главное – мир в семье; недопустимо покушение на святость семейного очага и противопоставление своего мнения мнению семьи; если нет ежедневного обмена новостями, какая же это семья; семья на первом месте; жене самое лучшее*. При этом самое главное, что отличало еврейскую ветвь клана от полурусской, – это то, что *они всегда „все вместе“*.

Парадоксально, что, несмотря на главенствующую роль Мани, бабушки Лизы из семьи Бедных, полурусская ветвь не была полноценной составляющей семьи. Хотя после ссоры за жилплощадь *семья, столько лет бывшая монолитом, тихо-тихо растворилась*, Гольдманы остались семьей, никто из ее членов из семьи не ушел, более того, в семью принимали новых членов (сначала был Додик, потом Олег). А из семьи Бедных ушла Лиза, vyrвалась.

И ее уход был не случайным. Гольдманы не просто жили семьей, они любили друг друга. Ощущение семьи никогда не покидало ни одного из них.

Лиза же все время ощущала недостаток любви (*недолюбленность*), а значит, и присутствия семьи. На работе в редакции она *чувствовала себя безродным щенком, а в детских Лизиных воспоминаниях почему-то отсутствовала мама*. Безразличие отца к Лизе при этом по мере ее взросления только усиливалось.

Актуальный образ семьи в жизни Лизы в романе представлен менее подробно, более того, слово «семья» по отношению к ней и ее мужу Игорю нигде не употребляется. Е. Колина называет эту жизнь «жизненное устройство», хотя эта жизнь была уютная и спокойная. А сам Игорь с первой встречи привлек ее внимание не только своим положением и достатком, но и своей надежностью.

Но зато автор (а может, и сама Лиза?) четко представляет будущий образ семьи – возможную семью Ксении и Кирилла, детей Лизы, Ани и Олега: *Может придумать дальше – как родились у Ксении и Кирилла близнецы, Маня и Моня*. И тогда все вернется на круги своя.

Заключение

Анализ произведения Е. Колиной показал специфику жанра саги в ее романе «Сага о Бедных Гольдманах».

Во-первых, сам жанр у Е. Колиной не всегда отражает традиционные черты саги: отступлением от традиционного понимания термина мы считаем тот факт, что крупные события в романе не отражаются на мировоззрении героев, а его определяет бытовая среда. Нравственные ценности, которые герои выбирают в качестве жизненных ориентиров, тоже не соответствуют канонам жанра саги: это не верность родине и семье, а получение собственной выгоды, стремление к реализации личных амбиций.

Во-вторых, специфичен в романе и образ дома, который традиционно является центральным в структуре жанра саги. Дом у Е. Колиной ассоциируется с неустроенным семейным бытом, символизирует распад семьи или ее неполноту, представлен скорее не очагом, не родовым гнездом, а жилплощадью. Образ дома у Е. Колиной тесно связан с мотивом взросления и образом семьи.

Мотив взросления уже не в первом романе представляется Е. Колиной в как основной в освещении темы детства и реализуется в теме избавления подростка от детских комплексов, в данном случае это «детские страсти», основанные на зависти одной сестры к другой.

В саге, как в разновидности семейной хроники, семья является оплотом общества, его ячейкой, основана на прочных родственных связях, которые помогают героям найти себя, сформировать себя как личность. У Е. Колиной образ семьи распадается, по определению психологов, на «актуальный» и «ретроспективный». Последний представлен в романе в описании двух ветвей клана Гольдманов: одни всегда вместе (Гольдманы), другие такой опоры в жизни не имеют (Бедные). Поэтому образ семьи главной героини Лизы Бедной (актуальный) обозначен автором как «жизненное устройство», хотя и очень удобное и уютное.

Таким образом, даже если название романа Е. Колиной как «Сага о бедных Гольдманах» и привлекает читателя своей отнесенностью

к такому заманчивому слову «сага», обозначающему «нечто легендарное и поэтическое», но уводит его в мир зависти и борьбы за существование, совершенно не легендарное и не поэтическое.

Список литературы

1. Александрова-Осокина О.Н. Традиции семейной хроники в современной дальневосточной литературе // Научный диалог. 2021. № 5. С. 155-168.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
4. Богданов А.Н. Литературные роды и виды // Теория литературы в связи с проблемами эстетики. М.: Высшая школа, 1970. С. 307-310. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000033/st025.shtml> (дата обращения: 25.01.2023).
5. Бродская Е. Страсти по Елене Колиной // ЛЕХАИМ – ежемесячный литературно-публицистический журнал и издательство. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/201/n6.htm> (дата обращения: 28.01.2023).
6. Джюева А.Т. Традиции семейного романа в отечественной прозе XX столетия: Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2019. 225 с.
7. Кабаков А. Деталь интерьера // Без очереди. Сцены советской жизни в рассказах современных писателей. М.: АСТ, 2021. С. 11-14.
8. Колина Е. Свои – чужие, или Папины дочки // Без очереди. Сцены советской жизни в рассказах современных писателей. М.: АСТ, 2021. С. 106-111.
9. Копытко (Колядко) Н.В., Никольский Е.В. Функции жанровых признаков семейной хроники в романе Джойс Кэрол Оутс «Барельеф» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. Т. 27. Вып. 2. С. 240-248.
10. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. 799 с.
11. Никольский Е.В. Жанр романа семейной хроники в русской литературе рубежа тысячелетий // Вестник Адыгейского государственного

- университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.1/1644/nikolsky2012_1.pdf (дата обращения: 22.01.2023).
12. Никольский Е.В. Романский субжанр семейная хроника: вопросы истории и теории (Статья первая) // ART LOGOS. 2020. № 3(12). С. 50-60.
 13. Осьмухина О.Ю. Специфика воплощения темы рода в отечественной прозе рубежа XX–XXI вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 286-289.
 14. Осьмухина О.Ю., Гудкова С.П. Специфика воплощения традиций семейной хроники в романе А. Иванова «Вечный зов» // Новый филологический вестник. 2018. № 4(47). С. 165-177.
 15. Рыжкова А.В. «Образ семьи» у детей дошкольного возраста и их родителей: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2009. 24 с.
 16. Судосева И.С. Поэтика интерьера // Новый филологический вестник. 2011. № 3(18). С. 79-91.
 17. Танкова Н. Мотив дома в романе Л. Улицкой «Медя и ее дети» // Современность в литературном осознании. 2008. № 5. С. 147-156. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200302908> (дата обращения: 28.01.2023).
 18. Черняк М.А. Современная русская литература: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2022. 294 с.
 19. Шнейдер Е.Н., Филатова Е.Ю., Фаина Г.В. Образ жизни современной советской семьи // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2010. № 1. Т. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhizni-sovremennoy-rossiyskoj-semi> (дата обращения: 25.01.2023).
 20. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000564853/reviews-saga-o-bednyh-goldmanah-elena-kolina/~2> (дата обращения: 25.01.2023).

References

1. Aleksandrova-Osokina O.N. Tradicii semejnoy hroniki v sovremennoj dal'nevostochnoj literature [Traditions of the family chronicle in modern Far Eastern literature]. *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], 2021, no 5, pp. 155-168.

2. Bahtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Researches of different years]. Moscow: Hudozhestvennaya literature Publ., 1975. 504 p.
3. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij. T. 3: Teoriya romana (1930-1961 gg.)* [Collected works. Vol. 3: Theory of the novel (1930-1961).]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012. 880 p.
4. Bogdanov A.N. Literaturnye rody i vidy [Literary genera and types]. *Teoriya literatury v svyazi s problemami estetiki* [Theory of Literature in Connection with the Problems of Aesthetics]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1970, pp. 307-310. URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000033/st025.shtml> (accessed January 25, 2023).
5. Brodskaya E. Strasti po Elene Kolinoj [Passion for Elena Kolina]. *LEKHAIM – ezhemesyachnyj literaturno-publicisticheskij zhurnal i izdatel'stvo* [LEKHAIM – Monthly Literary Journal and Publishing House]. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/201/n6.htm> (accessed January 28, 2023).
6. Dzhioeva A.T. *Tradicii semejnogo romana v otechestvennoj proze 20 stoletiya* [Traditions of the Family Romance in Russian Prose of the 20th Century]. PhD dissertation. Saransk, 2019, 225 p.
7. Kabakov A. Detal' inter'era [Interior detail]. *Bez ocheredi. Sceny sovetskoj zhizni v rasskazah sovremennykh pisatelej* [Without a Queue. Scenes of Soviet Life in the Stories of Contemporary Writers]. Moscow: AST Publ., 2021, pp. 11-14.
8. Kolina E. Svoi – chuzhie, ili Papiny dochki [Own – strangers, or Daddy's daughters]. *Bez ocheredi. Sceny sovetskoj zhizni v rasskazah sovremennykh pisatelej* [Without a Queue. Scenes of Soviet Life in the Stories of Contemporary Writers]. Moscow: AST Publ., 2021, pp. 106-111.
9. Kopytko (Kolyadko) N.V., Nikol'skij E.V. Funkcii zhanrovyykh priznakov semejnoj hroniki v romane Dzhojs Kerol Outs «Barel'ef» [Functions of genre features of the family chronicle in the novel “Bas-relief” by Joyce Carol Oates]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology], 2017, vol. 27, no. 2, pp. 240-248.
10. *Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: NPK «Intelvak» Publ., 2001, 799 p.

11. Nikol'skij E.V. Zhanr romana semejnnoj hroniki v russkoj literature rubezha tysyacheletij [The genre of the family chronicle novel in Russian literature at the turn of the millennium]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism], 2011, no 1. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.1/1644/nikolsky2012_1.pdf (accessed January 22, 2023).
12. Nikol'skij E.V. Romannyj subzhanr semejnaya hronika: voprosy istorii i teorii (Stat'ya pervaya) [Novel subgenre family chronicle: questions of history and theory (Article one)]. *ARTLOGOS*, 2020, no 3(12), pp. 50-60.
13. Os'muhina O.Yu. Specifika voploshcheniya temy roda v otechestvennoj proze rubezha XX-XXI vv. [The specificity of the embodiment of the theme of gender in Russian prose at the turn of the 20th – 21st centuries]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky], 2015, no 1, pp. 286-289.
14. Os'muhina O.Yu., Gudkova S.P. Specifika voploshcheniya tradicij semejnnoj hroniki v romane A. Ivanova «Vechnyj zov» [The specificity of the embodiment of the traditions of the family chronicle in the novel by A. Ivanov "Eternal Call"]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin], 2018, no 4(47), pp.165-177.
15. Ryzhkova A.V. «Obraz sem'i» u detej doshkol'nogo vozrasta i ih roditelej ["The image of the family" in preschool children and their parents]. Abstract of PhD dissertation. St. Petersburg, 2009, 24 p.
16. Sudoseva I.S. Poetika inter'era [Interior Poetics]. *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin], 2011, no 3(18), pp. 79-91
17. Tankova N. Motiv doma v romane L. Ulickoj «Medeya i ee deti» [The motive of the house in the novel by L. Ulitskaya "Medea and her children"]. *Sovremennost' v literaturnom ooznanii* [Modernity in Literary Awareness.], 2008, no 5, pp. 147-156. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200302908> (accessed January 28, 2023).
18. Chernyak M.A. *Sovremennaya russkaya literatura: uchebnik dlya vuzov* [Modern Russian literature: a textbook for universities]. 2nd ed. Moscow: Yurajt Publ., 2022, 294 p.

19. Shnejder E.N., Filatova E.YU., Fadina G.V. Obraz zhizni sovremennoj sovetской sem'i [Way of life of a modern Soviet family]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Technical University], 2010, no 1, vol. 2. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-zhizni-sovremennoy-rossiyskoy-semi> (accessed January 25, 2023).
20. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000564853/reviews-saga-o-bednyh-goldmanah-elena-kolina/~2> (accessed January 25, 2023).

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Ли Жуй, аспирант

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
набережная реки Мойки, 48, г. Санкт-Петербург, 191186,
Российская Федерация
nova-lee@qq.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Li Rui, PhD student

*Herzen University
48, Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Fe-
deration
nova-lee@qq.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8900-446X>
ResearcherID: HLQ-0465-2023*

Поступила 10.02.2023

После рецензирования 05.03.2023

Принята 12.03.2023

Received 10.02.2023

Revised 05.03.2023

Accepted 12.03.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-74-82

УДК 811.112,2(436)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В АВСТРИЙСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «KRAUT»

М.А. Радович, Я.В. Лазарев

Несмотря на многочисленные исследования, аспект словообразования имен существительных современного литературного немецкого языка Германии и Австрии раскрыт не полностью.

***Целью** данного исследования является определение закономерностей в словообразовании субстантивных номинаций современного литературного немецкого языка Австрии на примере лексемы «Kraut» (капуста).*

*Лексемы собраны **методом** сплошной выборки и описаны при помощи лексикографических источников литературного немецкого языка Германии и Австрии.*

***В результате** исследования были выявлены универсальные и уникальные характеристики для данных языковых вариантов. Так, в литературном немецком языке Австрии лексема заменяется на синонимичную с тождественной семантикой, образуя производные лексические единицы. Словообразование выполняется по модели определительного словосложения, при этом происходит сложение корневых морфем без соединительного элемента, наличие которого характерно для словообразования по модели словосложения в системе немецкого языка Германии. Полученные результаты дают перспективу для дальнейших исследований в выявлении германоязычных закономерностей в разрезе изучения языковой вариативности.*

***Ключевые слова:** национальные варианты; австрийский вариант немецкого языка; словообразование в немецком языке Австрии; определительное словосложение*

Для цитирования. Радович М.А., Лазарев Я.В. Словообразование в австрийском варианте немецкого языка на примере лексемы «Kraut» // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 74-82. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-74-82

WORD-FORMATION IN AUSTRIAN STANDARD GERMAN IN THE CONTEXT OF LEXEME “KRAUT”

M.A. Radovich, Y.V. Lazareva

Despite numerous studies, the aspect of word formation of nouns in the modern literary German language of Germany and Austria is yet to be fully covered.

*The **purpose** of this study is to determine patterns in the word-formation of substantives in modern Austrian Standard German using the example of the lexeme “Kraut” (cabbage).*

*We used continuous sampling **method** and lexicographical literature for Standard German and Austrian German.*

*As a **result** of the study, universal and unique language characteristics for this variant were identified. For example, in Austrian German the lexeme is replaced by a synonymous one with identical semantics, forming derivative lexical units. Word formation occurs according to the model of attributive composition, while the addition of root morphemes takes place without a connecting element, which is typical for word formation according to the composition model in Standard German. The results obtained provide a perspective for further research in patterns of word-formation in modern Standard German and modern Austrian Standard German.*

Keywords: national variants; Austrian German; word-formation of substantives in modern Austrian Standard German; patterns in word-formation in Austrian Standard German; stem-composition

For citation. Radovich M.A., Lazareva Y.V. Word-Formation in Austrian Standard German in the Context of Lexeme “Kraut”. *Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 74-82. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-74-82

Введение

Цель исследования. Определить закономерности в словообразовании субстантивных номинаций современного литературного немецкого языка Австрии на примере лексемы «Kraut» (капуста).

Говоря о модели определительного словосложения в системе литературного немецкого языка, профессор М.Д. Степанова указывала на то, что «обогащение словарного состава немецкого языка сложными существительными происходит главным образом за счет именно данного типа словосложения; он является наиболее продуктивным на протяжении всей истории развития немецкого языка и особенно в настоящее время» [2, с. 118].

Такую закономерность можно проследить и на примере словообразования в системе современного английского языка. Профессор О.Н. Прохорова в процессе анализа словообразования фитонимов в английском языке отмечала следующее: «К сложным однословным фитонимам мы относим лексемы, возникшие в результате словосложения, например: *sage* «шалфей» + *brush* «щетка» – *sagebrush* «полынь». Именно данная группа фитонимов является наиболее продуктивной и структурируется механизмами проверсии и реверсии» [1, с. 140].

Материалы и методы

Объектом исследования являются особенности словообразования субстантивных номинаций, функционирующих в системе немецкого языка Австрии и Германии. Фактическим материалом исследования стала лексема «Kraut» (*капуста*) и производные от нее лексемы, которые были собраны методом сплошной выборки и описаны при помощи следующих лексикографических источников: *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* (далее: DWDS), *Variantenwörterbuch des Deutschen* (далее: VWdD), *Duden – Deutsches Universalwörterbuch* (далее: Duden).

Результаты и обсуждение

Для целей нашего исследования мы рассмотрели лексему, функционирующую в системе немецкого языка Австрии *Kraut*, das (*ка-*

пуста), сравнив ее с синонимичной лексемой, функционирующей в немецком литературном языке Германии – **Kohl, der**.

Kraut, das: -es, – (VWdD: A, D-mittelost/süd., CH Kabis), (DUDEN: (bes. südd., österr.) Weißkohl; mittelhochdeutsch, althochdeutsch *krūt*) – **Weißkohl, der** (DDt) – белокочанная капуста.

Словари VWdD и DUDEN отмечают лексему как характерную для австрийского варианта немецкого языка, при этом словарь VWdD указывает на распространение лексемы на территории восточной и южной Германии, в то время как словарь DUDEN отмечает только южный регион.

Словарь DWDS указывает на другое, более распространенное в немецком языке Германии значение лексемы **Kraut, das**. В первую очередь, это «*небольшое не древесное листовое растение*» и только затем указывается на значение «*овощ, капуста*».

Далее мы рассмотрим различные производные лексемы с составляющей *Kraut*: **Blaukraut/Rotkraut** (*капуста краснокочанная*), **Krautfass** (*бочка для квашения капусты*), **Krauthachel** (*приспособление для шинкования капусты*), **Krautsalat** (*салат из свежей капусты*), **Krautstrudel** (*слоеный пирог с капустой*).

В немецком литературном языке Австрии сосуществуют два синонима, а именно **Rotkraut, das/ Blaukraut, das**, которым соответствует один лексический вариант в немецком литературном языке Германии – **Rotkohl, der**. Все три варианта являются тождественными в плане семантики, поэтому в количественном отношении выражение в системе немецкого языка Австрии шире, чем в системе немецкого языка Германии.

Blaukraut, das: -[e]s, – (VWdD: A, D-süd), (DUDEN: süddeutsch, österreichisch; (schweiz.) Blaukabis, Rotkabis; (bes. nordd.) Rotkohl; (südd., österr.) Rotkraut; (landschaftlich) Blaukohl – **Rotkohl, der** (DDt) – краснокочанная капуста.

Словари VWdD Duden одинаково отмечают лексему как типичную для австрийского варианта немецкого языка. Обращает на себя внимание различная цветовая маркировка в лексеме - в австрийском варианте немецкого языка в название лексемы выносятся си-

ний цвет (*blau*), в то время как в немецком варианте акцентируется красный цвет (*rot*).

ÖDt Das **Blaukraut** in einem Topf zur Hälfte mit Wasser bedecken und zusammen mit etwas Zucker zum Kochen bringen [6, S. 83].

DDt Für den **Rotkohl** (4 Portionen) brauchen wir: 1 kg Rotkohl, 50 g Schweine- oder Gänseschmalz, 1 Zwiebel, 2 Äpfel, 1 EL Zucker, 2 EL Essig, 1/4 l Wasser, Salz, 1 Lorbeerblatt, 2 Nelken, 4 EL Rotwein. [7, S. 32].

Лексема **Rotkraut, das** также функционирует в системе немецкого языка на территории Австрии. При этом первая часть словообразования, несущая в себе семантику обозначения цвета, совпадает с составной частью лексемы **Rotkohl**, функционирующей на территории Германии, в то время как вторая часть словообразования меняется на характерную для Австрии и юга Германии лексему **Kraut**.

Rotkraut das: -[e]s, (DUDEN: süddeutsch, österreichisch; -(VWdD: A, CH, D-mittelost/südwest) - >Kohlart mit rotblauen Blättern, die einen festen Kopfbilden – **Rotkohl, der** (DDt) – краснокочанная капуста.

Для обозначения бочки в которой готовят квашеную капусту используют лексему **Krautfass, das**.

ÖDt Hier duftet Rosmarin, von drüben wehen essigsäure Aromen aus einem **Krautfass**, süß lockt frischer Met zum Honigstand, während Fische und Meeresfrüchte das Fernweh wecken [11, S. 18].

Другим незаменимым инструментом для приготовления блюд из капусты является **Krauthachel, der** или **Weißkohlhobel, der** – приспособление для шинкования капусты. Словарь VWdD в описании словарной статьи к слову **Hachel** (*терка для овощей*) указывает на две возможные производные: **Gurkenhachel** (*терка для огурцов*), **Krauthachel** (*терка для капусты*).

Hachel, der/die; -, -n, (DUDEN: bayrisch, österreichisch), (VWdD: A - Küchengerät, mit dem Gurken und Kraut in Scheiben oder Streifen zerkleinert werden; **Gemüsehobel, der** (DDt) – овощерезка.

Анализ словарных статей показывает, что в словаре VWdD указывается возможное употребление двух родов: мужского и женского, в то время как в словарной статье DUDEN содержится лишь один вариант, а именно употребление лексемы в женском роде.

ÖDt Die Mutter zerteilte die Kohlköpfe und befreite sie vom Strunk, während Polina die Hälften mithilfe der riesigen Krauthachel in feine Streifen hobelte und dabei ein fröhliches Lied in ihrer Sprache sang [9, S. 60].

DDt Mit einem **Gemüsehobel** (ein Brett aus Metall, Holz oder Kunststoff mit eingearbeiteter scharfer Metallklinge) werden Sie Gemüse noch viel feiner und schneller in dünne Scheiben schneiden können [10, S. 18].

Другим приспособлением со схожими функциями является **Krautschneider, der** – *ботворез*. Словарь VWdD не приводит отдельной статьи с описанием данной лексемы, в то же время она включена в список производных слов к лексеме **Kraut**.

ÖDt Neben den Bäckern, Fleischhackern, Schustern, Schneidern etc. gab es noch nichtzünftische Berufe wie etwa Köche und Kellner, **Krautschneider**, Torwächter, Biertrager oder Krenhacker, Boten, Dienstboten, Handelsgehilfen [8, S. 31].

Другим популярным в Германии и Австрии блюдом является **Krautsalat, der** – салат из свежей капусты.

Krautsalat, der, -s, -e (DUDEN: Salat aus Kohl, besonders aus Weiß- oder Rotkohl) – овощной салат, салат из свежей капусты.

ÖDt Woher wusste sie, dass wir den **Krautsalat** nicht aßen? [5, S. 71].

Описывая австрийскую кухню, невозможно не упомянуть известный во всем мире пирог, который помимо популярного варианта с яблоками также готовится с капустой – **Krautstrudel, der**.

В используемых нами лексикографических источниках DUDEN, а также в словаре вариантов VWdD мы не обнаружили описания данного словообразования. Словарь вариантов VWdD приводит данную лексему, образованную при помощи словосложения, лишь как производную в описании лексемы **Strudel, der**.

Strudel der; -s, -: (DUDEN: besonders süddeutsch, österreichisch), (A D-mittelost/süd) >Speise aus auseinander gezogenem oder ausgewalztem Teig, der mit Obst, Gemüse oder Fleisch belegt, zusammengeslagen und gebacken wird – *слоеный пирог с капустой, штрудель с капустой*.

ÖDt Ich mache einen **Krautstrudel** und einen Apfelstrudel, so wie deine Mutter das immer gemacht hat! [12, S. 27].

Заключение

Анализ особенностей словообразования субстантивных номинаций в системе австрийского варианта современного немецкого литературного языка на примере функционирования лексемы Kraut показывает, что при наличии тождественной семантики с лексемой Kohl, характерной для системы языка Германии, она не только полностью заменяет последнюю, но и образует производные лексемы для описания блюд с использованием соответствующей овощной культуры, а также приспособлений для приготовления данных блюд. Словообразование происходит по модели определительного словосложения, при этом происходит сложение корневых морфем без соединительного элемента, наличие которого характерно для словообразования по модели словосложения в системе немецкого языка Германии.

Список литературы

1. Прохорова О.Н., Чекулай И.В., Шевченко Е.М. Когнитивные механизмы номинации растений в английском языке // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2021. С. 137-147.
2. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. Москва: Изд-во лит-ры на иностр. языках. 1953. 374 с.
3. Duden online. URL: <https://www.DUDEN.de> (дата обращения: 09.01.2023).
4. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 09.01.2023).
5. Gaffigan J. Schlafenszeit oder Verhandeln mit Terroristen: Aus meinem Leben als Vater, Riva Verlag. 2014, 224 S.
6. Gräfenstein S. Blaukraut bleibt Blaukraut, 2014, 128 S.
7. Habermann A. Neue Rezepte aus dem Bauernhofkindergarten, 2013, 80 S.
8. Katzinger W. Kleine Linzer Stadtgeschichte, 2008, 176 S.
9. Mayr P. Alle für einen, BoD - Books on Demand, 2022, 204 S.
10. Ramsay G. Meine ultimative Kochschule, Riva Verlag, 2014, 320 S.
11. Schetar D., Köthe F. Münchner Schmankerl: Für Münchner Kindl und Zugroaste. Gmeiner-Verlag, 2013, 192 S.

12. Tschögl G., Tobler B., Lang A. Vertrieben: Erinnerungen burgenländischer Juden und Jüdinnen, Mandelbaum, 2004, 527 S.
13. Variantenwörterbuch des Deutschen: die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin. Walter de Gruyter, 2004, 954 S.

References

1. Prohorova O.N., Chekulaj I.V., Shevchenko E.M. Kognitivnye mehanizmy nominacii rastenij v anglijskom jazyke [Cognitive mechanisms of plant nomination in English]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta* [VSU Bulletin], 2021, pp. 137-147.
2. Stepanova M.D. *Slovoobrazovanie sovremennogo nemeckogo jazyka* [Word-formation of the modern German language]. Moscow: Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 1953, 374 p.
3. Duden online. URL: <https://www.duden.de> (accessed January 09, 2023).
4. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (accessed January 09, 2023).
5. Gaffigan J. Schlafenszeit oder Verhandeln mit Terroristen: Aus meinem Leben als Vater, Riva Verlag, 2014, 224 S.
6. Gräfenstein S. Blaukraut bleibt Blaukraut, 2014, 128 S.
7. Habermann A. Neue Rezepte aus dem Bauernhofkindergarten, 2013, 80 S.
8. Katzinger W. Kleine Linzer Stadtgeschichte, 2008, 176 S.
9. Mayr P. Alle für einen, BoD - Books on Demand, 2022, 204 S.
10. Ramsay G. Meine ultimative Kochschule, Riva Verlag, 2014, 320 S.
11. Schetar D., Köthe F. Münchner Schmankerl: Für Münchner Kindl und Zugroaste. Gmeiner-Verlag, 2013, 192 S.
12. Tschögl G., Tobler B., Lang A. Vertrieben: Erinnerungen burgenländischer Juden und Jüdinnen, Mandelbaum, 2004, 527 S.
13. Variantenwörterbuch des Deutschen: die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol. Berlin. Walter de Gruyter, 2004, 954 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Радович Минара Алибеговна, аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
Minara.radovic@gmail.com

Лазарева Яна Владимировна, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015,
Российская Федерация
yana.lazareva.82@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Minara A. Radovich, Postgraduate, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication
Belgorod State University
85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodsky Oblast, 308015, Russian Federation
Minara.radovic@gmail.com

Yana V. Lazareva, Postgraduate, Department of Romano-Germanic Philology and Cross-Cultural Communication
Belgorod State University
85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodsky Oblast, 308015, Russian Federation
yana.lazareva.82@inbox.ru

Поступила 10.01.2023
После рецензирования 01.02.2023
Принята 15.02.2023

Received 10.01.2023
Revised 01.02.2023
Accepted 15.02.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-83-93
УДК 811.11-112

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСЕМА *ÆDELING* В ГЛОССАРИЯХ И ТЕКСТЕ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»

Е.А. Крупина

Обоснование. Древнеанглийская поэма «Беовульф» является одним из образцов поэтической традиции и в целом англосаксонской культуры англосаксов. Это произведение до сих пор хранит в себе секреты, привлекающие внимание культурологов, историков, ученых-лингвистов, в том числе лексикографов. 19 в. стал отправной точкой для начала создания словарей к данному тексту. Словари, как и сам текст, могут являться ценным источником информации о семантических границах лексических единиц.

Цель. Целью исследования является обозначение семантических границ и оттенков значения лексики *ædeling*.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужила древнеанглийская поэма «Беовульф», притекстовые глоссарии Дж. Кэмбла 1837 г., Б. Торпа 1855 г., Дж. Сэдждилда 1913 г., Ф. Клэбера 1950 г., Э. Вайета 1898 г, глоссарии из онлайн-проектов *Beowulf on Steorarume*, Gutenberg. Исследование проводилось с помощью контекстуального метода, сравнительно-сопоставительного метода или *dictionary criticism*, метода сплошной выборки.

Результаты. В работе рассматривается происхождение древнеанглийской лексики *ædeling*, приводятся этимологические параллели. На основе примеров из текста были выявлены значения и оттенки значения этого имени существительного, а именно «конунг», «благородный муж», «воин», «потомки славных и благородных», «ратник», «слабый муж» или «храбрый муж», «благородный человек», «знатный сородич». Анализ словарных статей подтвердил широту семантического значения и оттенков значений имени

существительного. Также прослеживается динамика развития словарного значения в справочниках 19–21 вв.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы для обучения студентов в курсе «История английского языка», а также для пополнения словарей к древнеанглийской поэме «Беовульф».

Ключевые слова: древнеанглийский эпос; Беовульф; глоссарий; лексикография; *ædeling*

Для цитирования. Крупина Е.А. Древнеанглийская лексема *ædeling* в глоссариях и тексте поэмы «Беовульф» // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 83-93. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-83-93

OLD ENGLISH LEXEME *ÆDELING* IN THE GLOSSARIES AND IN THE TEXT OF THE POEM BEOWULF

Е.А. Крупина

Background. The Old English poem *Beowulf* is one of the samples of the Anglo-Saxon poetic tradition and the culture. This work keeps secrets that attract attention of culture experts, historians, linguists, including lexicographers. The 19th century became a starting point for making dictionaries to this poem. Both dictionaries as the text can be a valuable source of information about semantic scope of lexical items.

Purpose. The article considers the semantic scope and the shades of the meaning of the Old English *ædeling*.

Materials and methods. The research material comprises the text of the Old English poem *Beowulf*, unindpendent glossaries by J. Kemble 1837, B. Thorpe 1855, W.J. Sedgefield 1913, F. Klaeber 1950, A. Wyatt 1898, the glossaries to online projects *Beowulf on Steorarume*, Gutenberg. The continuous sampling, contextual analysis, dictionary criticism methods were used.

Results. The article considers the etymology of the Old English lexeme *ædeling*, and its etymological parallel lines. On the basis of the text

examples the meaning of the noun and the shades of the meaning were determined. They are “king”, “noble man”, “warrior”, “descendants of noble and glorious”, “weak man”, “bold man”, “noble kinsman”. The analysis of the dictionary entries proves the wide semantic meaning and the shades of the meaning of the noun. The dynamics of the development of the definition in the dictionaries of the 19-21th centuries is also fixed.

Practical implications. *The results of the research can be used in teaching students History of the English Language. Also, they can be used for replenishing the dictionaries to the Old English poem Beowulf.*

Keywords: *Old English epic literature; Beowulf; glossary; lexicography; æðeling*

For citation. *Krupina E.A. Old English Lexeme Æðeling in the Glossaries And in the Text of the Poem Beowulf. Sovremennyye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 83-93. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-83-93*

Введение

История лексикографии, будучи частью истории лингвистики, подразумевает определенный тип умственной деятельности, которая требует определенный способ использования языка, а именно языка преподавания и языка обучения. Лексикографии никогда не существовало без списков слов и/или словарей, но долгое время существовали списки слов и/или словари без лексикографии.

Лексикография сегодня рассматривается как теоретическая дисциплина, которая занимается анализом и составлением словарей. В этом отношении она включает три основных источника: 1) все сферы лингвистики, которые определяют, какую информацию о слове необходимо включить в словарь; 2) исследования по «перспективе пользователя», которые определяют цель словарей, чтобы отвечать нуждам пользователей; 3) история практики и теории составления словарей.

Словари создавались и создаются, чтобы облегчить решение коммуникативных задач. Этот факт делает их составной частью культуры. Языковая деятельность – это процесс, с помощью кото-

рого осуществляется культурный процесс. Характеристики этого процесса определяют характеристики языка, а они, в свою очередь, определяют характеристики словаря. Обратное тоже верно: характеристики языка, как только они появляются в словаре, определяют характеристики культурной деятельности.

Поэтому историческая практика составления словарей, а также сопутствующая ей теория как один из трех источников современной лексикографии – это часть всеобщей истории концепций (идей), историография лексикографии не только служит цели составления словарей в прошлом и настоящем. Это многообещающий инструмент для исследования интеллектуальной истории, т.к. этот процесс непосредственно связан с языком. Мы даже можем сказать, что с течением времени культура составления словарей появилась во многих европейских языках как часть всеобщей культуры [14, pp. 41-61].

В большинстве случаев человек видит мир через различные репрезентации культуры. Перед человеком мир предстает через призму культуры и языка того народа, который этот мир видит и описывает [3]. Подход В. фон Гумбольдта, при котором язык рассматривается как отражение культуры, а культура – как отражение языка [1], в наше время оказался востребованным в исторической семасиологии, которая анализирует историю сознания, зафиксированную языком [5, pp. 3-12]. С этой точки зрения особый интерес для ученых стали представлять древние тексты как хранители древних культур.

Материалы и методы

Для исследования были выбраны следующие источники: древнеанглийская поэма «Беовульф», прикнижные глоссарии Дж. Кэмбла 1837 г., Б. Торпа 1855 г., Дж. Сэдждилда 1913 г., Ф. Клэбера 1950 г., Э. Вайета 1898 г, а также глоссарии из онлайн-проектов *Beowulf on Steorarume*, Gutenberg. В исследовании были использованы контекстуальный метод, сравнительно-сопоставительный или *dictionary criticism*, метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждение

Древнеанглийская поэма «Беовульф», по мнению большинства ученых, была создана в 8 в., записана – в 10 в. Это произведение сохранилось до наших дней в полном объеме и представляет собой англосаксонский эпос с присущими ему поэтическими и художественными особенностями. Для современников «Беовульф» является одним из артефактов англосаксонской эпохи, хранителем поэтической традиции того времени, а также носителем культуры древних племен. Это основополагающий документ, который был переведен на многие языки мира. За последние несколько десятилетий по мотивам этой поэмы были сняты фильмы, созданы компьютерные игры, различные электронные проекты, написаны художественные произведения. «Беовульф» интересен и простым обывателям, и ученым-лингвистам, медиевистам, историкам, культурологам.

Эпос и мифология могут быть привлечены для выявления и объяснения основных категорий мышления людей средневековья и более раннего времени. Особую роль в этом процессе могут играть языковые средства, речевые обороты, выражения и словосочетания [2]. Автор «Беовульфа» неизвестен, но, как и другие авторы англосаксонского периода, он перенес в текст базовые ценности окружающего его общества, представления о мире. Дж. Толкин отмечает, что современным ученым мало известно о дохристианской религии на территории Англии. Но, по всей видимости, эпос вбирает в себя основные постулаты религии, мифологические сказания о противостояниях между богами и героями, героями и чудовищами. «Беовульф», с этой точки зрения, вмещает и богатство исконных традиций и новую веру с новыми знаниями [15, pp. 245-295].

Как утверждает М.В. Никитин, при объяснении природы значения слова необходимо разрабатывать, анализировать и применять различные подходы с учетом уточнения данных и взаимодополнения [4, с. 4].

Имя существительное *æðeling*, по всей вероятности, имеет корни в протогерманском языке *athala-*, которое произошло от протоиндо-

европейского *at-al-* «род, семья», а именно *at(i)-* «за, через, очень» и *al-* «процветать». Суффикс *-ing* является германским и имеет параллели в древнесаксонском *ediling*, древнефризском *etheling*, древневерхненемецком *adaling*.

В тексте поэмы существительное *ædeling* встречается 28 раз, из которых один раз – в составе сложного слова *sib-ædeling*, что означает «принадлежащий к благородному». Три раза данное существительное используется в *Nom. Pl.* в значении «конунг», «благородный муж». В форме *Gen. Sg* найдено 5 случаев употребления в значениях «конунг», «потомок славного» (о Сигмунде), «воин», «благородный муж» (о Беовульфе). Обнаружено 4 случая использования в форме *Gen. Pl.* – «потомок благородного» (обычно с сущ. *bearn*), 2 случая – в значении «знатный сородич», «воин». Один раз используется в *Dat. Pl.* и имеет смысловой оттенок «благородные мужи». Найдено два случая использования в форме *Nom. Pl.*, где данная лексема также имеет оттенок значения «благородные мужи». В тексте поэмы обнаружено восемь случаев употребления лексемы в *Nom. Sg.* в следующих значениях: «воин», «благородный муж», «слабый муж» (о Беовульфе), «храбрый муж» (о Беовульфе). Используется также форма *Dat. Sg.* в следующих значениях: «один из воинов», «потомок ратника», «благородный человек».

В глоссарии Дж. Кэмбла (1837) заголовочная единица *ædeling* не представлена, что, по всей вероятности, связано с тем фактом, что в словарях в того периода нашли отражения значения слов, представлявших определенную трудность для читателя.

V. Thorpe 1855

Æpele, noble. 398, 531, etc. S.T. 9. Æpeling, prince, noble. 5, etc. Comp. sib-Æ. 5409. Æpelu (f), nobility. 790, 1826, etc.

Wyatt 1898

Æpeling, st.m., ÆþELING, noble, prince, 3, 33, 118, 888, 1225, 1294, 1804, 28888, etc.

Sedgefield 1918

Æðeling ma. prince, noble 130, 1112, 1225, 1329*, 1815, 2188, 2342, 2443, 2506, 2667, 2715, 3135; g. æðelinges 33, 888, 1596, 2424;

d. *æðelinge* 1244, 2374; pl. *æðelingas* 3, 982, 1804, 2888,; g. *æðelinga* 118, 1294, 1408, 1920, 2597, 3170; d. *æðelingum* 906. See also *sibb-*.

Klaeber 1968

Æðeling, m., noble, prince, hero, man; 1112, 1815, 2188, 2443, 2506, 2715, 3135, ~*ærgod* 130, [1329], 2342; vs., 1225, 2667,; gs. -es, 33, 888, 1596, 2424; ds. -e, 1244, 2374; np. -as, 3, 982, 1804, 2888; gp. -a, 118, 1294, 1920, ~ *bearn*, 1408, 2597, 3170; dp. *Æðelingum*, 906. – Cpd.: *sib-*.

Beowulf on Steorarume

æþeling, m., noble, prince, man of royal blood, chief; hero, man; 130, 1112, 1225, 1815, 2188, 2342, 2443, 2506, 2667, 2715, [3135]; gs. -es, 33, 888, 1596, 2424; ds. -e, 1244, 2374; np. -as, 3, 982, 1804, 2888; gp. -a, 118, 1294, 1920, ~ *bearn*, 1408, 2597, 3170; dp. *æþellingum*, 906. [cp. Ger. *Adel* ‘nobility’, OHG. *edili* ‘noble’, Go. **aþal* (in pr. name *Athala-*); for further etym., see above in entry for OE *æþele*] --Cpd.: *sib-*.

Gutenberg

æðeling, st. m., nobleman, man of noble descent, especially the appellation of a man of royal birth; so of the kings of the Danes, 3; of *Scyld*, 33; of *Hrōðgār*, 130; of *Sigemund*, 889; of *Bēowulf*, 1226, 1245, 1597, 1816, 2189, 2343, 2375, 2425, 2716, 3136; perhaps also of *Dæghrefn*, 2507;—then, in a broader sense, also denoting other noble-born men: *Æschere*, 1295; *Hrōðgār*’s courtiers, 118, 983; *Heremōd*’s courtiers, 907; *Hengest*’s warriors, 1113; *Bēowulf*’s retinue, 1805, 1921, 3172; noble-born in general, 2889. —Comp. *sib-æðeling*.

В первых глоссариях начала 19 в. существительное *æðeling* не упоминалось, т.к. справочники того периода содержали только незнакомые и трудные для понимания слова. Данная входная единица включается в глоссарии конца 19 в. В толковании составители используют синонимическую дефиницию «благородный», «князь». Также в статьях приводятся номера строк, где используется данная лексема. В начале 20 в. лексема *æðeling* также присутствует в макроструктуре глоссариев. Изменения в статье касаются помет и дополнительной информации о входной единице, но не затрагивают дефиницию. Статья в глоссарии включает грамматические

пометы, пометы о сочетаемости и частотности. В глоссарии Ф. Клэбера информация о заголовочном слове расширяется за счет толкования, включаются дополнительные значения «герой», «человек». В современном онлайн-издании *Beowulf on Steoragume* правая часть статьи обогащается двумя оттенками значения «человек королевской крови», «глава». Кроме того, используются стилистические, грамматические пометы, этимологические параллели для уточнения значения. Глоссарий проекта Гутенберг предпринимает попытку отразить значение данного существительного с помощью детального толкования, пояснений к каждому конкретному случаю использования.

Заключение

Имя существительное *ædeling* имеет индоевропейское происхождение, прослеживается его форма в общегерманском праязыке и есть этимологические параллели в древнесаксонском, древнефризском, древневерхненемецком. В тексте найдено 28 случаев использования этого существительного, из них один случай – в составе сложного слова. В тексте поэмы «Беовульф» обнаружены следующие значения данного существительного: «благородный муж», «воин», «конунг», «знатный сородич»; также это существительное часто используется в сочетании с существительным *beapn* в значении «потомок благородного», «потомок знатного», «потомок ратника». Первые глоссарии Дж. Кэмбла не содержат существительное *ædeling*, т.к. первые словари к поэме включали только списки трудных слов. С 19 в. это существительное включается в словник в значении «благородный», «князь». В глоссарии Ф. Клэбера в 20 в. статья для данного существительного дополняется значениями «герой», «человек». В современных электронных проектах представляется детальная дефиниция к существительному *ædeling*, а именно «благородный», «князь», «человек королевских кровей», «глава», «герой», «человек», «человек благородного происхождения, особенно королевских кровей». Таким образом, прослеживается расширение значения данной лексемы в глоссариях к древнеан-

глийской поэме «Беовульф». В начале 19 в. данное существительное не включалось в глоссарии, со временем оно стало частью макро-структуры справочников к поэме, в 20 в. к основному значению «благородный», «князь» в словари были включены дополнительные значения «герой», «человек». Контекстуальный анализ подтверждает широту значения данного имени существительного, которое использовалось для обозначения конунга, благородного мужа, воина, потомков славных и благородных, ратника, слабого или храброго муж, благородного человека, знатного сородича.

Список литературы

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000, 400 с.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/gurevich/index.htm> (дата обращения: 10.01.2023)
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/02.php (дата обращения: 12.12.2021)
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988, 165 с.
5. Степанов Ю.С. “Слова”, “Понятия”, “Вещи”. К новому синтезу наук о культуре // Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995, с. 5-25.
6. Beowulf and The Fight at Finnsburg / edited, with introduction, bibliography, notes, glossary and appendices by Fr. Klaeber; 3rd ed. Boston MA; London: D. C. Heath, 1950, 417 p.
7. Etymological Dictionary URL: <https://www.etymonline.com/word/social> (дата обращения: 10.07.2022)
8. Glossary // A translation of the Anglo-Saxon poem of Beowulf / J.M. Kemble. London: W. Pickering, 1837, p. 190-309.
9. Glossary // The Anglo-Saxon poems of Beowulf. The Scop Or Gleeman`s tale and The Fight at Finnesburg / B. Thorpe. Oxford: Oxford University, 1855, p. 231-330.
10. Glossary // Beowulf / Wyatt A. J. Cambridge: University Press, 1898, p. 176-242.

11. Glossary // *Beowulf and the Fight at Finnsburgh* / F. Klaeber. 3d ed. Boston, 1950, p. 273-401.
12. *Beowulf on Steorarume* URL: <http://www.heorot.dk/beo-guide.html#stammtafeln>. (дата обращения: 10.07.2022)
13. The Project Gutenberg. EBook of *Beowulf* URL: <http://www.gutenberg.org/files/16328/16328-h/16328-h.htm>. (дата обращения: 10.07.2022)
14. Huellen W. *English Dictionaries 800-1700: The Topical Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 2006, 544 p.
15. Tolkien J.R.R. *Beowulf: The Monsters and the Critics*. London: Harper Collins Publishers, 200, 53 p.

References

1. Gumboldt V. fon. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress Publ., 2000, 400 p.
2. Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/gurevich/index.htm> (accessed January 10, 2023).
3. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya*. [Cultural linguistics]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/02.php (accessed December 12, 2021).
4. Nikitin M. V. *Osnovy lingvisticheskoi teorii znacheniya*. [Fundamentals of the linguistic theory of meaning]. Moscow: Vyshaya shkola Publ., 1988, 165 p.
5. Stepanov Yu.S. “Slova”, “Ponyatiya”, “Veschi”. K novomu sintezu nauk o kulture [Words’, ‘Concepts’, ‘Things’. To a new synthesis in the science of culture]. *Slovar` indoevropskikh sotsial'nykh terminov* [The Dictionary of Indo-European social terms]. Moscow: Progress-Univers Publ., 1995, pp. 5-25.
6. *Beowulf and The Fight at Finnsburg* / edited, with introduction, bibliography, notes, glossary and appendices by Fr. Klaeber; 3rd ed. Boston MA; London: D. C. Heath, 1950, 417 p.
7. Etymological Dictionary URL: <https://www.etymonline.com/word/social> (accessed July 10, 2022)
8. Glossary // *A translation of the Anglo-Saxon poem of Beowulf* / J.M. Kemble. London: W. Pickering, 1837, p 190-309.

9. Glossary // The Anglo-Saxon poems of Beowulf. The Scop Or Glee-man`s tale and The Fight at Finnesburg / B. Thorpe. Oxford: Oxford University, 1855, p. 231-330.
10. Glossary // Beowulf / Wyatt A. J. Cambridge: University Press, 1898, p. 176-242.
11. Glossary // Beowulf and the Fight at Finnsburgh / F. Klaeber. 3d ed. Boston, 1950, p. 273-401.
12. Beowulf on Steorarume URL: <http://www.heorot.dk/beo-guide.htm-#stammtafeln> (accessed July 10, 2022)
13. The Project Gutenberg. EBook of Beowulf URL: <http://www.gutenberg.org/files/16328/16328-h/16328-h.htm> (accessed July 10, 2022)
14. Huellen W. *English Dictionaries 800-1700: The Topical Tradition*. Oxford: Oxford University Press, 2006, 544 p.
15. Tolkien J.R.R. *Beowulf: The Monsters and the Critics*. London: Harper Collins Publishers, 200, 53 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Крупина Екатерина Алексеевна, доцент кафедры английского языка, кандидат филологических наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ивановский государственный университет»
ул. Ермака, 39, г. Иваново, 153025, Российская Федерация
ryabtseva.e.a@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Krupina, assistant professor, Ph.D.
Ivanovo State University
39, Ermak Str., Ivanovo, 153025, Russian Federation
ryabtseva.e.a@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0009-7426>

Поступила 31.01.2023

После рецензирования 10.02.2023

Принята 12.03.2023

Received 31.01.2023

Revised 10.02.2023

Accepted 12.03.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112

УДК 811.161.1; 811.581

ПРОПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ГЛУБИННЫХ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ В ТЕКСТЕ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ

Лян Мэнцзе

Обоснование. Важность исследования обусловлена вниманием к картине мира, логике мифопоэтического мышления и мифопоэтических представлений о природе, присущих русскому народному сознанию.

Цель. В статье проанализированы типы и структура событийных пропозиций русских орнитологических примет с субъектной доминантой.

Материалы и методы. Материалом являются около 350 русских орнитологических примет с субъектной доминантой. Источниками исследования являются словари русского языка и сборники примет, поверий, суеверий, а также работы о русских приметах. Основной метод исследования – анализ пропозиций. Кроме того, в работе использовались такие методы, как метод классификации и этнокультурологический анализ.

Результаты. Анализ типов и структуры событийной пропозиции русских орнитологических примет с субъектной доминантой выявил актуальные элементы пропозитивной семантики данного типа примет: это пропозиции «(пере)движение» и «действие». Проведено исследование нескольких смысловых слоев текста примет: собственно пропозитивный, внутривопозитивный и припозитивный. Показано преимущество пропозиционного анализа по сравнению с распространенным в современной лингвистике когнитивным (фреймовым) и структурно-семантическим анализом русских народных примет, которое состоит в том, что пропозитивный анализ примет позволяет выделить модели, которые отражают способы познания и оценки действительности.

Область применения результатов. Результаты анализа могут быть использованы для описания малых фольклорных жанров, а также в педагогической деятельности, в частности, в преподавании фольклора.

Ключевые слова: пропозиционный анализ; культурные смыслы; орнитологические приметы русского языка

Для цитирования. Лян Мэнцзе. Пропозиционный анализ как способ выявления глубинных культурных смыслов в тексте народных примет // *Современные исследования социальных проблем*. 2023. Т. 15, № 1. С. 94-112. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112

PROPOSITIONAL ANALYSIS AS A WAY OF REVEALING UNDERLYING CULTURAL MEANINGS IN THE TEXT OF OMENS

Liang Mengjie

Background. The importance of the study is due to the attention to the picture of the world, the logic of mythopoetic thinking and mythopoetic representations of nature inherent in the Russian folk consciousness.

Purpose. The article analyses the types and structure of event propositions of Russian ornithological omens with subjective dominance.

Materials and methods. The material is about 350 Russian ornithological omens with a subjective dominant. The sources of the study are dictionaries of the Russian language and collections of omens, beliefs, superstitions, as well as works on Russian omens. The main method of research is the analysis of propositions. In addition, such methods as the method of classification and ethno-cultural analysis were used in the work.

Results. The analysis of the types and structure of the event proposition in Russian ornithological omens with the subject dominant revealed the actual elements of the propositional semantics of this type of omens: these are the propositions “(over)movement” and “action”. Several semantic layers of the text of omens have been studied: proper proposi-

tional, intra-propositional and prepositional. It shows the advantage of propositional analysis in comparison with the cognitive (frame) and structural-semantic analysis of Russian folk omens, widespread in modern linguistics, which is that the propositional analysis of omens allows to identify models that reflect ways of cognition and evaluation of reality.

Practical implications. *The results of the analysis can be used to describe small folklore genres, as well as in pedagogical activities, in particular in the teaching of folklore.*

Keywords: *propositional analysis; cultural meanings; ornithological omens of the Russian language*

For citation. *Liang Mengjie. Propositional Analysis as a Way of Revealing Underlying Cultural Meanings in the Text of Omens. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 94-112. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112*

Введение

Цель. Проанализировать типы и структуру событийных пропозиций русских орнитологических примет с субъектной доминантой.

Актуальность. Важность исследования обусловлена вниманием к картине мира, вербализованной в таком малом фольклорном жанре, как приметы. По словам А.Н. Афанасьева, связь между известным предметом и его образом сознание человека как представителя определенной культуры удерживает долго, но смысл этой связи утрачивается, и осознать его без помощи науки невозможно [4, с. 60].

Материалы и методы

В данной статье анализируются орнитологические приметы с субъектной доминантой. Под приметами с субъектной доминантой понимаются такие высказывания, в которых субъектом (исполнителем) действия, представленным в прогнозирующей части приметы (если...), является птица: *Гуси моются – перед дождем* [18, с. 69, 338]. В данном примере субъектом действия является *гусь*, а адресатом – *человек*, которому и адресован прогноз, представленный в прогнозируемой части приметы (...то).

В рамках исследования было проанализировано около 350 примет, представляющих орнитологический код. Источниками исследования являются словари русского языка и сборники примет, поверий, суеверий, а также работы о русских приметах.

Основной метод исследования в настоящей работе – анализ пропозиций. Кроме того, в работе использовались такие методы, как метод классификации и этнокультурологический анализ.

Результаты и обсуждения.

Концептуальное пространство русских орнитологических примет

Когнитивный аспект исследования примет связывается в работах с механизмом реализации иерархических связей и строится в ходе взаимодействия фреймов по категориальной оси «причина – следствие». Исследователи фиксируют арсенал когнитивных моделей, заложенных в приметах [10, с. 153]. Отмечается, что народное сознание отбирает только те явления для фреймовой презентации, которые проверены многократными наблюдениями [13, с. 34]. Например, Н.Н. Семененко отмечает, что примета *Веник расстrepался – хозяйке быть битой* содержит взаимодействие фреймов «Уборка жилища» и «Побои», которое отражает специфику народного сознания над явлениями данного сценария [21].

В литературе обсуждается вопрос о референтах примет. Отмечается, что референтами примет «служат не отдельные предметы, а ситуации, отнесенность к которым отражается в синтаксическом оформлении примет» [26, с. 11]. Что касается семантической структуры примет, то ученые обращают внимание, что их денотативное значение формируется не в области предметной действительности, а в области мифического сознания носителей языка [2, с. 12, 55].

Концептосфера народной приметы описывается Е.Е. Тонковой через фиксацию «криптоклассов», которые образуются концептами [25, с. 76-77].

Анализ русских и немецких примет на когнитивно-пропозитивном уровне проведен в докторской диссертации М.А. Кульковой [16]. Исследователь рассматривает способы выражения пропози-

тивного содержания в народных приметах. Основным компонентом содержания семантической пропозиции примет является, по мнению М.А. Кульковой, следственный компонент, поэтому основная пропозиция – это пропозиция следствия, а дополнительные – причины и цели. Исследователем выявлено, что пропозитивное содержание в приметах может быть представлено эксплицитно и имплицитно. М.А. Кулькова также рассматривает типы осложнений простых предложений в группе народных примет (компликаторов, по терминологии М.А. Кормилицыной): актантные, атрибутивные и сирконстантные. В работе подробно рассмотрены типы и средства выражения этих осложнений в русском и немецком языках [16, с. 130-214]. Подобное исследование проведено и в диссертации К.Р. Вагнер [9].

Исследование орнитологических примет с субъектной доминантой было проведено нами ранее [17]. Было показано, что признание приметы знаком ситуации дает возможность использовать семиотический подход и метод бинарных оппозиций. Такой подход позволяет установить типологию логических отношений между частями приметы: прогнозирующей и прогнозируемой, и определить такие оппозиции, как *локус – погода, пространство – погода, время – погода, действие – погода, образ действия – погода* и *количество – погода* (для погодных примет) и *локус – судьба, пространство – судьба, время – судьба, действие – судьба, образ действия – судьба* и *количество – судьба* (для суеверных примет).

Мы считаем, что изучение орнитологических примет методом оппозиционного анализа, предлагаемого в [Там же], позволяет дать описание поверхностного уровня содержания примет. Для изучения же глубинных смыслов содержания этих паремиологических единиц необходимо применение пропозиционного анализа.

Пропозиционный анализ примет орнитологического кода

Пропозиционный (пропозициональный) анализ используется при описании единиц высшего уровня – предложения / высказывания и текста, которые определяются как языковые знаки. Целью такого анализа является вычленение денотативного и информационного содержания единицы для исследования ее понимания и ин-

терпретации, выявления актуальных (глубинных) смыслов, а также определения уровня сложности и читабельности текста.

В исследовании пропозиции выделяются как минимум два подхода: логический и когнитивный.

Понятие «пропозиция» как ключевая категория в логико-семантической структуре предложения имеет долгую историю и начиналось с понятия пропозиции как логического суждения, затем термин «пропозиция» стал употребляться по отношению к языковой форме суждения – предложению, а потом стал означать денотат предложения, то есть его объективное, независимое от говорящего, содержание [3, с. 21-28].

Постепенно понятие «пропозиция» входит в сферу семантического синтаксиса и оценивается как инструмент изучения диктума на языковом уровне [27, с. 8]. В современных исследованиях все чаще пропозиция рассматривается в качестве одной из репрезентирующих знания человека структур, изучающих проблему соотношения языка и мышления, в частности вопрос о способах хранения знаний, в рамках когнитивного направления. Пропозиция вербальна, а ее структуру определяет валентностный потенциал глагола – базового предиката, а также число и характер актантов и сирконстантов [23].

Этапами пропозиционного анализа традиционно считаются выделение типов пропозиций в анализируемом материале, анализ их пропозитивной семантики, основанной на значении глаголов и их «распространителей» (Ч. Филлмор).

В литературе представлены разные типологии пропозиций: событийные / логические [27], когнитивные / оценочные [15], акциональные / статальные [20], синтаксические / деривационные [6]. Типология пропозиций, по мнению Т.В. Шмелевой, входит в языковую семантику и является частью наших представлений о действительности [22, с. 277].

Тексты примет относятся к полипропозитивным структурам, даже если само предложение простое, то есть монопредикативное (*Сычи и перепела кричат перед дождем* [18, с. 78]). Все приметы

относятся к виду обстоятельственных логических пропозиций по типу отношений между пропозициями в тексте приметы. По типу пропозиций в группе русских орнитологических примет выделяют простые (*Аист снится – к счастью* [Там же, с. 228]) и расширенные (развернутые) пропозиции (*Чтобы разбогатеть, трясут кошельком или хватаются за монеты при первом куковании кукушки или при первом прилете аиста* [Там же, с. 421]).

Событийные пропозиции в структуре орнитологических русских примет

Т.В. Шмелева делит пропозиции на две группы – событийные и логические. Событийные пропозиции соотносятся с вопросом «Что произошло?», «портретируют» действительность, являются результатом восприятия, наблюдения и воспоминания и допускают модус восприятия (*я вижу, я слышу*). Событийные пропозиции делятся ученым на 5 подтипов – состояния, движения, действия, восприятия и речи. Они отличаются по принадлежности к разным сферам (мир природы, внутренний мир человека и его социальные реалии) и по «именам пропозиции»: сочетаниями *находится в состоянии, испытывать состояние* (пропозиция состояния), *глаголами движения* (пропозиция движения), глаголами со значением «*делать, создавать, сооружать, создавать*» (пропозиция действия), глаголами со значением «*видеть, слышать, чувствовать, ощущать*» (пропозиция восприятия) и *глаголами речи* (пропозиция речи). Логические пропозиции порождают вопросы «Как ты догадался? Почему ты так решил?» и представляют собой результат умственных операций и сообщают об установленных признаках, свойствах, отношениях. Они разделяются на 3 подтипа по степени сложности – элементарные (один обязательный актанта), релятивные (как минимум два актанта) и обстоятельственные (временные и обусловленности) [27, с. 10-22; 22, с. 277-292].

Рассмотрим основные пропозиционные признаки орнитологических примет русского языка, а именно: типы предикатов и актантов в событийных пропозициях.

Для классификации примет по типам пропозиции существенным является анализ первой пропозиции в двучастной структуре

приметы – прогнозирующая (первая) часть со значением условия (событие): если... Что касается прогнозируемой (второй) части со значением следствия (собственно прогноз), то она анализу в данной статье не подвергалась.

Мы придерживаемся традиционной классификации народных примет, идущей от А.Н. Афанасьева, предложившего деление примет на те, что выведены из действительных наблюдений, и те, в основании которых лежит мифическое представление [4, с. 63-67]. Первые называются в современной науке погодными, а вторые суеверными.

Погодные приметы по типу предикатов в событийной пропозиции можно разделить на следующие группы: «(пере)движение» и «действие». Обязательными элементами структуры событийной пропозиции для групп «(пере)движение» и «действие» являются акциональные предикаты.

Мы придерживаемся точки зрения Т.В. Шмелевой о том, что в пропозиции можно выделить несколько смысловых слоев: собственно пропозитивный, внутривопозитивный и припозитивный [27, с. 8].

Собственно пропозитивный слой в анализируемом материале – это событийная пропозиция, реализуемая группой глаголов и их видовыми коррелятами определенной семантики.

В группе «*(пере)движение*» событийная пропозиция реализуется глаголами с семантикой «поступательное движение субъекта» (*летать, возвращаться, виться, порхать, парить* и их видовые корреляты *лететь, улетать / улететь, вылетать / вылететь, возвратиться*); «перемещение объекта» (*вздыматься, играть* (в значении «кругового и вращательного перемещения»), *кружить/ся, покинуть, сносить, выбрасывать*); «помещение» (*забираться, прятаться, садиться, окунуться*) [24, с. 29, 49, 62, 64, 89, 107, 108, 144, 148, 149, 152, 172]. См. примеры: *Чибис летает низко – к продолжительной сухой погоде* [18, с. 228]; *Щегленок кружится в воздухе на одном месте – к непогоде* [Там же, с. 137]; *Цыплята прячутся – к сырой погоде* [12, с. 562]; *Аисты покинули гнездо и перенесли птенцов – в доме будет пожар* [18, с. 172]; *Аист выбрасывает птенца из гнезда – к неурожаю* [Там же, с. 144, 276].

В эту группу мы включаем глагол *купаться*, потому что по отношению к птицам в семантической структуре глагола актуализируется значение «*погружаться во что-то жидкое, сыпучее*» [7, с. 480] (*Воробьи купаются в пыли – к дождю* [18, с. 68]; *Чайки много купаются – к ненастью* [12, с. 564]). Сюда же можно отнести и такие глаголы со сходным значением, как *полоскаться*, *нырять*, *мыться* (*Гуси полощутся в воде – к теплу* [Там же, с. 233]; *Гуси (гусь и утка) ныряют – к дождю (на дождь)* [18, с. 69; 11, с. 465]; *Гуси моются – перед дождем* [Там же, с. 69, 338]). В пропозитивной семантике приметы актуализируется иное значение и глагола *веселиться*. Этот глагол, включенный в лексико-семантическую группу «Пребывание субъекта в эмоциональном состоянии» [24, с. 518] и имеющий значение «*предаваться веселью, весело проводить время*» [7, с. 121], в тексте приметы обретает значение «*беспорядочного, суетливого движения, вызывающего шум*». Ср.: *Воробьи веселятся – к вёдру* [18, с. 216] и сходный смысл в приметах *Шумят воробьи – на дождь* [Там же, с. 79, 317]; *Воробьи дружно чирикают зимой – к теплу* [Там же, с. 233]; *Воробьи веселы, подвижны, драчливы – к хорошей погоде* [Там же, с. 216, 316].

В группе «*действию*» событийная пропозиция реализуется глаголами с семантикой «существование» – локализованное существование (*Аист поселился на крыше – пожара не будет* [Там же, с. 172, 276]) и образа действия (*Куры россыпью ходят – к дождю* [Там же, с. 74]; *Курица на одной ноге (стоит) – к стуже* [8, с. 576]). В этих случаях позиция предиката может быть нулевой, то есть для обозначения пропозиции глагол необязателен.

К данной группе относятся пропозиции с именем предиката «гнездование», «звучание» и «питание». Пропозиция «гнездование» реализуется глаголами *поселиться*, *вить*, *выбрасывать*, *сносить*, *покинуть*, *строить* с актантом-объективом *гнездо*: *Если птицы вьют гнезда на солнечной стороне деревьев, домов – к холодному лету* [18, с. 112]; *Воробьи летают и строят гнездо – к хорошей погоде* [Там же, с. 216]. Пропозиция «звучание» охватывает предикаты с семантикой «издавать, производить какие-то звуки,

не связанные с речью» – кричать, щебетать, чирикать, шуметь, каркать, токовать, ворковать [24, с. 448, 456, 457] и «речевая деятельность» – молчать [Там же, с. 352] и их видовые корреляты. См. примеры: *Воробьи щебечут – к дождю* [18, с. 317]; *Воробьи расчирикались летом – перед дождем* [Там же, с. 68, 317]; *Вороны часто кричат – к дурной погоде* [18, с. 36]; *Вороны каркают, стайей летают – к ненастью, зимой – к морозу* [8, с. 559]; *Токование глухаря в ненастное утро – к перемене погоды в лучшую сторону* [18, с. 171]; *Жаворонок замолкает – к ненастью* [Там же, с. 133, 365]. Пропозиция «питание» реализуется глаголами *кормить(ся)* и *пасться*: *Птицы вечером кормятся дольше обычного – к морозу* [Там же, с. 127]; *Если летом вороны, грачи и галки кричат или, ходя по траве, «пасутся», то скоро будет дождь* [18, с. 70].

Внутрипозитивный слой в исследуемом материале отражает структуру пропозиции и определяется числом и характером ее элементов – предикатных актантов и сирконстантов. Так, в пропозиции «перемещение объекта» позиции актантов и сирконстантов замещаются (*Аист сносит гнездо с крыши – в доме будет пожар* [Там же, с. 172]), а в пропозиции «помещение» – нет.

Припозитивный слой в приметах организуется за счет смыслов фазисности и негации [27, с. 9]: *Перед непогодой певчие птицы перестают петь* [18, с. 135]; *Если прилетные птицы весной долго не говорят (не щебечут), то будет еще холод, сиверко* [Там же, с. 262].

Пропозиционный анализ примет как способ выявления культурных смыслов

Представленная классификация орнитологических примет с субъектной доминантой по типу и составу пропозиций в левой части не претендует на то, чтобы быть единственным описанием пропозиционного содержания русских примет, так как, по словам Г.А. Золотовой, «не следует абсолютизировать никакую классификацию, в классификации часто отражается тенденция к противопоставленности явлений, при наличии промежуточных случаев» [14, с. 10].

Важность пропозиционного анализа мы видим в том, что он выявляет актуальные смыслы, то, что важно человеку в поведении

птиц, то, что имеет для него мифический смысл. Например, в приметах о *гагаре* актуализируется только пропозиция «звучание»: *Гагара как закричит «до горла», «до горла», – обязательно ветер* [18, с. 41, 324]; *Гагары ревут – дождь будет* [Там же, с. 69]; *Если гагара заревет – то перед северным ветром и дождем, а если закричит – то перед ведром* [Там же, с. 217, 324]. Кроме того, пропозиция «звучание» выявлена в приметах о *перепеле, коростели, бекасе, кукушке, сове, филине, сыче, дятле, иволге, сойке, дрозде, соловье, синице и овсянке*, пропозиция «питание» в примете о *рябчиках*, пропозиция «(пере)движение», представленная в приметах о *баклане, гусе, утке, орле, коршуне, куропатке, фазане, журавле, стриже, ласточке, скворце, граче*, реализуется предикатами со значением «летать» (*гусь, коршун, куропатка, журавль, стриж, ласточка, скворец, грач*), «парить» (*орел, коршун*), «плавать» (*баклан, гусь, утка*). Безусловно, такая актуализация тех или иных качеств и признаков поведения птиц имеет определенное значение, указывает на важные для носителя языка свойства. Они не всегда соответствуют особенностям поведения птиц, которые выделяются в научной картине мира. Зачастую, как указывают орнитологи, мифы и легенды о птицах не соответствуют их реальному поведению. Так, при описании *гагары* в научной картине мира действительно актуализируется признак «громкий голос» (*гагара – голос громкий, состоит их пронзительных воплей и стонов* [19, с. 27]), а крупные птицы отряда соколообразных (*орлы, ястребы, соколы, коршуны*) способны парить, «экономя силы с помощью восходящих воздушных потоков» [Там же, с. 104]. Но, например, низкий полет *ласточек* вовсе не связан с дождем: деревенские ласточки всегда кормятся на небольшой высоте, городские же ласточки теплыми вечерами, во время массового лета насекомых, тоже спускаются вниз [Там же, с. 278]. А ранний прилет *грачей* не всегда является ранним, так как некоторые грачи вместе с воронами и галками в населенных пунктах так и остаются зимовать в средней полосе России, никуда не улетают, а значит, и не прилетают [Там же, с. 308]. Примета *Зяблик рюмлит (жалобно свищет) – будет дождь* [18, с. 387] отчасти вер-

на, так как птица действительно «рюмит» перед дождем, но лишь тогда, когда небо уже и так затянулось и в лесу стало темно, так что и без пения птицы ясно, что дождь пойдет [19, с. 380].

Такие данные приводят любого исследователя народных примет к вопросу, как возникала эта «логика переходов смыслов, когда из предыдущего тезиса разворачивается последующее» [5, с. 13]. В приметах даются образцы поведения, которые наиболее значимы для существования коллектива [Там же, с. 13]. Поэтому наблюдения «русских простонародных метеорологов», складывающиеся веками в форму народных примет, так важны, хотя они условны, общи, темны и гадательны [1, с. 2, 17].

Заключение

Анализ типов и структуры событийной пропозиции русских орнитологических примет с субъектной доминантой, представленной в прогнозирующей (первой) части приметы, выявил актуальные элементы пропозитивной семантики данного типа примет: это пропозиции «(пере)движение» и «действие». Пропозиция «(пере)движение» реализована глаголами, в семантике которых актуализирована сема «горизонтальное и вертикальное движение» (*вверх, вниз и внутрь*), а в качестве сирконстантов представлены объекты, обозначающие твердую поверхность или воздушную / жидкую среду (*земля, небо, крыша*) (см. типовую семантику в: [24, с. 27]) и имеющие транзитивную семантику [Там же, с. 263] (*парить над головой*), семантику отправной / исходной точки движения [Там же, с. 73, 90] (*улетать со своего гнезда; от своего гнезда*), семантику директива – направления движения внутрь [Там же, с. 159] (*залетать в дом*). Пропозиция «действие» реализована глаголами, в семантике которых актуализирована сема «объекты жизнедеятельности» с актантом (*гнездо*) и сирконстантами времени (*летом, утром*).

Исконные смыслы, выявление которых затруднено, так как в исторической перспективе слово «для простолюдина не всегда есть только знак, указывающий на известное понятие, но оно живописует самые характеристические оттенки предмета и яркие особен-

ности явления» [4, с. 40-41], издавна отражали многовековые наблюдения земледельца за явлениями природы. Это знание давно забыто, но вера в знаки осталась, потому что все еще имеет практическую ценность для современного человека. Такая живая для древнего человека связь между явлениями дает возможность для современного человека увидеть, какие именно аналогии находил народный ум. Эти аналогии постепенно утрачивают функцию автоматизированной программы поведения, сохраняются скорее как привычка следовать прогнозам примет.

Пропозитивный анализ примет позволяет выделить модели, которые отражают способы познания и оценки действительности [10, с. 153], то есть увидеть связи на другом уровне обобщения, чем при когнитивном (фреймовом) и тем более структурно-семантическом анализе.

Список литературы

1. Агринский К.Ф. Русские народные приметы о погоде и их значение для практической метеорологии и сельского хозяйства. Саратов: Типография Т-ва И.И. Лысенко и Н.С. Петровъ, 1899. 364 с.
2. Ананьина Т.С. Репрезентация примет и поверий во фразеологических единицах русского и французского языков (сопоставительный аспект): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 252 с.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
4. Афанасьев А.Н. Живая вода и вещее слово. М.: Советская Россия, 1988. 512 с.
5. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
6. Балакин С.В. Основные свойства пропозициональной структуры при деривационных процессах (на материале французского языка) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 5. С. 90-98.
7. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

8. Бурцев А.Е. Народный быт великого севера. Его нравы, обычаи, предания, предсказания, предрассудки, притчи, пословица, присловья, прибаутки, перегудки, припевы, сказки, присказки, песни, скороговорки, загадки, счеты, задачи, заговоры и заклинания. М.: МООО «Экологический союз Подмосковья», ИЦ «Слава!», 2010. 624 с.
9. Вагнер К.Р. Семантика и синтаксис русских народных примет с компонентом «зооним» (в зеркале английских примет): Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 246 с.
10. Васильев В.П., Васильева Э.В. Примета как культурно-ассоциативный слот метеонимического концепта // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10. Благовещенск: АмГУ, 2013. С. 152-160.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А-З. М.: РИПОЛ классик, 2006. 752 с.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р-Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.
13. Единак О.В. Фрейм «удача» и его лексические маркеры в русских приметах // Актуальные проблемы современной лингвистики: материалы Четвертой межвузовской научно-практической конференции. СПб.: ЛЭТИ, 2015. С. 34-35.
14. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
15. Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 279 с.
16. Кулькова М.А. Семантика и прагматика немецких и русских народных примет (лингвокультурологический подход): Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 216 с.
17. Лян М. Семиотический подход к исследованию русских примет (на материале примет о птицах) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8. № 1. С. 95-112.
18. Никитина Т.Г., Рогалева Е.И., Иванова Н.Н. Большой словарь примет М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.

19. Птицы. Энциклопедия природы России / Р.Л. Бёме, В.Л. Динец, В.Е. Флинт, А.Е. Черенков / под общ. ред. В. Флинта. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ABF, 1998. 432 с. URL: https://www.phantastike.com/biology/entsiklopediya_prirody_rossii_ptitsy/djvu/view/ (дата обращения: 20.12.2022).
20. Рычкова Н.Г. Особенности синтаксической реализации фразеологизмов *в пух и (в) прах* и *не на жизнь (живот), а на смерть*: сопоставительный анализ // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 45-51.
21. Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2012. 418 с.
22. Современный русский язык: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
23. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
24. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
25. Тонкова Е.Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 189 с.
26. Фаттахова Н.Н. Семантика и синтаксис народных примет в русском и татарском языках: сопоставительный аспект: Дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2002. 401 с.
27. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Со-временный русский язык». 2-е изд. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1994. 44 с.

References

1. Agrinskij K.F. *Russkie narodnye primety o pogode i ih znachenie dlya prakticheskoj meteorologii i sel'skogo hozyajstva* [Russian folk omens about the weather and their significance for practical meteorology and agriculture]. Saratov: Tipografiya T-va I.I. Lysenko i N.S. Petrov, 1899, 364 p.

2. Anan'ina T.S. *Reprezentaciya primet i poverij vo frazeologicheskikh edinicah russkogo i francuzskogo yazykov (sopostavitel'nyj aspekt)* [Representation of signs and beliefs in phraseological units of the Russian and French languages (comparative aspect)]. PhD dissertation. Moscow, 2018, 252 p.
3. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problem* [The sentence and its meaning: Logical and semantic problems]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 383 p.
4. Afanas'ev A.N. *Zhivaya voda i veshchee slovo* [Living water and prophetic word]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1988, 512 p.
5. Bajburin A.K. *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavyanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993, 240 p.
6. Balakin S.V. Osnovnye svojstva propozicional'noj struktury pri derivacionnyh processah (na materiale francuzskogo yazyka) [The main properties of the propositional structure in derivational processes (based on the French language)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Humanities], 2014, vol. 156, book 5, pp. 90-98.
7. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznecov. St. Petersburg: Norint Publ., 2000, 1536 p.
8. Burcev A.E. *Narodnyj byt velikogo severa. Ego nravy, obychai, predniya, predkazaniya, predrassudki, pritchi, poslovica, prislov'ya, pribautki, peregudki, pripevy, skazki, priskazki, pesni, skorogovorki, zagadki, schety, zadachi, zagovory i zaklinaniya* [Folk life of the Great North. Its morals, customs, predictions, prejudices, parables, proverbs, jokes, rhymes, refrains, fairy tales, sayings, songs, tongue twisters, riddles, tasks and spells]. Moscow: MOOO «Ekologicheskij soyuz Podmoskov'ya», IC «Slava!», 2010, 624 p.
9. Vagner K.R. *Semantika i sintaksis russkikh narodnyh primet s komponentom «zoonim» (v zerkale anglijskikh primet)* [Semantics and syntax of Russian folk signs with the “zoonym” component (in the mirror of English signs)]. PhD dissertation. Kazan', 2008, 246 p.

10. Vasil'ev V.P., Vasil'eva E.V. Primeta kak kul'turno-associativnyj slot meteonimicheskogo koncepta [A sign as a cultural-associative slot of a meteonomic concept]. *Slovo: fol'klorno-dialektologičeskij al'manah. Materialy nauchnyh ekspedicij* [Slovo: folklore-dialectological almanac. Materials of scientific expeditions], 2013, no. 10. Blagoveshchensk: AmGU, pp. 152-160.
11. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 1. Moscow: RIP-OL klassik Publ., 2006, 752 pp.
12. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 4. Moscow: RIP-OL klassik Publ., 2006, 672 pp.
13. Edinak O.V. Frejm «udacha» i ego leksicheskie markery v russkikh primetah [The frame “luck” and its lexical markers in Russian signs]. *Aktual'nye problemy sovremennoj lingvistiki: materialy Četvertoj mezshvuzovskoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Actual Problems of Modern Linguistics: Materials of the Fourth Interuniversity Scientific and Practical Conference]. St. Petersburg: LETI, 2015, pp. 34-35.
14. Zolotova G.A. *Sintaksicheskij slovar': Repertuar elementarnyh edinic russkogo sintaksisa* [Syntactic dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2006, 440 p.
15. Ivanilov V.M. *Associativnyj potencial slova kak osnova tolkovaniya snovidenij* [The associative potential of the word as the basis for the interpretation of dreams]. PhD dissertation. Ekaterinburg, 2006, 279 p.
16. Kul'kova M.A. *Semantika i pragmatika nemeckih i russkikh narodnyh primet (lingvokul'turologičeskij podhod)* [Semantics and pragmatics of German and Russian folk signs (linguoculturological approach)]. PhD dissertation. Kazan', 2005, 216 p.
17. Lyan M. *Semiotičeskij podhod k issledovaniju russkikh primet (na materiale primet o pticah)* [Semiotic approach to the study of Russian signs (based on signs about birds)]. *Teoretičeskaja i prikladnaja lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2022, vol. 8, no 1, pp. 95-112.
18. Nikitina T.G., Rogaleva E.I., Ivanova N.N. *Bol'shoj slovar' primet* [Large dictionary of folk beliefs]. Moscow: AST: Astrel' Publ., 2009, 687 p.

19. *Pticy. Enciklopediya prirody Rossii* [Birds. Encyclopedia of the nature of Russia]. Moscow: ABF Publ., 1998, 432 p. URL: https://www.phantastike.com/biology/entsiklopediya_prirody_rossii_ptitsy/djvu/view/ (accessed December 20, 2022).
20. Rychkova N.G. Osobennosti sintaksicheskoy realizacii frazeologizmov v puh i (v) prah i ne na zhizn' (zhivot), a na smert': sopostavitel'nyj analiz [Features of the syntactic implementation of phraseological units to the nines and (to) ashes and not to life (belly), but to death: a comparative analysis]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2011, no 4, pp. 45-51.
21. Semenenko N.N. *Kognitivno-pragmaticheskaya paradigma paremicheskoy semantiki (na materiale russkogo yazyka)* [Cognitive-pragmatic paradigm of paremic semantics (based on the Russian language)]. PhD dissertation. Belgorod, 2012, 418 p.
22. *Sovremennyy russkij yazyk: uchebnik dlya vuzov. Standart tret'ego pokoleniya* [Modern Russian language: a textbook for universities. Third generation standard]. Ed. by L.R. Duskaeva. St. Petersburg: Piter Publ., 2014, 352 p.
23. Ten'er L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Fundamentals of structural syntax]. Moscow: Progress Publ., 1988, 656 p.
24. *Tolkovyj slovar' russkih glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Anglijskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS Publ., 1999, 704 p.
25. Tonkova E.E. *Narodnaya primeta s pozicij lingvokognitivistiki i lingvokul'turologii* [Folk sign from the standpoint of linguocognitive science and linguoculturology]. PhD dissertation. Belgorod, 2007, 189 p.
26. Fattahova N.N. *Semantika i sintaksis narodnyh primet v russkom i tatarskom yazykah: sopostavitel'nyj aspekt* [Semantics and syntax of folk signs in the Russian and Tatar languages: a comparative aspect]. PhD dissertation. Kazan', 2002, 401 p.
27. Shmeleva T.V. *Semanticheskij sintaksis: Tekst lekcij iz kursa «So-vremennyy russkij yazyk»* [Semantic Syntax: Text of lectures from the course "Modern Russian Language"]. Krasnoyarsk: KSU Publ., 1994, 44 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ**Лян Мэнцзе**, аспирант

*Мурманский арктический государственный университет
ул. Капитана Егорова, 15, г. Мурманск, 183038, Российская
Федерация
mentsze2018@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR**Liang Mengjie**, PhD student

*Murmansk Arctic State University
15, Kapitana Egorova Str., Murmansk, 183038, Russian Federation
mentsze2018@gmail.com
SPIN-code: 4816-0026
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5903-4457>
ResearcherID: AFB-5656-2022*

Поступила 10.02.2023

После рецензирования 05.03.2023

Принята 12.03.2023

Received 10.02.2023

Revised 05.03.2023

Accepted 12.03.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-113-124
УДК 811.161.1

СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЭМОТИВНОГО КОНТЕКСТА

С.В. Минибаева, Т.В. Желтикова

В данной статье путем лексико-семантического и лексико-стилистического анализа доказывається, что эмотивный контекст выполняет особую смыслопорождающую функцию в художественном тексте, оказывая влияние на смысл текста в целом и на понимание его читателем.

Целью статьи является выявление роли эмотивного контекста в смысловой структуре художественного текста.

Методологически статья является междисциплинарной, базирующейся на использовании как общенаучных методов (наблюдения, сравнения, интерпретации, метод обобщения полученных данных), собственно лингвистических (лексико-семантического анализа слов и выражений, метод контекстуального анализа, интерпретационный метод). Ключевым исследовательским методом стал контент-анализ. Проведен анализ содержания рассказа В. Пелевина «Вести из Непала» в эмотивном аспекте с учетом психоэмоционального содержания контекста.

Результаты. Доказана особая роль эмотивного контекста в смысловой структуре художественного текста. Иными словами, смыслопорождающая функция эмотивного контекста, репрезентируемого за счет эмотивной лексики, эмотивных маркеров, деривационных средств, фиксирования невербального выражения эмотивного содержания и т.д. Представлен анализ эмотивных контекстов, позволяющих углубить понимание содержания текста в целом.

Ключевые слова: авторское сознание; эмотив; эмотивный контекст; эмотивный текст; эмоциональная ситуация

Для цитирования. Минibaева С.В., Желтикова Т.В. Смыслопорождающая функция эмотивного контекста // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 113-124. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-113-124

MEANING-GENERATING FUNCTION OF THE EMOTIVE CONTEXT

S.V. Minibaeva, T.V. Zheltikova

In this article, by means of lexico-semantic and lexico-stylistic analysis, it is proved that the emotive context performs a special meaning-generating function in a literary text, influencing the meaning of the text as a whole and the reader's understanding of it.

Purpose. *The purpose of the article is to identify the role of emotive context in the semantic structure of a literary text.*

Methods. *Methodologically, the article is an interdisciplinary one, based on the use of both general scientific methods (observation, comparison, interpretation) and linguistic ones (lexico-semantic analysis of words and expressions, semantic analysis of the text). The key research method was content analysis used to analyze V. Pelevin's story News from Nepal in the emotive aspect, taking into account the psycho-emotional content of the context.*

Results. *The special role of the emotive context in the semantic structure of a literary text is proved, the latter being the meaning-generating function of the emotive context, represented by emotive vocabulary, emotive markers, derivational means, fixing the nonverbal expression of emotive content, etc. The analysis of emotive contexts allowing to deepen understanding of the content of the text as a whole is presented.*

Keywords: *author's consciousness; emotive; emotive context; emotive text; emotional situation*

For citation. *Minibaeva S.V., Zheltikova T.V. Meaning-Generating Function of the Emotive Context. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 113-124. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-113-124*

Введение

Следует отметить, что на сегодняшний день в отечественной науке существует корпус научных работ, посвященный исследованию эмотивных смыслов, эмотивных контекстов. Так, проблемы языка эмоций активно представлены в докторских диссертациях Л.Г. Бабенко, С.Г. Воркачева, В.И. Жельвис, Л.А. Калимуллиной, Н.А. Лукьяновой, Ю.М. Малинович, О.Е. Филимоновой, В.И. Шаховского и др., в кандидатских диссертациях И.В. Быдиной, Я.А. Покровской, И.В. Томашевой, С.В. Ионовой и др. Однако такое количество исследований не позволяет утверждать, что эмотивный арсенал русского языка и русской речи изучен окончательно, это особо касается текстовой репрезентации. Нам видится необходимым говорить об особой функции эмотивного контекста в смыслопорождении, тем более что в нем реализуются не только прямо-номинативные смыслы, но и косвенно-номинативные значения, обусловленные сложностью, неоднозначностью лингвистического выражения эмоционального содержания.

Обсуждение

Для рассмотрения достаточно сложной проблемы, связанной с влиянием эмотивного контекста, содержащегося в художественном тексте, на его смысл, необходимо разобраться в сущности тех терминов, которые составляют базу терминологического аппарата нашего исследования. Следует отметить, что ряд из них до сих пор не имеют однозначного описания в современной науке. Речь идет о таких понятиях, как контекст в целом и эмотивный в частности.

В лингвистике не существует единого определения понятия «контекст». Традиционно он трактуется как «законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [1, с. 206]. Данное определение в большей степени имеет своей целью показать возможность обнаружения семантики конкретной, интересующей исследователя лексемы или сочетания лексем. При таком подходе рассмотрение смысловой взаимосвязи языковых единиц, входящих

в состав анализируемого фрагмента текста, является методом исследования значения лишь актуализированного слова, сочетаний слов. Такое понимание остается актуальным по сей день, поскольку не раз доказывалась связь между словом и контекстом и отмечалось, что «значение слова создает контекст и оно создается им» [6, с. 7]. Мы, напротив, считая контекст в первую очередь «композиционно-речевой системой» [4, с. 163] взаимообусловленных языковых единиц, подходим к анализу отрезка речи целостно, расчлняя его на составные части лишь с целью выявления смыслопорождающих связей между ними. Так, в той или иной мере учитываются значения всех создающих и поддерживающих контекст слов.

Такая точка зрения оказывается особенно актуальной в свете анализа эмотивного текста. В нем эмоциональная ситуация выстраивается с помощью ряда притягивающихся друг к другу в смысловом отношении эмотивов. Эмотивный контекст возникает на основе общего смысла и выступает некой совокупностью раскрывающих его языковых единиц. Соответственно, для полной интерпретации заложенного смысла необходимо комплексно проанализировать находящиеся в пределах текста или его фрагмента слова со сходными эмотивными компонентами значений (например, группу лексем, выражающих эмоцию радости). Однако следует признать, что эмотивный контекст не ограничивается лексико-семантическим полем эмотивных единиц: данное понятие несколько шире и сложнее. Так, эмотивный текст по сути своей является «описанием эмоционального состояния субъекта, причем репрезентированное чувство обозначено в заголовке благодаря использованному эмотиву, который по сути связан с темой текста. <...> Сюжетная линия эмотивного текста строится по всем законам психологического описания эмоциональной ситуации» [7, с. 81-82]. Говоря об эмотивном контексте, мы сужаем рамки анализируемого материала до фрагмента, работая с эмоциональным текстом, т.е. с таким, в отдельных фрагментах которого «содержится указание на эмоциональное состояние субъекта», следовательно, эмотивное содержание его «фрагментарно на всем протяжении текста» [Там же].

Немаловажным фактом является то, что эмотивное поле такого контекста определяется не только лексемами, но и внутритекстовыми имплицитными смыслами, которые репрезентируют эмотивное содержание гораздо глубже. Эмотивность в художественном (как и в публицистическом) тексте репрезентирована через призму авторского сознания, что осложняет дифференциацию эмотивности самого текста и эмотивности авторского сознания.

Пределы выражаемого эмотивного смысла определяют объем эмотивного контекста. В связи с этим различают следующие эмотивные смыслы: фразовые эмотивные смыслы, фрагментные эмотивные смыслы, общетекстовые эмотивные смыслы (эмотивный смысл раскрывается во фразе/фрагменте/всем тексте) [2, с. 124-125; 132-133]. Особое внимание стоит обратить на развертывающийся на протяжении всего текста эмотивный контекст. Для него нередко бывает характерна динамика центрального эмотивного смысла, который может раскрываться различными эмоциями.

Скажем и о том, что вопрос о сущности эмотивного контекста невозможно рассматривать без опоры на лингвистическую теорию эмоций. Одно из центральных ее положений формулируется следующим образом: «...все высказывания человека эмотивно маркированы (эксплицитно или имплицитно)» [10, с. 29]. Даже нейтральные лексические единицы под влиянием эмотивного контекста способны приобретать эмоциональное содержание. Таким образом, эмотивный контекст имеет тенденцию к саморасширению, за счет чего повышается «плотность эмотивной ткани» [8, с. 98].

На материале рассказа В. Пелевина «Вести из Непала» рассмотрим создание эмотивного контекста, особое внимание уделив его смыслопорождающей функции. В завязке рассказа, где повествуется о пренеприятном пути героини до места работы, с помощью семантических и словообразовательных средств реализуется оценочно-субъективный компонент смысловой оппозиции «предельности/недостаточности» [мира машин/мира человека]. «Стержневыми» его показателями выступают слова, которые в пределах данного речевого отрезка объединяются в следующие лексико-семантические

группы с общими эмосемами: а) ‘вызывающая чувство отторжения’ ‘нечистота’ - «лужа», «слякоть», «грязь», «заляпанный»; ‘неполнота, несовершенство, непригодность’ - «ободранных», «с грубо приваренными»; б) ‘вызывающее неприятные ощущения’ - «холодной» [слякотью], «ревущих, брызжущих» [машин] и т.д.

Все эти лексемы репрезентируют отрицательное эмоциональное состояние главной героини Любочки, вместе с тем описывая чувственное отношение рассказчика к представленной ситуации. Оно находит вербальное воплощение также и в эмотивных маркерах, эксплицитно указывающих на эмоции: «гнетущее» [впечатление], «страшно, страшно».

Нужно отметить, что кажущаяся неполнота человеческой личности в подавляющем ее мире огромных, заполняющих собой все пространство машин в эмотивном контексте ярче всего представлена с помощью суффиксов: уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* в имени героини и увеличительный суффикс *-ищ-* в контекстуально синонимичной слову «машины» лексеме «страшилищи». Эмотивное содержание представленной пары слов выступает смыслопорождающим элементом, способствующим конкретизации характера оппозиции «предельности/недостаточности» - по размеру: человек небольшой, а машины огромные. Можно предположить, что на образно-символическом уровне происходит буквализация метафоры «маленький человек».

Важно и то, что создающие эмотивный контекст лексемы по-разному взаимодействуют с языковыми единицами, выстраивающими смысловую оппозицию. Так, большая их часть выступает различного рода определениями при существительных: «огромных грузовых машин, *ревущих* и *брызжущих* смесью грязи». Эмотивный контекст в данном случае не углубляется в понятийное ядро субстантива, как это происходит в ранее рассмотренном примере с контекстуальной заменой: «...перемещение этих заляпанных мазутом *страшилищ* [машин]...». Таким образом, эмотивы-определения чаще выполняют поддерживающую функцию смыслопорождения, тогда как эмотивы-существительные, заменяющие нейтральные номинации

оценочно-экспрессивными, способны относительно самостоятельно, т.е. без опоры на какое-либо определяемое слово, вербализовать эмоциональную ситуацию.

Особое внимание стоит обратить на «языковое оформление» спуска в проекцию дантевского ада - производственные помещения, еще более умаляющие значение человека, буквально растворяющие его самого в советизмах и плакатных лозунгах. Такой призыв на транспаранте сопровождает героиню на ее рабочее место: «**ВСЯКИЙ ВХОДЯЩИЙ В ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ! НЕ ЗАБУДЬ НАДЕТЬ СПЕЦОДЕЖДУ!**». Эмотивно-смысловое содержание данного трансформированного фразеологического выражения. Исходный его вариант из «Божественной комедии» Данте Алигьери – «Оставь надежду, всяк сюда входящий» – основывается на развертывающейся в тексте-источнике эмоциональной ситуации и дополняется теми коннотациями, которое оно приобретает при изменении своего компонентного состава. Последнее в большей мере реализуется уже в том фрагменте, где и располагается анализируемый лозунг.

Данное выражение за счет несовпадения планов высказываемого и подразумеваемого вызывает у читателя смех, тем самым снимая то напряжение, которое сознательно создается автором в начале речевого произведения. Если рассматривать трансформированный фразеологизм так, как это делает Любочка, то есть не принимая во внимание его общезыковой вариант и текст-источник, то он утратит свое семантическое наполнение ‘предупреждение’ ‘о недостижимости’ ‘определенных положительных для человека стремлений’ ‘в определенной сфере’ и будет интерпретирован с учетом лишь его прямого значения, плана высказываемого – лишь как напоминание о необходимости надеть спецодежду при входе в производственные помещения. План подразумеваемого достигается при объединении двух названных векторов значений и прослеживания их взаимовлияния. Так, рассматриваемое фразеологическое выражение утверждает своим значением безрезультатность человеческих стремлений в какой-либо области (или пространстве), а «лишняя» единица – «производственные помещения», – встраивающаяся в его

состав, указывает на конкретное место, где усилия будут бесполезны. Вторая же часть лозунга «Не забудь надеть спецодежду!» транслирует авторскую ироническую убежденность в том, что человек не внял предупреждению и все же идет на свое рабочее место, как это и делает опаздывающая Любочка.

Как правило, ироническое высказывание, являясь «продуктом взаимодействия эмоционального и когнитивного начал в речемыслительной деятельности языковой личности», отражает «критическую оценку объектов действительности продуцентом текста» [5, с. 220]. Так, проанализированный лозунг своей выраженной эмоциональной направленностью, подчеркнутой восклицательностью конструкций, указывает на способность советского человека не замечать очевидное, пока оно не касается его напрямую, не мешает его благополучию.

Порождение подобного смысла можно наблюдать и в следующем фрагменте: «...больше всего ее *напугало* то, что к ней обращаются на «вы», по имени-отчеству. Это делало все происходящее крайне двусмысленным, потому что если опаздывала Любочка – это было одно, а если инженер по рационализации Любовь Григорьевна Сухоручко – уже совсем другое». Эмотивный маркер «напугало» прямо указывает на эмоциональное состояние героини при общении с начальством, тогда как мгновенно произошедшее соотнесение в сознании Любочки высказываемого (то, как к ней обращаются) и подразумеваемого (недовольство опозданием и результатами работы) вызывает у читателя смех.

Эмоциональное состояние героини и читателей сближается тогда, когда ирония перерастает в гротеск. В финале рассказа актуализируется содержание эмоциональной ситуации из «Божественной комедии» Данте, а именно переживаемое рассказчиком чувство страха при входе в ад, проявленное посредством эмотивного маркера «страшен»: «Я, прочитав над входом, в вышине, /Такие знаки сумрачного цвета, /Сказал: “Учитель, смысл их *страшен* мне”» [3, с. 18]. Этот «отложенный» смысл, наполняющий постигающего его человека неприятными эмоциями, настигает Любочку и её коллег

слишком поздно, одновременно с физической смертью. Глаголы «закричал», «завыл» свидетельствует уже не об эмоциональном состоянии субъектов, терпящих мучения, а об их телесных болезненных ощущениях. Жуткая картина направлена на возникновение у читателя чувства ужаса. Подобное эмотивное содержание обретают в данном контексте следующие сочетания слов, обозначающие патологические анатомические подробности: «раздавленной груди», «пулевая дырка в виске», «кости своего проломленного черепа».

Завершение речевого произведения демонстрирует спад эмоциональной напряженности посредством потенциального повторения тех эмотивов, которые наблюдались в начале текста: наблюдается своего рода эмотивное кольцевое обрамление текста. Примечательно, что завязка и развязка рассказа в эмотивно-формальном плане соответствуют друг другу, тогда как в эмотивно-содержательном несколько разнятся. После столь сильно влияющей на читателя гротескной сцены с соответствующим эмотивным наполнением ранее способный вызвать чувство отторжения ряд лексем теперь при самостоятельном его «дистраивании» (в конце произведения приведено только одно слово «лужа»), скорее всего, не вызовет столь сильных эмоций.

В заключении отметим, что наши наблюдения касаются художественного текста с эмоциональными фрагментами, несущими в себе важное для понимания текста смысловое содержание. В качестве элементов, с помощью которых эмотивный контекст проявляет себя как элемент смыслопорождения, выделяем эмотивную лексику, эмотивные маркеры, словообразовательные (деривационные) средства, невербальную репрезентацию за счет описания внешнего выражения эмоционального состояния (например, смех) и т.д. Отмечаем, что эмотивный контекст служит также усилению экспрессивной составляющей художественного произведения.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: «Советская энциклопедия». 1966. 608 с.

2. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука. 2005. 495 с.
3. Данте Алигьери. Божественная комедия: Перевод М. Лозинского. М.: «Наука». 1967. 628 с.
4. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим». 2010. 486 с.
5. Заврумов З.А. Ирония в художественном тексте: лингвостилистика или лингвориторика? // Вестник ЮУрГГПУ. 2014. № 8. С. 219-226.
6. Кечкеш И. Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2014. № 1. С. 7-17.
7. Минибаева С.В. Эмотивный текст и эмоциональный текст как единицы синтаксиса // *Lingua mobilis*. 2014. № 2(48). С. 81-86.
8. Нашхоева М.Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2011. № 1(218). С. 95-98.
9. Пелевин В.О. Вести из Непала // URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/re-vene/1.html?ysclid=lcetpogel3m544513395> (дата обращения: 08.12.2022).
10. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. М.: Гнозис. 2008. 414 с.

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Linguistic terms dictionary]. Moscow: «Sovetskaya enciklopediya» Publ., 1966, 608 p.
2. Babenko L.G. *Lingvisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta* [Linguistic analysis of a literary text]. Moscow: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2005, 495 p.
3. Dante Alig'eri. *Bozhestvennaya komediya* [Divine Comedy]. Moscow: «Nauka» Publ., 1967, 628 p.
4. Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Linguistic terms dictionary]. Nazran': ООО «Piligrim», 2010, 486 p.
5. Zavrumov Z.A. *Ironiya v hudozhestvennom tekste: lingvostilistika ili lingvoritorika?* [Irony in a literary text: linguistic stylistics or linguis-

- tic rhetoric?]. *Vestnik YUUrGGPU* [SUrSHPU Herald], 2014, no. 8, pp. 219-226.
6. Kechkesh I. *Slovo, kontekst i kommunikativnoe znachenie* [Word, context and communicative meaning]. *Vestnik RUDN* [RUDN Bulletin], 2014, no. 1, pp. 7-17.
 7. Minibaeva S.V. *Emotivnyj tekst i emocional'nyj tekst kak edinicy sintaksisa* [Emotive text and emotional text as units of syntax]. *Lingua mobilis*, 2014, no. 2(48), pp. 81-86.
 8. Nashkhoeva M.R. *Lingvisticheskaya koncepciya emocij i emotivnosti teksta* [Linguistic concept of emotions and text emotiveness]. *Vestnik YUUrGGPU* [SUrSHPU Herald], 2011, no. 1(218), pp. 95-98.
 9. Pelevin V.O. *Vesti iz Nepala* [News from Nepal]. URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-vene/1.html?ysclid=lctpogel3m544513395> (accessed December 08, 2022).
 10. Shahovskij V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emocij: Monografiya* [Linguistic theory of emotions: Monograph]. Moscow: Gnozis Publ., 2008, 414 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Минибаева Светлана Винеровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы филологического факультета
Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
пр. Ленина, 49, 453103, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Российская Федерация
sveta.minibaeva@yandex.ru

Желтикова Татьяна Викторовна, студент направления подготовки «Русский язык, Литература»
Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
пр. Ленина, 49, 453103, г. Стерлитамак, Республика Башкортостан, Российская Федерация
zheltikovatat@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Minibaeva, Associate Professor of Philology, Associate Professor, Head of the Russian Language and Literature Department of the Philological Faculty

*Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology
49 Lenin Ave., 453103, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan,
Russian Federation*

sveta.minibaeva@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1388-0946>

Tatiana V. Zheltikova, Student of the “Russian language, Literature”

*Sterlitamak Branch of Ufa University of Science and Technology
49 Lenin Ave., 453103, Sterlitamak, Republic of Bashkortostan,
Russian Federation*

zheltikovatat@yandex.ru

Поступила 20.02.2023

После рецензирования 09.03.2023

Принята 22.03.2023

Received 20.02.2023

Revised 09.03.2023

Accepted 22.03.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-125-141
УДК 81.42

К ДОСОКРАТИЧЕСКИМ УЧЕНИЯМ В РИТОРИКЕ

Л.Г. Васильев, Н.В. Мельничук

Обоснование. *Овладение риторическим искусством как филологической дисциплиной бесперспективно без научного осмысления предмета речевого воздействия. Последнее возможно лишь при условии овладения знаниями не только современного состояния этой дисциплины, но и умениями анализировать теоретические достижения риторической науки в ее становлении и развитии. Именно это позволяет оценивать адекватность соотношения целей и задач обучения, а также правильность моральных, филологических и педагогических предпочтений образовательного процесса.*

Цель. *В статье с историко-филологических и критико-аналитических позиций рассматриваются научные основания одного из важнейших направлений ранней греческой риторики, представленного в магистральных концепциях древних софистов.*

Материалы и методы. *Материалом исследования послужили общепилологические и дидактические постулаты двух важнейших авторов этого периода – Антифона и Горгия. Для освещения подходов используется метод критического анализа и методика исторической ретроспективы.*

Результаты. *Исследование показало, что изучение истоков риторики дает правильное направление в ее осмыслении. Преимущественно дидактический характер ранней риторики диктуется ориентацией на практические цели. Тем не менее, проанализированные концепции позволяют утверждать, что в них как в магистральных подходах теоретико-филологическая основа присутствует в виде осмысления существа и перспектив логоса, когда последний рассматривается с акцентом на сопоставление и обоснование конку-*

рирующих воззрений, а также на собственно языковые техники, обеспечивающие эффективность речевого воздействия.

Область применения результатов. Полученные данные могут быть использованы при анализе принципов построения и оценки аргументации в дебатах, а также в вузовских курсах стилистики при обсуждении проблемы эффективности средств речевоздействия.

Ключевые слова: риторика; досократики; софистика; аргументация; дидактика

Для цитирования. Васильев Л.Г., Мельничук Н.В. К досократическим учениям в риторике // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 125-141. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-125-141

CONCERNING THE PRE-SOCRATIC DOCTRINES IN RHETORIC

L.G. Vasilev, N.V. Melnichuk

Background. *Mastering the rhetorical art as a philological discipline must be based on scientific understanding of the subject of speech influence. The latter is only possible if one masters not only the knowledge of the current state of the discipline, but also the ability to analyze the theoretical achievements of the art of rhetoric in its formation and elaboration. That is what enables the scholar to assess the adequacy of the ratio of learning goals and objectives, as well as the correctness of moral, philological and pedagogical preferences underlying the mastery of the subject.*

Purpose. *The article analyzes scholarly principles of one of the most important trends of early Greek rhetoric, represented in the main concepts of the ancient sophists.*

Materials and methods. *The research material was the general philological and didactic postulates of most prominent rhetoricians of the period in question. To highlight the approaches, the method of critical analysis as well the structural-semantic and the philological historical methods are used.*

Results. *The article demonstrates that the study of the origins of rhetoric gives the correct direction to its understanding. The reason of predominantly didactic nature of early rhetoric is its orientation towards practical goals. Nevertheless, the analyzed concepts enable us to assert that in them, as in the main approaches of the time, the theoretical philological basis is present in the form of rationalizing the essence and prospects of pathos and logos, the latter being considered with an emphasis on the comparison and justification of competing views, as well as on the actual linguistic techniques that ensure the effectiveness of verbal influence.*

Practical implications. *The data obtained can be used in the analysis of the principles of construction and evaluation of argumentation in debates, as well as in university courses in stylistics for discussing the problem of the effectiveness of speech means.*

Keywords: *rhetoric; pre-socratics; sophistry; argumentation; didactics*

For citation. *Vasilev L.G., Melnichuk N.V. Concerning the Pre-socratic Doctrines in Rhetoric. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 125-141. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-125-141*

Введение

Цель. Проанализировать с историко-филологических позиций научные основания одного из важнейших направлений ранней греческой риторики, представленного в магистральных концепциях древних софистов.

Актуальность. Овладение риторическим искусством как филологической дисциплиной предполагает осмысления предмета речевого воздействия. Это представляется возможным при условии овладения знаниями не только современного состояния этой дисциплины, но и умениями анализировать теоретические достижения риторической науки в ее становлении и развитии.

Современное состояние почти любой научной дисциплины невозможно адекватно описать, если мы не будем прибегать к освещению истоков этой дисциплины. Такими истоками могут быть как

собственно научные узко-дисциплинарные наработки, так и общий научный фон в разные исторические периоды развития исследуемой дисциплины.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили научные комментированные переводы корпуса речей оратора Антифонта, диалоги Плвтона, Горгия. При анализе материала использовались лексико-семантический метод, а также метод контент- и компонент-анализа.

Результаты и обсуждение

Не следует забывать об общественно-политической атмосфере в разные периоды развития конкретной науки – хотя бы в следующих аспектах: (а) соответствовали ли исторические условия потребности в зарождении и становлении данной науки; (б) имелись ли для такого становления общекультурные предпосылки (т.е. достаточно ли развита интеллектуально была конкретная культура в целом); (в) было ли востребовано общественно-политической системой само проведение научных изысканий и насколько независимы в выражении своих научных идей были исследователи.

Например, в отношении риторики как отрасли прикладного языкознания освещение названных параметров должно учитывать следующее:

(а) исторические условия становления риторики сложились в Др. Греции как в признанном флагмане демократии – это потребность в отстаивании интересов граждан в общественном суде присяжных в условиях отсутствия в городах-полисах институтов обвинения и защиты; это дало толчок развитию искусства красноречия и аргументирования; в противовес этому – условия централизации власти в Др. Риме с формированием судебных институтов и появлением профессиональных юристов увело риторику от логоса – поиска собственно доказательных аргументов – в сторону пафоса как искусства воздействия на чувства с помощью стилистико-языковых средств;

(б) появление искусства риторики в Др. Греции и дальнейшее ее развитие в Европе было связано с мощной ориентацией на философские, политические и далее – на естественно-научные изыскания;

(в) в Др. мире проведению научных изысканий власти в целом не препятствовали, а вот в Ср. Века в Европе в 7–10 вв. (Тёмные Века – см.: [8]) с закатом влияния распавшейся Римской империи, заселением западной части Римской империи потомками прежде безграмотных варваров, развитием сельскохозяйственной ориентации стран и становлением феодализма наблюдался упадок наук; науки в западной Европе постепенно переместились в монастыри (вплоть до появления там в 12 в. свободных университетов [10]), а свободные изыскания предпринимались редкими учёными и преследовались (ср. инквизицию); возрождение интереса к научным изысканиям произошло уже после 12 в. – в основном в эпоху европейского Возрождения.

Мы же обратимся к периоду становления риторики в ее сицилийско-аттическом варианте досократиков (5 и далее вв. до н.э.). Пособия по риторике, дошедшие до нас (точнее, до Западной Европы) и доступные с 5 в. до н. э. можно считать наиболее полно концептуализированным выражением дидактической риторики того времени. Не будет ошибкой утверждать, что эти пособия являются прямыми предками большей части работ по риторике в классические и в более поздние времена. Однако справочники (см.: [2]) были не единственным источником навыков для тех, кто хотел научиться публичным выступлениям и аргументации. Многие из таких желающих продолжали следовать не предлагаемым разработкам, а старой традиции подражания успешному оратору, которая осуществлялась практически без осознанной рефлексии над используемыми приемами, и такой подражательный метод стал характерной формой изучения риторики в исследовательско-педагогическом направлении, которое можно условно назвать школами софистов.

Слово *софист* происходит от прилагательного *σοφιστής*, означающего *мудрый*, и может быть переведено как *специалист*. В 5 в. до н.э. Протагор и другие риторы использовали этот термин для

идентификации себя как представителей определенной профессии. Софисты были независимыми исследователями и преподавателями для тех, кто желал добиться успеха в гражданской жизни греческих городов-государств. Большинство софистов не были афинянами, но афинская молодежь составляла их основную клиентуру. Они преподавали главным образом путем публичного или частного декламирования речей, в которых в яркой форме излагались их идеи и методы доказывания. Некоторых из ведущих софистов, например, Протагора, можно по праву считать философами, которые развивали идеи и публиковали трактаты по тому, что мы могли бы сейчас назвать эпистемологией, антропологией, лингвистикой и почти всем, что связано с человеческой жизнью и верой. Другие были не более чем учителями приемов аргументации или акцентирования внимания.

Ключевым вопросом в их изложении часто была противоположность между тем, что греки называли *φυσική* (*physis*), или природой (т.е. тем, что объективно истинно и физически наблюдаемо), и *νόμος* (*nomos*), что означает закон – все созданные человеком институты и условности. Изложение софистами парадоксов и противоречивых моральных взглядов, предпринимаемое в энергичной, а зачастую и в просто вызывающей форме, продемонстрировало потенциал риторики для осуществления социальных изменений, а также для (аморального) самовозвеличивания. Представляется в связи с этим, что дальнейшее – в Средние века – выведение риторики из сферы внимания собственно науки связано не в последнюю очередь с забвением названной греческой дихотомии, фактическим отрицанием субъектного фактора в рамках физикализма, чего несложно было бы избежать, оставив названное разведение, тем более, что в конце концов это и случилось в новейшее время при демаркации естественных и социогуманитарных дисциплин. Сама странность господства в науке собственно физикализма может в известной мере быть связана со своеобразным ‘когнитивным протестантизмом’ в «просвещенной» Европе того времени – но это, конечно, вопрос отдельного изучения.

Что именно происходило в школах софистов, т.е. работали ли они по планам и каким дидактическими стратегиями пользовались, доподлинно не известно, но центральным занятием, безусловно, было прослушивание выступлений софиста или *чтение* версий его речей с последующим запоминанием или имитацией – воспроизведением этих речей в качестве моделей. Некоторые из этих моделей были во многом полезны для человека, готовящегося к выступлению в суде; другие же носили в большей мере амбициозный и красочный характер. Самым ранним примером первого типа и лучшей иллюстрацией того, как судебному ораторскому искусству можно научиться из софистических образцов речей, являются Тетралогии Антифона (Антифонта).

Антифон. Антифон, предполагаемый автор этих речей, по всей вероятности, был олигархическим политиком, которого казнили в результате провала революции 411 г. до н.э. в Афинах. Если это так, то он также является автором трех сохранившихся речей, написанных для клиентов на процессах по убийствам в Афинах; возможно также, что он был человеком, известным как Антифон Софист, автором трактата под названием «Об истине» (см. подробнее: [5]).

Сами Тетралогии представляют собой три набора из четырех речей, две для обвинения и две для защиты в каждом случае, в воображаемых судебных процессах по афинским законам об убийствах. Они были составлены в третьей четверти 5 в. до н.э. и были явно предназначены для того, чтобы служить образцами эффективных приемов судебного ораторского искусства. При этом имитационный характер речей касался имитации не проблемы (ситуации моделировались в явной ориентации на частотные ‘кейсы’ в юридической практике), а собственно обстановки слушаний. Именно поэтому названные наборы и являются значимыми для анализа.

Ситуация, представленная в первой речи Тетралогии, выглядит следующим образом. В безлюдном месте был убит человек. Сопровождавший его раб также подвергся нападению и умер через некоторое время от ран, заявив, что убийцей был человек, который впоследствии предстал на судебных слушаниях в качестве обвиня-

емого. Ни одному из персонажей Тетралогий не дано никаких имен. Судебное разбирательство по подобному делу проводилось бы в Ареопаге, древнем совете с судебными полномочиями, состоящем из всех бывших архонтов (высших должностных лиц в древнегреческих полисах); сложно оценить число тех, кто служил в Ареопаге, но это вполне может быть сотня человек или даже больше. Поскольку в Афинах не было государственного обвинителя, уголовные иски возбуждались любым, кто чувствовал себя обиженным. В судебных процессах по делу об убийстве это обычно был близкий родственник покойного. В данном случае обвинитель утверждает, что обеспокоен риском бунта, который может произойти в городе, если убийце будет позволено выйти на свободу. Обвинитель начинает свою речь следующим образом:

«Если преступление является результатом действий или заговора обычных граждан, доказать это несложно; а вот когда преступниками являются люди со значительными способностями, по-житейски опытные и находящиеся в расцвете своего интеллектуального развития, то обнаружить и осудить их трудно. Из-за риска быть уличенными в преступлении они уделяют большое внимание безопасности своих схем поведения и не предпринимают никаких действий до тех пор, пока не будут устранены все подозрения. Зная это, вам [судьям] необходимо внимательно отнестись и довериться любой вероятности, которую вы сейчас узнаете. < ... > [7, с. 26].

Затем он излагает вероятные кандидатуры убийц.

«Маловероятно, что погибшего убили грабители, потому что ни один грабитель, рисковавший своей жизнью, не отказался бы от предмета своего ограбления, когда он был у него в руках. Тем не менее, жертва была найдена со всем имуществом – оно [буквально «их плащи»] было нетронутым. И никто не убивал жертву в пьяном угаре, потому что у нас была бы информация от братьев по выпивке или от свидетелей. Убийство также не было результатом ссоры, потому что ссорящиеся не стали бы спорить посреди ночи и выбирать для этого безлюдное место. Убийца также не убил жертву по ошибке, приняв ее за кого-то другого, потому что он не убил бы

вместе с жертвой и его раба. А поскольку все эти три возможности отвергаются, факт смерти указывает на то, что человек умер в результате преднамеренного убийства. И кто с большей вероятностью напал бы на него, чем тот, кто уже претерпел от него большие обиды и ожидал, что пострадает еще больше? Такой человек есть, и этот человек – ответчик». ...> [Там же, с. 27].

Оратор продолжает свое развитие вероятностей, затем добавляет показания раба в качестве их подтверждения и, наконец, резюмирует то, что он сказал, и подчеркивает важность изгнания обвиняемого из города. Речи в греческих судах иногда были довольно короткими, но эта модель, не имеющая большого материала для усиления убедительности, особенно коротка. В частности, настоящая речь включала бы в себя повествование; здесь же у нас есть только вступление (proemium), доказательство из вероятностей, свидетельства и эпилог.

Во второй, уже защитной, речи в той же Тетралогии интересно посмотреть, как обвиняемый реагирует на приведенный аргумент.

По афинским законам он обязан защищать себя, и он отвечает, не соглашаясь с первым доводом обвинителя о том, что маловероятно, что человек, бродящий среди ночи, мог быть убит за свою собственность. Не соглашается он, используя тот же принцип вероятности – мол, то, что убитого не ограбили, еще ни о чем не говорит – потому что если нападавшие не унесли его вещи, то это, вероятно, потому, что убежали в страхе перед кем-то, кто приближался. А такое бегство очень вероятно, т.е. убийцы были вполне благоразумны, чтобы предпочесть выгоду, а не свою безопасность.

Далее он выдвигает другие мотивы убийства и отвергает показания раба, который указал на обвиняемого, на трех основаниях, двух личностных и одном социумном: (1) что в страхе за свою жизнь даже будучи тяжело раненым, но благоразумным, он вряд ли назвал бы убийцу; (2) в своем предсмертном состоянии, опять-таки, исходя из благоразумия, он, скорее всего, согласился бы на что угодно, чтобы угодить семье своего хозяина – чтобы получить лечение; (3) в социумном плане, по афинскому законодательству показаниям

рабов нет доверия (если только они получены не под судебной пыткой – впоследствии, правда, эта малоэтичная норма была отменена).

Аргументация в других тетралогиях аналогична, и практика Антифона в трех сохранившихся речах, написанных для участников реальных дел, в основном выполнена в том же духе. Даже фрагменты его речи в свою собственную защиту по обвинению в государственной измене указывают на то, что они основаны на принципе вероятности – он утверждал, что маловероятно, что он замышлял бы свержение правительства в своих собственных интересах.

Тетралогии Антифона являются примерами формы риторического обучения, которая процветала в Афинах. В случае аргументации на основе вероятности, как показано в Тетралогиях, а сама эта техника была зафиксирована и концептуализирована в справочниках 5 в. до н.э.

Ученики софистов не обязательно запоминали и воспроизводили *только* целые речи. Софистическое красноречие было в значительной степени стилизацией или соединением общих мест (топосов), длинных или коротких [7]. Такие топосы были своего рода опорами-заготовками, моделями для разных типов ситуаций. Топосы – это частные стандартизированные аспекты рассмотрения любой темы. Вообще, топосы – это ценностные суждения, принимаемые как оратором, так и аудиторией. Примерами топосов могут служить, например, Определение; Целое – Части; Род – Вид; Свойства – Характеристика; Противоположность; Имя (рассуждение о названии).

Сохранилась также коллекция введений, или *проэмий*, Демосфена, а также обсуждение стиля, усиления и эмоциональной привлекательности в описании справочников в «Федре» [4]. Другой пример – во фрагментарной речи против софистов Исократ сравнивает преподавание риторики некоторыми софистами с обучением алфавиту. Студент запоминал отрывки как буквы и составлял речь из этих элементов, как составляют слова из букв. При этом софисты не могли научить своих учеников, как комбинировать отрывки, ибо композиция – это творческий процесс, а не нечто с определенными правилами как правописание [7, р. 31-36]. Использование общих

мест софистического типа остается характерным для софистического красноречия, а также для некоторых вторичных риторических приемов.

Горгий. Общеизвестным фактом можно считать то, что среди софистов самым известным в истории риторики является Горгий (Γοργίας; около 480 г. до н.э., г. Леонтины), чья жизнь длилась примерно по 375 г. до н.э. Горгий был уроженцем греческой колонии на Сицилии, расположенной недалеко от Сиракуз, и получил блестящее по тем временам образование и воспитание (что, впрочем, было неразделимо). Предполагается, что он был учеником философа, жреца и врача Эмпедокла (основателя школы ораторского искусства в Сицилии), учителем Исократ и, возможно, был знаком с Кораксом или с Тисием, известнейшими законодателями софистического образовательного бонтона того времени. В 427 г. власти города отправили его послом в Афины, где его необычный ораторский стиль за короткое время стал весьма модным.

Хотя приемы, которые он использовал, были в основном заимствованы из греческой поэзии (как и было принято в те времена у риториков) и по отдельности могли быть найдены на аттическом греческом (языке Афин) и до его прибытия, он использовал их в беспрецедентной степени. В устах Горгия ораторское искусство превратилось, пользуясь его же таксисной техникой, в дискурс ‘переключки рифмующихся слов и перекликающихся словесных ритмов’.

Антитетическая структура, присущая др.-греческому синтаксису, стала у Горгия *idée fixe*. Сам антитетический принцип, т.е. структура с антитезисом, хотя и основан на логическом принципе противопоставления, требует не только наличия противоположных идей, но и лингвистического обеспечения, т.е. того, чтобы оппозиция в разных частях текста репрезентировалась посредством сходной грамматической структуры. Предложения были построены с постоянным параллелизмом и вниманием к соответствующей длине, вплоть до выравнивания количества слогов в каждом.

Такое построение текста принято называть ‘горгиевым стилем’. Конкретные модели, на которых этот стиль основан, называются ‘схе-

мы', или 'фигуры'. Описания фигур встречаются в трактатах уже в 4 в. до н.э. Более поздние авторы продолжали рассматривать фигуры Горгия как группы (говоря современным языком, фразовые/синтаксические комплексы) и часто считали их несколько неуклюжими. Во времена же самого Горгия им широко подражали – например, историк Фукидид, оратор Лисий, ритор Исократ, но, конечно, с большей сдержанностью, чем их создатель. Сам же Горгий в филологическом отношении позаимствовал фигуры из поэзии, где все они встречаются до его времени, но с более сдержанной плотностью. Это период первого развития художественной (в этом, как представляется, состоит специфика до-сократической риторики) прозы на греческом языке, и неудивительно, что поэзия послужила образцом для стиля.

Столь пристальное внимание к фигурам и их прагматический смысл у Горгия определяется, по-видимому, несколькими факторами. Во-первых, нельзя исключать стремление Горгия привлечь к себе внимание как к учителю речи – даже при том, что он был одним из самых обеспеченных людей того времени и не нуждался в деньгах настолько, насколько они требовались другим досократикам. Во-вторых, логично предположить – хотя бы уже в силу упомянутого социального статуса – наличие определенных амбиций, которые позволяли Горгию ощущать себя выше остальных риторов. Наконец, в методологическом плане можно считать, что Горгий следовал некоей еще не оформившейся, но, несомненно, глубинной 'теории' речи. Так, крупный авторитет в области античности Ж. де Ромилли утверждает, что Горгий видел в речи ту же самую магию, которая проявлялась в религиозной поэзии или в исцеляющих заклинаниях дорациональных знахарей [9, p. 22]. Если это так, то горгиевы фигуры следует рассматривать в инструментальном плане – как особые приспособления, с помощью которых он стремился 'творить' свою магию. Это пафосные техники, которые возбуждают страсти или овладевают умом и побуждают слушателя к бессознательному согласию с говорящим.

Мнение о Горгии как о маге, по-видимому, подтверждается общей реакцией на него в древности. Его считали именно ритором, а не философом, а цитаты или ссылки на него у древних писателей в

основном относятся к речам. Более того, у Платона он вовсе представлен совершенно неспособным к умозрительным построениям или к рефлексии над тем, что он делает [3].

Однако некоторые ученые XX в. считают, что Горгий был серьезным философом, интересовавшимся онтологией и эпистемологией и находившимся под влиянием пифагорейцев и Эмпедокла [6, р. 12]. Горгий разделяет с философами интерес к противоположностям и любовь к антитезису. Что еще более важно, его трактат «О несуществующем» («О природе»), который сохранился в виде набросков, можно рассматривать как серьезную попытку рационализации логического рассуждения, т.е. он дает выход в современную аргументологию, особенно в серийный аргумент, который можно представить как условно-категорический силллогизм или даже в виде цепочки Оговорок (Rebuttals), в терминологии С. Тулмина – (см.: [1, с. 11]): Горгий утверждает, что ничего не существует, что даже если что-то и существует, оно непостижимо для человека, и даже если бы это было постижимо, было бы невозможно передать. Этот аргумент подкрепляется выявлением и устранением альтернативных возможностей (это важно с точки зрения применимости параметра лингвистической значимости к облигаторным дискурсивным макрофункциям из уже упомянутой римской пентады). Такой способ рассуждения, а главное, его семантическая составляющая может, в известном отношении, быть расценена как методологическое обоснование философского принципа, а именно: ‘поскольку истина не может быть познана рационально, функция субъекта (оратора) заключается не в логическом доказывании (логосном дискурсе), а в эмоциональном представлении (пафосном дискурсе), которое пробудит в аудитории желание верить оратору’.

Заключение

Философский подход к Горгию, ценный тем, что он связан с другими интеллектуальными достижениями 5 в. до н.э., возможно, преувеличивает его интеллектуальную изощренность и приписывает ему нехарактерную силу концептуализации. Горгий подражал

тому, что он находил в философах и в поэтах, но он брал от них идеи не как эпистемологические постулаты, а как возможности техники речи. В целом, значимость Горгия для теории языка и прикладной лингвистики видится в том, что он был первым, кто предпринял попытку концептуализации риторических средств, которые мы теперь именуем тропами и фигурами речи.

Досократическое направление в риторике, конечно же, не исчерпывается именами Антифона и Горгия (см. об этом: [5]), однако эти ученые дали мощнейший толчок к развитию интеллектуального осмысления публичного дискурса.

Список литературы

1. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания. М., Калуга: Ин-т психологии РАН, 1994. 220 с.
2. Васильев Л.Г., Неборская В.В., Садыкова М.А. К ориентационным принципам риторических руководств // Казанская наука. 2022. № 9. С. 110-112.
3. Платон. Горгий. URL: <https://royallib.com/read/platon/gorgiy.html#0> (дата обращения: 20.01.2023).
4. Платон. Диалоги. URL: https://vk.com/doc4605748_437248458 (дата обращения: 20.01.2023).
5. Суриков И.Е. Научный комментированный перевод корпуса речей оратора Антифона. URL: <https://simposium.ru/ru/book/export/html/13543> (дата обращения: 20.01.2023).
6. Enos R.L. The Epistemology of Georgias' Rhetoric: A Re-Examination // Southern Western Communication Journal, 1979, vol. 42, pp. 35-51.
7. Kennedy G.A. Classical Rhetoric and Its Cristian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hills: The University of North Carolina Press, 1980, 291 p.
8. Mommsen Th.E. Petrarch's Conception of the 'Dark Ages' // Speculum (Cambridge MA: Medieval Academy of America), 1942, vol.17, no. 2, pp. 226-227.
9. Romilly J. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. N.Y. etc.: Harvard Univ. Press, 1973, 108 p.

10. Rüegg W. Foreword. *The University as a European Institution // A History of the University in Europe, 1992, Vol. 1: Universities in the Middle Ages*. Cambridge: University Press, pp. 19-20.
11. Toulmin S. *The Uses of Argument*. London etc.: Cambridge Univ. Press, 1958, 415 p.
12. Untersteiner M. *The Sophists / Transl. by K. Freeman*. Oxford: Blackwell, 1954, 368 p.
13. Walton D.N. *A Pragmatic Theory of Fallacy*. London, Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1995, 324 p.
14. Wardy R. *The Birth of Rhetoric: Gorgias, Plato and their successors*. London: Routledge, 1996, 208 p.
15. Wilson B. *The Anatomy of Argument, Revised Edition* Lanham. New York. London, University Press of America, 1986, 388 p.

References

1. Vasilev L.G. *Argumentativnye aspekty ponimaniya* [Argumentative aspects of understanding]. Moscow, Kaluga: In-t psikhologii RAN, 1994, 220 p.
2. Vasilev L.G., Neborskaya V.V., Sadykova M.A. K orientatsionnym printsipam ritoricheskikh rukovodstv [To orientational principles of rhetorical guides]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2022, no. 9, pp. 110-112.
3. Plato. *Gorgii* [Gorgias]. URL: <https://royallib.com/read/platon/gorgiy.html#0> (accessed January 20, 2023).
4. Plato. *Dialogi* [Dialogues]. URL: https://vk.com/doc4605748_437248458 (accessed January 20, 2023).
5. Surikov I.E. *Nauchnyi kommentirovannyy perevod korpusa rechei oratora Antifonta* [Scientific commentary translation of the corpus of orator Antiphon's speeches]. URL: <https://simposium.ru/ru/book/export/html/13543> (accessed January 20, 2023).
6. Enos R.L. The Epistemology of Georgias' Rhetoric: A Re-Examination. *Southern Western Communication Journal*, 1979, vol. 42, pp. 35-51.
7. Kennedy G.A. *Classical Rhetoric and Its Cristian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times*. Chapel Hills: The University of North Carolina Press, 1980, 291 p.

8. Mommsen Th.E. Petrarch's Conception of the 'Dark Ages'. *Speculum* (Cambridge MA: Medieval Academy of America), 1942, vol.17, no. 2, pp. 226-227.
9. Romilly, J. Magic and Rhetoric in Ancient Greece. N.Y. etc.: Harvard Univ. Press, 1973, 108 p.
10. Rüegg W. Foreword. The University as a European Institution. *A History of the University in Europe*, 1992, vol. 1: Universities in the Middle Ages. Cambridge: University Press, pp. 19-20.
11. Toulmin S. The Uses of Argument. London etc.: Cambridge Univ. Press, 1958, 415 p.
12. Untersteiner M. The Sophists / Transl. by K. Freeman. Oxford: Blackwell, 1954, 368 p.
13. Walton D.N. A Pragmatic Theory of Fallacy. London, Tuscaloosa: The University of Alabama Press, 1995, 324 p.
14. Wardy R. The Birth of Rhetoric: Gorgias, Plato and their successors. London: Routledge, 1996, 208 p.
15. Wilson B. The Anatomy of Argument, Revised Edition. Lanham. New York. London, University Press of America, 1986, 388 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Васильев Лев Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

*ул. С. Разина, 26, г. Калуга, 248023, Российская Федерация
argumentation@mail.ru*

Мельничук Наталия Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии

Государственное образовательное учреждение высшего образования «Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко»

*ул. 25 Октября, 128, г. Тирасполь, MD-3300, Молдова, Прид-
нестровье
natki@inbox.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lev G. Vasiliev, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
of Linguistics and Foreign Languages
*K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University
26, S. Razina Str., 248023, Kaluga, Russian Federation
argumentation@mail.ru
SPIN-code: 7745-2596
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7966-670X>*

Nataliia V. Melnichuk, Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Romano-Germanic Philology
*T. G. Shevchenko Pridnestrovien State University
25, Ocyabра Str., 128, Tiraspol, MD-3300, Moldova, Pridnestrovie
natki@inbox.ru
SPIN-code: 7135-0477
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0131-607X>*

Поступила 16.02.2023
После рецензирования 09.03.2023
Принята 20.03.2023

Received 16.02.2023
Revised 09.03.2023
Accepted 20.03.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-142-155

УДК 81.432.1-006

ВОПЛОЩЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ МАСКИ АВТОРА В ПРОСТРАНСТВЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Е.И. Винник

Цель. Установить возможные способы передачи в письменную речь женской идентичности посредством гендерной маски.

Материалы и методы. В исследовании применяются: дефиниционный анализ гендерных тенденций, контекстологическое наблюдение речевого материала художественного произведения, интерпретирование и систематизация языковых фактов, статистическая обработка данных.

Результаты. Подтверждена гипотеза возможного воплощения авторской идентичности при помощи гендерной маски в художественный текст посредством анализа глагольного семантического пространства романа М.-Э. Шаффер и Э. Бэрроуз «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» (около 2700 манифестаций).

Область применения результатов. Исследовательские результаты могут найти применение в системном изучении употребления глагола и глагольных форм в текстуальном пространстве как средства реализации гендерного аспекта.

Ключевые слова: гендер; гендерный дисплей; гендерлект; фемининность; маскулинность; глагол; речевая маска; эпистолярный; маскарад идентичностей

Для цитирования. Винник Е.И. Воплощение гендерной маски автора в пространстве американской женской прозы // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 142-155. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-142-155

MANIFESTATION OF AUTHOR'S GENDER MASK WITHIN THE SCOPE OF AMERICAN FEMALE PROSE

E.I. Vinnik

Purpose. The study is aimed to ascertain the possible ways of translation of female identity in written form through gender mask.

Materials and methods. *The survey is based on: the definitional analysis of gender tendencies, contextual observation of speech material of the fictional work, as well as linguistic facts interpretation and collation, statistical data manipulation.*

Results. *The hypothesis of potential epitome of the author's identity via gender mask in the literary text through the verbal semantic space's analysis of the novel *The Guernsey literary and potato peel pie society* by M.A. Shaffer and A. Barrows (2700 manifestations) is justified.*

Practical implications. *The research outcome can find the application in systematic scrutiny of the verb/verbals usage in the textual space as a means of gender aspect implementation.*

Keywords: *gender; gender display; genderlect; femininity; masculinity; verb; speech mask; epistolary genre; masquerade of identities*

For citation. *Vinnik E.I. Manifestation of Author's Gender Mask Within the Scope of American Female Prose. *Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 142-155. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-142-155*

Введение

В духовном опыте культурного развития человеческого бытия существуют проблемы особой значимости в силу тесного соприкосновения в практике жизнедеятельности общества. Одной из первостепенных является проблема пола. Н.А. Бердяев отмечал, что пол относится к целому человека, проецируется во всем телесном и духовном его существе [3, с. 181]. В силу своей сути пол, имея интегративную природу, в качестве многомерного естественно-природного, социокультурного и трансцендентального феномена, вызывает всеобщий исследовательский интерес у многих отраслей научного знания, в том числе у лингвистики.

Половая принадлежность индивида долгое время считалась однозначной. Биологические факторы определяли половую идентичность, в действительности, анатомия человека считалась его судьбой [9]. В середине XX в. возникла необходимость разграничить биологическое и социальное в вопросах пола в связи с развертыванием

исследований в изучении проблем транссексуализма. Вследствие возникшего требования появилась дефиниция «гендер» первоначально в работах Дж. Мани, выдающегося сексолога (1955), а позднее в работах американского психоаналитика Р. Столлера (1963). Английское слово “gender” уходит корнями в латинское “genus”, которое в переводе на русский язык означает «род». Р. Столлер обозначил собственную концепцию разделения пола/ гендера как биологического/ культурного. Пол он отнес к биологии, имея ввиду гормональную и нервную системы, генный статус человека, а гендер приписал к культуре – философии, социологии, психологии. В этих областях человеческих знаний термин «гендер» употребляется в широком смысле, подразумевающим поведенческие и психологические особенности мужчин/женщин, их половые свойства, ассоциирующиеся с маскулинностью/фемининностью. Интересна мысль американского антрополога К. Марч в отношении обозначенной образной параллели понятий «пол/ свет», «гендер/ цвет»: пол и свет являются физическими явлениями, и поэтому возможно их объективное измерение. Поскольку в узком смысле гендер обозначает социальный пол, социально сконструированные роли мужчин /женщин, не зависящие от их биологических различий, гендер и цвет – культурно обусловленные категории, благодаря которым социум группирует определенные свойства и придает им символическое значение [5, с. 17].

Со временем лингвистические исследования гендера создали фундамент для формирования самостоятельной ветви современного языкознания – лингвистической гендерологии/ гендерной лингвистики, основоположниками которой на постсоветском пространстве стали известные ученые А.В. Кирилина, М.В. Томская, Е.И. Горошко, Е.С. Гриценко, И.И. Халеева.

Начальный период гендерных исследований в целом и гендерной лингвистики в частности был ознаменован созданием дуальных моделей гендера – описанием, объяснением, сравнением психологических, социальных, культурных аспектов женского/ мужского как типичных для формирования норм, стереотипов, ролей. В 1922 г. датский лингвист О. Есперсен, рассматривая проблему гендерных

стилей в языке, посвятил главу своего исследования «Язык, его природа, развитие и происхождение» изучению различий в речевом поведении женщин/ мужчин и признал их существование [10, р. 253]. Параллельно возникали познавательные установки, связанные с постструктуралистскими и постмодернистскими теориями, создавшие условия для рождения концепции гендеризма И. Гоффмана, американского социального теоретика. По И. Гоффману, биологический пол лишь предпосылка для социального разделения общества на два полюса мужское/ женское и определения соответствующих норм жизнедеятельности. Для описания социальных аспектов пола ученый ввел термин «гендерный дисплей», к которому отнес составляющие пола – полоролевые нормы, гендерные стереотипы, полоролевую идентичность. Основными рычагами гендеризма – системы социальной значимости пола – И. Гоффман назвал институционализацию и ритуализацию пола, при содействии которых половая адаптация личности в обществе происходит через социальные институты семьи, школы, рынка труда, религии, средств массовой информации, политики. Благодаря им гендер развивает и устанавливает точные признаки мужского и женского, а в контексте феноменологического дискурса «мужчина/ женщина» гендерно-ролевые аттестации культуры.

Исходя из приоритета языковой системы в возможности познания реальности, представлений человека о мире, все направления постмодернизма доказывают зависимость сознания индивида от стереотипов своего языка, зафиксированных в нем особенностей речевого поведения мужчин и женщин. Предполагается, что текст отождествлен с сознанием индивидуума. Российский филолог, культуролог, литературовед И.П. Ильин в своей работе «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» (1996) указывает человека как субъекта, растворяющегося в текстах-сознаниях, которые составляют интертекст культурной традиции [6, с. 225]. Изучение маскулинной и фемининной коммуникации обусловили появление понятия «гендерлект» как существующего социального феномена в силу обладания мужчинами/ женщинами отличающимися наборами норм речевого взаимодействия, что позволяет утверждать наличие маскулинной и феминной речи. Большинство исследований о речевом поведении мужчин и женщин

основаны на семи отличительных признаках женского языка, предложенных Р. Лакофф, и «теории двух культур» Д.Ф. Таннен. В последние годы ученые подвергают сомнению константные признаки гендерлекта, поскольку в начале XXI в. в западной науке утверждается отрицание бинарной модели гендера и признается его множественность и текучесть. Лингвисты придерживаются вывода о том, что необходимо изучать речь женщин и мужчин в конкретном контексте.

Материалы и методы исследования

Художественным материалом данной статьи послужил исторический роман «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» американских писательниц М.-Э. Шаффер и Э. Бэрроуз, опубликованный в 2008 г. Роман получил заслуженное признание читателей. В 2018 г. вышла экранизация этого произведения с участием Л. Джеймс в роли Дж. Эштон. Книга написана в эпистолярном жанре, повествование изложено в виде писем-рассказов в переписке разных людей. Выбор эпистолярного жанра женщинами-авторами можно считать прекрасной находкой писательниц, т.к. письмо вызывает доверие в силу своей подлинности. Кроме того, эпистолярный – наиболее подходящий ракурс для раскрытия характеров героев, рассмотрения одного и того же события с различных точек зрения, моделирования автором в повествовании социокультурных ролей. Исторически роман охватывает годы Второй мировой войны, оккупацию и послевоенное время на нормандском острове Гернси вблизи Франции и представляет собой сборник рассказов жителей острова.

В своей работе «Части речи с когнитивной точки зрения» российский лингвист Е.С. Кубрякова выдвинула идею рассмотрения частей речи как когнитивных категорий. В частности, при определении когнитивного статуса глагола автор выделила следующие существенные признаки: хромотопность, моторность, реляционность, которые, по ее мнению, позволяют говорящему совмещать концепты времени и пространства, устанавливая связи между окружающими событиями, как процессами, отношениями, состояниями [7, с. 286]. Эту мысль развил лингвист М.В. Панов, подчеркивая, что язык активно преобразует мир, а глагол превращает мир в движение [8, с. 131].

Корпус эго-текстов в виде писем раскрывает авторское «Я», выступающее генерирующим центром переживаний и действий через воплощение социальной идентичности как результат отождествления себя с ожиданиями и нормами социальной среды. Таким образом, создается пресуппозиция для адекватного восприятия писем читателем.

На примере названного романа рассмотрим «примерку» гендерных ролей, основанных на представлениях о стереотипности мужского/ женского речевого поведения, речевую авторскую маску через призму глагольных манифестаций, моделирование образов своих героев в маске авторов как способ речевого высказывания, выражающего сложившиеся стереотипы маскулинной/ фемининной речи и речевой гендерной пермутации и конвергенции.

Дефиниция «речевая (языковая) маска» – распространенный термин в литературоведении. Проблемы речевой маски одним из первых коснулся В.В. Виноградов в работе «О теории художественной речи», в которой ученый отмечал право автора текста на композиционно-речевое перевоплощение (в героя, повествователя или рассказчиков, персонажей) и видоизменение действительности в рамках литературного маскарада, а также на смену стилистических приемов, коммуникативных стратегий – «образно-характеристических ликов» [4, с. 151]. Речевая маска, таким образом, трактуется как сознательное использование чужого речевого образа/ поведения в соответствии со стереотипным представлением о типичном исполнении гендерной роли.

Авторы-женщины прячутся за голосами персонажей в женских и мужских масках, обнаруживая диглоссию – навык владения коммуникативными подсистемами, в частности, гендерно-определенным стилем общения. В романе, в силу своеобразия выбранного жанра, отсутствует голос автора. В переписке участвует 21 персонаж мужского и женского полов, разных возрастов и социальных статусов. В канве романа присутствуют и герои, чьи имена только упоминаются, но при этом играют немаловажную роль в сюжете для гендерного анализа текста: Элизабет Маккена, Софи Стрейкен, Кит Маккена и Кристиан Хеллман. Они самостоятельно не вступают в переписку, но об их личностях можно судить по описаниям друзей, родственников и знакомых. Следовательно, в книге представлены 25 персонажей, из них

11 мужских и 14 женских. В романе женские персонажи доминируют не только по численности, но и по объему отведенного им нарратива.

Результаты исследования

Таблица 1.

Классификация основных парадигматико-семантических признаков глагола в романе «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» М.-Э. Шаффер и Э. Бэрроуз

Класс	Подкласс	Количество манифестаций									
		Гендерная маска автора									
		Juliet Ashton	Isola Pribby	Susan Scott	Amelia Maugery	Miss Adelaide Addison	Dawsey Adams	Sidney Stark	Markham Reynolds	Eben Ramsey	John Booker
Динамические глаголы	Глаголы движения	105	96	10	8	7	76	32	13	6	5
	Глаголы совершения действия, поступка или воздействия	117	35	4	18	4	56	29	15	4	2
	Глаголы созидания или придания нового качества	16	18	0	1	1	4	3	3	0	2
	Глаголы приобретения	21	26	1	2	4	12	8	5	1	1
	Глаголы мгновенного действия	9	5	0	5	2	12	3	1	2	1
	Глаголы речи	124	87	3	30	18	43	21	15	6	8
	Глаголы звучания	10	4	0	4	6	8	3	1	1	0
	Глаголы эмоциональной реакции	141	57	2	23	15	24	7	2	1	2
	Глаголы «самостийные», обозначающие произвольные процессы, исключающие волю или усилие субъекта	7	3	0	1	2	2	3	0	0	0
Безличные глаголы	7	4	0	3	0	2	1	0	0	0	
Статальные глаголы	Глаголы восприятия и осмысления	294	91	7	16	7	82	19	10	6	5
	Концептуально-дивергентные глаголы	2	4	0	2	2	1	2	1	0	0
	Глаголы ощущения и восприятия телом	112	57	1	1	2	34	5	1	0	0
Релятивные глаголы	Глаголы, передающие компаративные двусторонние отношения равенства/неравенства и т.д.	8	5	1	1	1	1	2	0	0	0
	Глаголы, выражающие отношение, включение	11	5	0	2	3	3	1	0	0	1
	Глаголы, передающие оценочные, эмоциональные отношения	52	39	2	3	2	14	8	5	3	2
Модальные, модусные, функторные глаголы	Модальные глаголы, выражающие долженствование, возможности, сомнения	31	25	1	3	4	13	1	1	0	1
	Модусные глаголы запрещения, препятствия	8	6	2	1	1	2	1	1	0	0
	Модусные глаголы интенции	34	25	2	3	5	17	8	4	1	1
	Глаголы, выражающие нереализованность действия или недостаточность	9	1	0	0	3	1	1	3	0	0
Всего:		2 671									

В ходе статистического анализа употреблений глагола и неличных форм глагола в пространстве романа было установлено почти 2 700 прецедентов, охватывающих разного рода семантические классы и подклассы глагола в речи 10 персонажей, которые являются активными участниками переписки. Классификация, представленная в таблице 1, учитывает маскарад идентичностей в ракурсе дуального воплощения «автор/ героиня» и «автор/ герой», репрезентированный основными парадигматико-семантическими признаками глагола в романе.

Обсуждение

Статистический анализ исследуемого материала позволил установить:

- мерцание идентичностей в ракурсе гендерной «примерки» «автор/ герой» и «автор/ героиня» проявляется в частотном употреблении динамических глаголов (422 манифестации в речи героев и 1044 – в речи героинь), при этом преобладают глаголы совершения действия, поступка или воздействия, глаголы речи и эмоциональной реакции. Представленные данные позволяют предположить, что названные подклассы глаголов отчетливо проявляют фемининную проекцию личности авторов в тексте;
- менее употребляемы в тексте романа статальные глаголы (164/ 590) в речи автора/ героя и автора/ героини. Особое место в названном классе занимают глаголы восприятия и осмысления, глаголы ощущения и восприятия телом. Выявленный факт названной преференции свидетельствует:
 - во-первых, об отображении писательницами гендерно-маркированных характеристик женского мироощущения и самоосознания с преобладанием чувственности героини, особенностей ее поведения посредством авторской маски, эксплицитно реализуя женскую когнитивную субсферу;
 - во-вторых, об убедительном изображении героев, их психики и поведения с точки зрения женского восприятия.

Рассмотрим репрезентацию авторской гендерной маскировки через глагольное воплощение в пространстве романа в таблице 2.

Таблица 2.

Репрезентация авторской гендерной маскировки через глагольную семантику в романе «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» М.-Э. Шаффер и Э. Бэрроуз

Дуальное воплощение - автор/героиня и автор/герой	Примеры
Джулиет Эштон	<p>From Juliet Ashton to Sidney Stark: As we <u>were walking</u> along the road yesterday, I <u>noticed</u> that it <u>cut</u> very close to the cliffs and there <u>was</u> a trail <u>leading down</u> to the beach below. “Is this where you <u>met</u> Christian Hellman?” I <u>asked</u>. Dawsey <u>looked startled</u> and <u>said</u> yes, this <u>was</u> the spot. “What <u>did</u> he <u>look like</u>?” I <u>asked</u>, for I <u>wanted to picture</u> the scene. I <u>expected</u> it <u>was</u> a futile request, <u>given</u> that men <u>cannot describe</u> each other, but Dawsey <u>knew</u> how. “He <u>looked</u> like the German you <u>imagine</u>—tall, blond hair, blue eyes—except he <u>could feel</u> pain” [11, p. 146].</p>
Сьюзен Скотт	<p>From Susan Scott to Sidney Stark: I <u>sat up</u>, my mouth <u>gaping open</u>. I just <u>looked</u> on helplessly as Juliet <u>attempted to be civil</u>: “I <u>didn’t jilt</u> him at the altar—it <u>was</u> the day before. And he <u>wasn’t humiliated</u>—he <u>was relieved</u>. I simply <u>told</u> him that I <u>didn’t want to be married</u> after all. <u>Believe</u> me, Mr. Gilbert, he <u>left</u> a happy man—<u>delighted to be rid</u> of me. He <u>didn’t slink back</u> to his ship, alone and <u>betrayed</u>—he <u>went straight</u> to the CCB Club and <u>danced</u> all night with Belinda Twining” [11, p. 17].</p>
Исола Прибби	<p>From Isola Pribby to Juliet Ashton: Now that we <u>are corresponding</u> friends, I <u>want to ask</u> you some questions—they <u>are</u> highly personal. Dawsey <u>said</u> it <u>would not be</u> polite, but I <u>say</u> that’s a difference twixt men and women, not polite and rude. Dawsey’s never <u>asked</u> me a personal question in fifteen years. I’d <u>take</u> it kindly if he <u>would</u>, but Dawsey’s <u>got</u> quiet ways. I <u>don’t expect to change</u> him, nor myself either [11, p. 102].</p>
Аделаида Эддисон	<p>From Adelaide Addison to Juliet Ashton: The Society members <u>have colluded</u> amongst themselves <u>to raise</u> the bastard child of Elizabeth McKenna and her German Paramour, Doctor/Captain Christian Hellman. Yes, a German soldier! I <u>don’t wonder</u> at your shock. . . Herewith, the sorry facts: in April of 1942, the <u>UNWED</u> Elizabeth McKenna <u>gave birth</u> to a baby girl—in her own cottage. Eben Ramsey and Isola Pribby <u>were</u> present at the birthing—he <u>to hold</u> the mother’s hand and she <u>to keep</u> the fire <u>going</u>. Amelia Maugery and Dawsey Adams (An <u>unmarried</u> man! For shame!) <u>did</u> the actual work of <u>delivering</u> the child, before Dr. Martin <u>could arrive</u>. The putative father? Absent! In fact, he <u>had left</u> the Island a short time before. “<u>Ordered</u> to duty on the continent”—SO THEY SAID. The case <u>is</u> perfectly clear—when the evidence of their illicit connection <u>was</u> irrefutable, Captain Hellman <u>abandoned</u> his mistress and <u>left</u> her to her just deserts. I <u>could have foretold</u> this scandalous outcome. I <u>saw</u> Elizabeth with her lover on several occasions—<u>walking</u> together, deep in talk, <u>gathering</u> nettles for soup, or <u>collecting</u> firewood. And once, <u>facing</u> each other, I <u>saw</u> him <u>put</u> his hand on her face and <u>follow</u> her cheek-bone down with his thumb. Though I <u>had</u> little hope of success, I <u>knew</u> it <u>was</u> my duty <u>to warn</u> her of the fate that <u>awaited</u> her [11, p. 72-73].</p>

Доуси Адамс	<p>From Dawsey Adams to Juliet Ashton: 1. There <u>were</u> few eligible men <u>left</u> in Guernsey and certainly no one exciting. Many of us <u>were</u> <u>tired</u>, scruffy, worried, ragged, shoeless, and dirty—we <u>were</u> <u>defeated</u> and <u>looked</u> it. We <u>didn't have</u> the energy, time, or money <u>left</u> over for fun. Guernsey men <u>had</u> no glamour—and the German soldiers <u>did</u>. They <u>were</u>, according to a friend of mine, tall, blond, handsome, and tanned—like gods. They <u>gave</u> lavish parties, <u>were</u> jolly and zestful company, <u>possessed</u> cars, <u>had</u> money, and <u>could</u> <u>dance</u> all night long [11, p. 83].</p>
Сидни Старк	<p>From Sidney Stark to Juliet Ashton: Now, about Markham V. Reynolds, Junior. I <u>do know</u> who he <u>is</u>, and the Domesday Book <u>won't help</u>— he's an American. He <u>is</u> the son and heir of Markham V. Reynolds, Senior, who <u>used to have</u> a monopoly on paper mills in the States and now just <u>owns</u> most of them. Reynolds, Junior, <u>being</u> of an artistic turn of mind, <u>does not dirty</u> his hands in <u>making</u> paper—he <u>prints</u> on it instead. He's a publisher. The New York Journal, the Word, View—those <u>are</u> all his, and there <u>are</u> several smaller magazines as well. I <u>knew</u> he <u>was</u> in London. Officially, he's here <u>to open</u> the London office of View, but rumor <u>has</u> it that he's <u>decided to begin publishing</u> books, and he's here <u>to beguile</u> England's finest authors with visions of plenty and prosperity in America. I <u>didn't know</u> his technique <u>included</u> roses and camellias, but I'm <u>not surprised</u>. [11, p. 19-20]</p>
Марк Рейнолдс	<p>From Markham Reynolds to Juliet Ashton: God <u>knows</u>, my intentions <u>are</u> pure, or at least, non-mercenary. The simple truth of it <u>is</u> that you're the only female writer who <u>makes</u> me <u>laugh</u>. Your Izzy Bickerstaff columns <u>were</u> the wittiest work <u>to come out</u> of the war, and I <u>want to meet</u> the woman who <u>wrote</u> them. If I <u>swear</u> that I <u>won't kidnap</u> you, <u>will</u> you <u>do</u> me the honor of <u>dining</u> with me next week? You <u>pick</u> the evening—I'm <u>entirely</u> at your disposal [11, p. 31].</p>
Джон Букер	<p>From John Booker to Juliet Ashton: I <u>will tell</u> you how I <u>came to pretend to be</u> my former employer. Lord Tobias <u>wanted to sit out</u> the war in a safe place, so he <u>purchased</u> La Fort manor on Guernsey. He <u>had spent</u> World War I in the Caribbean but <u>had suffered</u> greatly from prickly heat there. In the spring of 1940, he <u>moved to</u> La Fort with most of his possessions, including Lady Tobias. Chausey, his London butler, <u>had locked</u> himself in the pantry and <u>refused to come</u>. So I, his valet, <u>came</u> in Chausey's stead, <u>to supervise</u> the placing of his furniture, the hanging of his draperies, the polishing of his silver, and the stocking of his wine cellar. It <u>was</u> there I <u>bedded</u> each bottle, gentle as a baby to its crib, in its little rack. Just as the last picture <u>was being hung</u> on the wall, the German planes <u>flew over</u> and <u>bombed</u> St. Peter Port. Lord Tobias, <u>panicking</u> at all the racket, <u>called</u> the captain of his yacht and <u>ordered</u> him to “<u>Redd up</u> the ship!” We <u>were to load</u> the boat with his silver, his paintings, his bibelots, and, if enough room, Lady Tobias, and <u>set sail</u> at once for England [11, p. 79].</p>

Заключение

Опираясь на приведенные иллюстративные контексты, подведем итоги:

- автор произведения, следуя закономерностям эпистолярия как субжанра автодокументальной литературы, использует

повествовательную стратегию конструирования системы авторских масок не только для определения своей позиции по отношению к изображаемой жизни, но и, по мысли М.М. Бахтина, создает «образ для другого», оформляет себя «не изнутри, а извне», т.е. играет роль-маску [2, с. 171]. На материале писем как средстве самоописания автор текста репрезентует самого себя не только как человека мыслящего, чувствующего, но и как существа определенного пола (гендерной идентичности), осознающего стереотипность социокультурных определений женственности/ мужественности. При этом автор, документируя себя как свою идентичность, одновременно (ре/ пере/ де)конструирует ее в процессе письма и моделирует перформативную природу динамической автохарактеристики.

- исследуемый текст является ярким примером гендерного ролевого веера в сознании авторов-женщин, подтверждая гипотезу о том, что различные авторские речевые маски позволяют трансформировать себя и реализовать способность повествователя добиваться идентичности разных видов и по-разному идентифицировать свой ближний и дальний контекст. Кроме того, в изучаемом тексте имеет место прием гендерной имитации, подразумевающей подражание мужскому стереотипу речевого поведения рассказчицей/ женщиной как субъектом речи в художественно-изобразительных целях. В тексте романа женский субтекст как базовый и мужской субтекст как имитируемый заключают в себе гендерные стереотипы, отражающие состояние социума в тот момент времени.

Ориентация лингвистических исследований на проблемы конструирования гендерной идентичности, определения механизмов гендерной самопрезентации и стратегий маскировки гендерной идентичности демонстрирует, что выявление закономерностей речевой деятельности индивида может быть достойным объектом лингвистического анализа.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: РОУ, 1995. 140 с.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-1960 гг. М.: Русские словари, 1996. 731 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х тт. Т. 1. М.: Искусство; М.: ИЧП «Лига», 1994. С. 180-182.
4. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 2005. 287 с.
5. Воронина О. А. Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под общ. редакцией д-ра эконом. наук М. М. Малышевой. М.: Academia, 2002. 520 с.
6. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
7. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: РАН. Институт языкознания, 1997. 330 с.
8. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Языки русской культуры, 1999. 275 с.
9. Пятницкая О.А., Юров А.К. Сопоставительный анализ понятий гендерной и половой идентичности в зарубежной и отечественной психологии // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2009. № 2. С. 347-350.
10. Jespersen O. Language, its nature development origin. George Allen & Unwin Ltd. L., 1922, 456 p.
11. Shaffer M.A., Barrows A. The Guernsey literary and potato peel pie society. Bloomsbury, 2009, 256 p.

References

1. Bakhtin M.M. *Chelovek v mire slova* [Man in the word world]. Moscow: ROU Publ., 1995, 140 p.
2. Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy* [Selected works]. Vol. 5: Moscow: Russkiye slovari Publ., 1996, 731 p.
3. Berdyayev N.A. *Smysl tvorchestva* [The meaning of creativity]. *Filosophiya tvorchestva. kultury i iskusstva* [Philosophy of Creativity, Culture

- and Art], 1994, vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ.; Moscow: IChP “Liga” Publ., 1994, pp. 180-182.
4. Vinogradov V.V. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2005, 287 p.
 5. Voronina O. A. *Formirovaniye gendernogo podkhoda v sotsialnykh naukakh* [Formation of a gender approach in social sciences]// *Gendernyy kaleydoskop. Kurs lektsiy. Pod obshch. redaktsiyey d-ra ekonom. nauk M. M. Malyshevoy* [Gender kaleidoscope. Course of lectures. Under general supervision of doctor of economics M.M. Malysheva]. Moscow: Academia Publ., 2002. 520 p.
 6. Ilin I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada Publ., 1996, 256 p.
 7. Kubryakova E.S. *Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Parts of speech from a cognitive point of view]. Moscow: RAN. Institut yazykoznaneya, 1997, 330 p.
 8. Panov M.V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. Moscow: Nauka. Yazyki russkoy kultury Publ., 1999, 275 p.
 9. Pyatnitskaya O.A. Yurov A.K. *Sopostavitelnyy analiz ponyatiy gendernoy i polovoy identichnosti v zarubezhnoy i otechestvennoy psikhologii* [Comparative analysis of the concepts of gender and gender identity in foreign and domestic psychology]. *Vestnik TGPI* [TSPI Bulletin], 2009, № 2, pp. 347-350.
 10. Jespersen O. *Language, its nature development origin*. George Allen & Unwin Ltd. L., 1922, 456 p.
 11. Shaffer M.A., Barrows A. *The Guernsey literary and potato peel pie society*. Bloomsbury, 2009, 256 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Винник Евгения Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, институт филологии журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет

*пер. Университетский, 93, г. Ростов-на-Дону, Ростовская
область, 344006, Российская Федерация
vinnikevgesh@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya I. Vinnik, Ph. D. in Philology, Associate Professor of English philology department, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
*Southern Federal University
93, Universitetsky Alley, Rostov-on-Don, Rostov region, 344006,
Russian Federation
vinnikevgesh@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9538-6780>*

Поступила 19.01.2023

После рецензирования 10.02.2023

Принята 17.02.2023

Received 19.01.2023

Revised 10.02.2023

Accepted 17.02.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-156-170

UDC 81.42

STYLISTIC AND GRAMMATICAL POTENTIAL OF ENGLISH TOURISM DISCOURSE

A.B. Evseev

Purpose. *The paper aims at discovering stylistic and grammatical peculiarities in tourism discourse based on VisitBritain.com text corpus; analyzing its application scope and mission; specifying “tourism discourse” as a notion.*

Methodology. *Used in the paper are general scientific methods (synthesis, generalization), analysis of the text corpus, method of linguistic analysis.*

Results. *The issue of tourism discourse as a separate unit, not a sub-type of advertising discourse, remains highly disputable nowadays. The present paper analyses the theoretical basis of notions of “discourse” and “tourism discourse”; determines the levels and communication means in tourism; substantiates the hypothesis on multi-component and multi-modal structure of tourism discourse as a linguistic phenomenon. In the practical part of the research, the author draws special attention to the specifics of the English tourism discourse in terms of typology, lexicology and morphology. The paper concludes by saying that tourism discourse is different from advertising one as well as requires further investigation into the issue.*

Practical implications. *The results presented in the article can be used both in theory and applications, i.e., further inquiry into the pragmatic constituent of tourism discourse and its interdisciplinarity; compilation of corpora of tourist texts in the English language; adaptation of the English tourism discourse for present-day realities and addressees' demands.*

Keywords: *English language; discourse; tourist discourse; communication; tropes; linguistic analysis*

For citation. *Evseev A.B. Stylistic and Grammatical Potential of English Tourism Discourse. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 156-170. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-156-170*

СТИЛИСТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТУРИСТСКОГО ДИСКУРСА

А.Б. Евсеев

Цель данной статьи – выявить характерные стилистические и грамматические особенности англоязычного туристского дискурса на примере корпуса текстов *VisitBritain.com*; проанализировать область их применения и предназначения в указанном жанре; уточнить понятие «туристский дискурс».

Метод или методология проведения работы. В исследовании использовались общенаучные методы (синтез, обобщение), анализ содержания текстового массива, метод филологического анализа.

Результаты. Сегодня вопрос существования туристского дискурса как обособленной единицы, а не подвида рекламного дискурса, остаётся открытым. В данной статье рассмотрена теоретическая основа понятий «дискурс» и «туристский дискурс», определены уровни и средства коммуникации в туризме; подтверждена гипотеза о поликомпонентности и полимодальности туристского дискурса как лингвистического феномена. В практической части исследования автор уделяет особое внимание специфике англоязычного туристского дискурса с точки зрения типологии, лексикологии и морфологии. В заключение статьи делается вывод об отличии туристского дискурса от рекламного, а также создаются предпосылки для дальнейшей работы над этим вопросом.

Область применения результатов. Полученные результаты исследования могут применяться как в теоретической, так и в практической плоскости, а именно при дальнейшем исследовании прагматической составляющей туристского дискурса и его меж-

дисциплинарности; при составлении англоязычных корпусов текстов туристской тематики; для адаптации туристского дискурса на английском языке к реалиям сегодняшнего дня и потребностям адресатов.

Ключевые слова: *английский язык; дискурс; туристский дискурс; коммуникация; тропы; филологический анализ*

Для цитирования. *Евсеев А.Б. Стилистико-грамматический потенциал англоязычного туристского дискурса // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 156-170. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-156-170*

Introduction

The tourist sector has been instantly developing across the globe. Despite the downturn due to the COVID-19 pandemic in 2019-2021, there is current gradual recovery in demand around the globe. Tourism packages are being updated and expanded, new routes are being developed, new countries, continents and even space (space tourism) are being involved, too. They are constantly increasing the level of tourist services rendered.

Tourism is impossible without cross-cultural communication. The communication process begins with a source of information (individuals, organizations or companies) in the form of messages. The source determines the type of information transmitted to the target market (recipient). For instance, an airline may prepare different messages for different target markets. Business people are given information about morning flights to the capitals of different countries, while the leisure market is interested in information about relatively cheap resorts offered by the same airline. Communication can take place both orally and in writing. It plays a critical role, from chats with travel agents to reviews placed on service aggregator sites (for example, tripadvisor.com).

Materials and methodology

G.A. Papiryan distinguishes three levels of communication in tourism:

- cognitive, when customers choose the product and perceive its benefits;

- efficient. Customers are to reply to the message passed over to them, believe in it and show their liking with it;
- behavioral, when the message urges customers to habitual actions, i.e., they should get motivated to purchase the product [7].

Communication is an active interaction between humans which implies information exchange via common conventional signs. We communicate our thoughts, ideas, and plans to other people through both, verbal and non-verbal communication. Verbal symbols are discrete. Moreover, they are often accompanied by paralinguistic components of speech, i.e. stress, intonation. Non-verbal symbols are visually perceived movements of the other person. Their function in communication is expressive and regulatory. These are facial expressions, pantomime, distancing, intonation, gestures, postures, etc. They are means of kinesics and proxemics, which tend to play an important part in discourse as a linguistic phenomenon.

The aforementioned components of interaction of individuals generate a multi-component and multi-modal linguistic phenomenon, i.e., “tourism discourse”. This is a special type of communicative activity, which includes a corpus of various texts that operate in the tourism sector. Its key goal is to increase an interest in tourism as a form of leisure activity. In the modern world, there is a hike in the interdependence of culture and tourism. Governments are putting money in culture support to develop tourism which, to its turn, gives impetus to culture. To achieve the maximum possible attraction of a potential consumer, on the one hand, the importance of texts advertising a tourist product is increasing along with their content requirements. On the other hand, the examination of functioning of tourism discourse presents a scientific interest for the scholars aimed at studying the features of the functioning of tourism discourse, the need for a comprehensive description of the language implementation of communicative strategies in tourism discourse. The latter differs from the advertising and mass information subtypes of institutional discourse [8].

As a linguistic concept, “discourse” was first introduced into science in 1952 by the American scholar Zellig Harris. He unveiled his percep-

tion of the utterance “discourse analysis”. Harris presented the concept of “discourse” as “a complex sentence consisting of several phrases” [11]. However, the formation of discursive analysis as a special trend in linguistics dates back to the 1970s. At that time, important works by representatives of the European school of text linguistics (Teun A. van Dijk, W. Dressler, J. Petofi, etc.) and the fundamental works of American linguists were published, linking discursive studies with more traditional linguistic topics (W. Labov, J.E. Grimes, Robert E. Longacre, T. Givon, Wallace Chafe). We adhere to the definition given by A.A. Kibrik: “The concept of “discourse” is understood as the unity of two entities - the process of linguistic communication and the resulting object, i.e., text. Thanks to its dual unity, discourse can be studied both as a process unfolding in time and as a structural object” [5; 6].

The Russian scholar T.V. Anikina, based on the studies of L.R. Sakaeva and L.V. Bazarova, identifies the following specifics of tourism discourse: media, interculturality and the predominance of conversational style. Owing to the first trait, tourism discourse interacts with other types (interviews, reports, reviews, etc.). It results in the use of strategies and values in tourism discourse that belong to the above types of discourse. The second feature reflects the ideas and images already shaped in the national character of different peoples. The third characteristic of tourism discourse as a phenomenon is associated with the need to establish a more trusting atmosphere between communicants, i.e., addressers and addressees of tourism discourse [2]. Hence, tourism discourse is a corpus of texts presented as a result of speech activity acts which occurred among the addresser and the addressee. The texts are used in the tourist sector (tours, travelogues, guidebooks, brochures, posters, fliers, reminders, tips etc.), which results in mutual benefit in the form of a tour product purchased.

Results and discussion

Let us now turn to VisitBritain (<http://www.visitbritain.com>), the official web resource of British tourism managed by the British Tourist Authority, the tourist board of Great Britain incorporated under the De-

velopment of Tourism Act 1969. The website served the practical base of our study. Created in April 2003, VisitBritain is used to promote the UK to the rest of the world as a tourist venue. Within the framework of the current research, we undertook a random sampling of texts incorporated into the website and analyzed their stylistic and grammatical peculiarities.

One of the most frequent stylistic tools utilized by VisitBritain is the use of epithets, an adjective or phrase expressing a quality or attribute regarded as characteristic of the person or thing mentioned, in addition to emotionally coloured words and word expressions. Thus, they have positive connotation and make the description of tourist products presented more vivid, fascinating and attractive.

*“Expect **inventive** new experiences and **captivating** stories, brought together with a dose of British flair.”*

*“Providing you with **inspirational** activities and experiences...”*

*“An **unmissable** destination for travellers, London is..”*

*“From the **unique vintage** markets of Portobello Road or Camden to the **huge** highstreet shops of Oxford Street, Regent Street and Westfield.”*

*“Hike up its **iconic** landmarks...”*

*“From palaces to **cobbled** alleyways, **handsome** Georgian spots to Edinburgh’s castle set on its own **dormant** volcano,..”*

*“Whether it’s **beautiful** shopping arcades, boutique outlets or botanical gardens, Scotland’s capital has something for everyone.”*

*“**Quirky** and **cute**, Brighton may seem like a typical British seaside resort, ...and you’ll discover **vintage** shopping, **diverse** cuisine,..”*

*“Britain’s second largest city, Birmingham is an industrial hub with a **vibrant, creative** heart.”*

*“Whether you’re craving a **sumptuous** break in a former royal castle,..”*

*“With their **one-of-a-kind** sports, Highland Games...” (phrase epithet)*

*“**Jaw-dropping** landscapes of Scottish Islands” (journalism) [12].*

The instances of the use of the superlative degree of adjectives which describes something as being of the highest degree or extreme are frequent on VisitBritain. In tourism discourse it is used to underline the uniqueness of the tourist product or service rendered. Therefore, its purchase will make the addressee even happier.

“...and sip a cocktail in **the tallest** building, *The Shard* or take in the view from one of its many rooftop bars.”

“To drive this 516-mile (830km) route is to discover Scotland at its **most ruggedly beautiful**...”

“You’ll receive **the warmest** of welcomes from Aberdeen to Edinburgh and Glasgow...”

“Arthur’s Seat, the park’s **highest** point...”

“Welcome to Ben Nevis, **the highest** mountain in Scotland.”

“Have a look at **the most stunning** views of Cornwall...”

“Explore Seven Victorian and Edwardian arcades tucked among **the biggest** brand names of Cardiff’s high street.”

“Wimbledon is England’s **oldest and most-loved** tennis championship”.

As for emotionally coloured words and word expressions which create positive attitude in the addressee of tourism discourse and make him book tourist packages, we have singled out the following:

“Experience ... as the **world’s best** perform in the West End’s latest venue.”

“For a **truly memorable** experience, head to one of Scotland’s unique music festivals.”

“Another unique event is the Hebridean Celtic Festival, which takes place on the island of Lewis, in the Outer Hebrides, in July and is one of Scotland’s **flagship** festivals.”

“...a landscape that will **ignite** your **inner adventurer**.”

“Pembrokeshire is **paradise** for hikers, swimmers, thrill-seekers and birdwatchers...”

There is an abundance of toponyms (place names) used across VisitBritain. They add to the stylistic colouring of the information offered to the addressee of tourism discourse, hence, shaping the image of tourist destinations he/she is possibly going to visit, being a sort of an emotional trigger: *the British Isles, England, Scotland, Wales, London, Edinburgh, Cardiff, Aberdeen, Glasgow, Cornwall, the Isle of Skye, Cairngorms National Park, The Trossachs National Park, Kew Gardens, Benmore Botanic Garden, Loch Ness, Loch Lomond, Glenfinnan Viaduct, Fort William, Culzean Castle.*

The use of personal names is captivating as well since the addressee of a tourist product may have heard about those prominent people and their deeds from history, books, television, sports, films etc. The addresser of tourism discourse makes, herewith, the tourist product more attractive for the addressee:

*“Luckily, it delivers - with anything from **His Majesty’s, King Charles III**, favourite holiday spots to masses of royal homes,..”*

*“Every January Scotland celebrates the birthday of **Robert Burns** - the national poet of Scotland – traditionally marked with food, drams, dancing and verse.”*

*“Visit **Sherlock Holmes** Museum at 221B Baker Street, London...”*

*“**Dydd Santes Dwynwen** is the day marked in honour of Wales’ patron saint of lovers, the Welsh version of St Valentine’s Day.”*

*“Britain is bursting with spell-binding spots from **Harry Potter** films that makes it magical for **Potterheads** everywhere.”*

Dialecticisms found on VisitBritain carry the function of “revelation”, pushing the addressee of tourism discourse forward to a higher esthetic level morally, intellectually, spiritually. Thus, it makes the text more intriguing and forces the reader to find out more:

*“Scotland’s stunning landscapes, **lochs**, islands ...” (‘a loch’ (Scot.) means ‘a lake’)*

*“Where even bashed **neeps** and mashed **tatties** make up the national dish, **haggis**, and the amber nectar of whiskey is poured in abundance all across the nation.” (‘a neep’ is a dialect name of ‘a turnip’, ‘a tattie’ is a Scot word for ‘a potato’, ‘haggis’ is a Scottish dish consisting of a sheep’s or calf’s offal mixed with suet, oatmeal, and seasoning and boiled in a bag, traditionally one made from the animal’s stomach)*

*“Hosted by the Ashton Conker Club, the competition has taken place since 1965 and involves players using a **conker** threaded on a piece of string to break their opponent’s.” (‘a conker’ is Scottish for a snail shell, with which the game, or a similar form of it, is originally played)*

*“It’s the largest annual winter music festival of its kind ... and usually featuring concerts, **ceilidhs**, talks, art exhibitions, and workshops.” (‘a ceilidh’ is a Scottish or Irish informal entertainment at which there is folk music, singing, and dancing)*

A metaphor, as a trope, involves the use of words or word-combinations in transferred meanings by way of similarity. It adds to the expressiveness of tourism discourse, creating lasting, indelible impression on the addressee of the tourist product.

“Visit **the heart of England**...”

“*Chelsea Flower Show* **has captured the hearts of lovers of horticultural displays.**”

“*Silverstone*, **the jewel in the crown** of British Motorsports, ...”

“*Tour the once thriving bathhouses, and uncover the history* of Britain’s thermal and healing waters.”

“*Every January and February, Glasgow comes alive* to the sound of Celtic music.”

“*Clear the diary, switch off your phone and reset your mind and body*...”

“*Britain has been blooming* with flower festivals and shows since the 19th century...”

“*The thousands of miles of waterways in Britain have plenty of stories to tell*...”

“*Organised by The Architecture Centre, the weekend offers a mix of drop-in and must-book events that get under the skin* of the city.”

“*This nine-day festival is packed with all things Austen.*” (as regards an annual Jane Austin’s Festival)

“*Dress up as favourite characters at The Story Museum, take a walk through the story’s history*...” (regarding Alice’s Day marked at Oxford, England)

A metonymy gives the addresser the ability to make single words or phrases more powerful, having the effect of creating concrete and vivid images in place of generalities. It points out the specific quality of an object promoted.

“*Explore an exotic Eden* in Britain’s capital.” (with regard to London’s top Royal venues).

Idioms or idiomatic constructions found in the corpus of texts are a group of words established by usage as having a meaning not deducible from those of the individual words. Their figurativeness adds to vividness of tourism discourse and gives the addresser a new, creative, even

innovative way to express thoughts, thus shaping a positive image of the tourist product marketed.

*“Whether you’re an avid ghoulish hunter or an ardent sceptic, ... infamous hotels will certainly **send a shiver down your spine**...”*

*“There are food and drink stalls, crafts, live music... so it’s a great day out even if you don’t fancy **taking the plunge**.” (‘to take the plunge’ means ‘to make a decision to do something, especially after thinking about it for a long time’)*

*“The British Science Festival **shines a light** on Britain’s top scientists.” (‘to shine a light’ implies ‘make familiar with’)*

*“**Break the Internet** with amazing photos...” (‘to break the Internet’ means ‘to post something on the internet that causes a very large amount of interest’)*

*“If you have the time, another way **to bag** some **bargains** is by visiting the theatre box offices directly.” (‘to bag a bargain’ implies ‘get smth. for yourself before anyone else can get it’)*

Being an integral part of communication process, tourism discourse usually thrives on newly coined words and expressions, i.e., neologisms. VisitBritain is no exception:

*“Discover Britain, channel your **inner zen** and explore the best of relaxation and wellbeing across the nation.”*

*“The Illuminations are usually bookended by a fantastic **celebrity-packed** Switch-on Festival Weekend...”*

*“...and **hands-on** workshops in some of the city’s iconic historic buildings.”*

*“...the weekend offers a mix of **drop-in** and **must-book** events...”*

*“It is a **once-a-year chance** to discover architectural treasures...”*

*“**Bestival** consists of four **family-friendly** days of live music...”*

*“...the festival takes place over ten **groove-packed** summer days.*

*“...**neo-druids, neo-pagans**...”*

*“There is no other **closed-road** event quite like it...”*

*“...one of the greatest of all **jump-racing** events.”*

*“...**big-name** attractions like the London Eye and SEA LIFE London Aquarium...”*

“...*storybook-like cottages...*”

“...*expect everything from folk festivals to adrenaline-fuelled off-roading.*”

Let us now switch over to grammatical potential of tourism discourse. Yet another stylistic device commonly utilized by VisitBritain is the imperative mood. The addresser of tourism discourse uses the verbs in the imperative mood with the only intention, i.e., to stimulate the addressee to take steps to buy the tourist product. Such instances were discovered to prove the aforementioned statement:

“*Witness world-class football in Liverpool and Manchester, iconic skylines in London and **step into** a world of art and creativity across Britain’s immersive exhibitions and galleries.*”

“*So **pack** your bag, grab your ticket and **prepare** to hear some tunes...*”

“*Wander the South West Coast Path to discover picturesque coves, golden beaches and quaint harbours, **explore** the world’s largest greenhouse at the Eden Project, **venture** to the tidal island of Saint Michael’s Mount at low tide or **tuck into** a delectable Cornish pasty.*”

“*Take in the subtropical paradise of Trebah Garden or **go back** in time at Henry VIII’s coastal fort, Pendennis Castle.*”

“*Consider joining a guided tour: when it comes to spotting and identifying your finds, an expert eye is invaluable.*”

“*Look out for wild red squirrels too!*”

Phrasal verbs make tourism discourse more informal:

“*Tuck into Scotland’s seafood...*”

“*Head to North London’s Alexandra Palace to see the world’s best players **battling it out.***” (with regard to World Darts Championship)

“*Its dead inmates **have stuck around**, moving the furniture, playing pranks and whispering to guests.*”

“*As one of the sailing calendar’s biggest events, Cowes Week **brings together** the world’s biggest sailing stars...*”

“*Soak up the special atmosphere of packed auditoriums...*”

“*If you’re planning on **ticking off** lots of iconic heritage sites and attractions...*”

VisitBritain uses interrogative sentences which sometimes resemble rhetorical ones with an implicit hint given afterwards. It is usually linked with an event or service proposed and has a certain impact on the addressee of tourism discourse.

“Are you brave enough to hunt for Nessie in Loch Ness, or bring history to life at medieval castles?”

“Where else can you parade like a Viking, chase cheeses down-hill, or race in boats made from Yorkshire puddings?”

“The 2023 show sees the return of the Golden Shears World Championship, who will reign supreme as the chief sheep shearer and wool handler?”

“Wondering what type of accommodation options are on offer?”

The use of present tenses on VisitBritain gives an addressee a deceptive belief that the described events are real and ongoing. The addresser of tourism discourse creates an imaginary, illusory world of relaxation and carefree existence while travelling across the UK. The following cases are furnished as a proof:

*“Whether **you’re craving** a sumptuous break in a former royal castle... – adventure **is calling!**”*

*“...the Peak District **offers** adventures galore.”*

*“Northern Ireland **has** everything ... that will leave you in awe.”*
(‘will leave’ is an instance of Future Simple. It is used to show how prospective customers will benefit from paying a visit to Northern Ireland)

*“...Belfast **is** a vibrant cultural hub on northern Ireland’s eastern coast.”*

*“Northern Ireland’s capital **lies** in the east of the ...”*

*“Sheffield **is** the perfect gateway for ease of access ...”*

*“...a landscape that **has inspired** great novels and fine artworks...”*

*“...music **is** at the very heart of Scotland.”*

Instances of Passive Voice prove a lack of direct links between the addresser and the addressee of tourism discourse, therefore shifting the narration to the tourist product itself. It intensifies the virtues of the marketed tourist package for the prospective customer.

*“Alternatively, restaurant chains like Nandos, Pizza Express and Wagamama **are known** for being budget friendly and many have rewards schemes...”*

*“Heritage passes **are offered** by organisations like the National Trust, English Heritage and Historic Scotland.”*

*“From deluxe city-centre properties to storybook-style cottages, B&B **are scattered** all over Britain.”*

*“Established as a national park in 1951, the Peak District **is made up of** two distinct terrains.”*

Conclusion

As seen from the above, tourism discourse has a multi-component and multi-modal structure. It is quite diverse in terms of communication means, tropes, choice of vocabulary, styles. Stylistically and grammatically, the use of varied toponyms and personal names, both real and fictitious, is linked with the history of the tourist destination, nonce words (occasionalisms), as well as compound sentences mainly distinguish tourism discourse from advertising discourse. Hence, tourism discourse may come as an individual type of a discourse. However, owing to lack of research in the field, further inquiry, especially in conversational implications, is required.

References

1. Avagyan A.A., Korolev A.V. Osobennosti tekstov turisticeskogo diskursa [Peculiarities of texts of tourism discourse]. *Servis Plus* [Service Plus], 2020, vol. 14, no. 1, pp. 3-10. DOI: 10.24411/2413-693X-2020-10101.
2. Anikina T.V. Lingvisticheskie osobennosti angloyazychnogo turisticeskogo diskursa [Linguistic features of English tourism discourse]. *Nizhnevarтовский филологический вестник* [Nizhnevartovsk Linguistic Bulletin], 2019, no. 2, pp. 19-29.
3. Gorbunov A.G. *Diskurs kak novaya lingvofilosofskaya paradigma* [Discourse as a new linguistic and philosophy paradigm] Izhevsk: «Udmurtskiy universitet» Publ., 2013, 56 p.
4. Dijk T.A. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Moscow: «Lenand» Publ., 2015, 310 p.
5. Kibrik A.A. Modus, zhanry i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genres and other classifications of discourses]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics Problems], 2009, no. 2, pp. 3-21.

6. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. Problema segmentatsii ustnogo diskursa i kognitivnaya sistema govoryashchego [Problems of oral discourse segmentation and cognitive system of speaker]. *Kognitivnye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 1.* [Cognitive Research. Collection of Scientific Papers. Issue 1], 2006, Moscow: «Institut psikhologii RAN», pp. 138-158.
7. Papiryayn G.A. *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: marketing v turizme.* [International economic relations: marketing in tourism] Moscow: «Finansy i statistika» Publ., 2004, 160 p.
8. Seregina M.A. Turisticheskiy diskurs: lingvosemioticheskie osobennosti funktsionirovaniya paremiy [Tourism discourse: linguistic and semiotic features of proverbs]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya.* [Linguistics: Scientific Research], 2021, no. 3, pp. 59-66. DOI:10.7256/2454-0749.2021.3.33475
9. Filatova N.V. Turisticheskiy diskurs v ryadu smezhnykh diskursov: gibrizatsiya ili polifoniya? [Tourism discourse in a row of similar discourses: hybridization or polyphony?]. *Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika».* [Moscow State University Bulletin. Series “Linguistics”], 2012, no. 3, pp. 41-46.
10. Dijk T.A. van. *Studies in Pragmatics of Discourse.* The Hague: Mouton Publ., 1981, 154 p.
11. Harris Z.S. Discourse Analysis. *Language*, 1952, no. 28(1), pp. 1-30. <https://doi.org/10.2307/409987>
12. VisitBritain. URL: <https://www.visitbritain.com/> (accessed January 15, 2023).

Список литературы

1. Авагян А.А., Королев А.В. Особенности текстов туристического дискурса // Сервис Plus. 2020. Т. 14. № 1. С. 3-10. DOI: 10.24411/2413-693X-2020-10101.
2. Аникина Т.В. Лингвистические особенности англоязычного туристического дискурса // Нижневартковский филологический вестник. 2019. № 2. С. 19-29.
3. Горбунов А.Г. Дискурс как новая лингвофилософская парадигма. Ижевск: «Удмуртский университет», 2013. 56 с.
4. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: «Ленанд», 2015. 310 с.
5. Кибрик А.А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3-21.

6. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 1. 2006. М.: Институт психологии РАН. С. 138-158.
7. Папирян Г.А. Международные экономические отношения: маркетинг в туризме. М.: «Финансы и статистика», 2004. 160 с.
8. Серегина М.А. Туристический дискурс: лингвосомиотические особенности функционирования паремий // Филология: научные исследования. 2021. № 3. С. 59-66. DOI:10.7256/2454-0749.2021.3.33475
9. Филатова Н.В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония? // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 3. С. 41-46.
10. Dijk T.A. van. Studies in Pragmatics of Discourse. The Hague: Mouton Publ., 1981, 154 p.
11. Harris Z.S. Discourse Analysis // Language, 1952, no. 28(1), pp. 1-30. <https://doi.org/10.2307/409987>
12. VisitBritain. URL: <https://www.visitbritain.com/> (дата обращения: 15.01.2023).

DATA ABOUT THE AUTHOR

Andrey B. Evseev, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Philology
Vladimir State University
87, Gorky Str., Vladimir, 600000, Russian Federation
andrey-are@rambler.ru

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Евсеев Андрей Борисович, к.п.н., доцент кафедры русской и зарубежной филологии
Владимирский государственный университет
ул. Горького, 87, г. Владимир, 600000, Российская Федерация
andrey-are@rambler.ru

Поступила 01.02.2023

После рецензирования 12.02.2023

Принята 20.02.2023

Received 01.02.2023

Revised 12.02.2023

Accepted 20.02.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-171-186
УДК 811.111.373

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕОРИИ ОППОЗИТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДИХОТОМИИ СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ)

Л.Б. Здановская, Л.А. Исаева

Обоснование. *Нарастающая тенденция внедрения многочисленных информационных ресурсов в социокультурное пространство современного общества способствовало росту популярности научных работ, посвященных проблематике анализа политического дискурса и сопряженной с ним концептуальной оппозитивности, составляющей основу исследуемой нами дихотомии «Созидание – Разрушение».*

Цель. *Статья посвящена исследованию лингвопрагматических причин специфических форм оппозитивности в политическом дискурсе.*

Материалы и методы. *Материалом для данной статьи послужили работы известных российских и европейских исследователей, представителей ведущих научных школ лингвокогнитологии, посвященные теоретическим вопросам концептуальной оппозитивности, а также книга американского журналиста-расследователя Б. Вудворда «Страх: Трамп в Белом доме». При написании статьи применялись следующие методы: сравнительно-сопоставительный, дискурсивный, контекстуальный анализ.*

Результаты. *В ходе исследования проанализированы условия возникновения процессов противоположения. Систематизированы различные подходы к лингвокогнитивному описанию оппозитивности. На примере дихотомии «Созидание – Разрушение» представлено признаковое описание действия как ключевого фактора реализации оппозитивности в политическом дискурсе.*

Область применения результатов. *Фактические результаты исследования могут найти практическое применение при состав-*

лении учебно-методического материала по лингвокогнитивному анализу концептов в составе дихотомических моделей.

Ключевые слова: исторические условия; концептуальная оппозитивность; оппозитивность действия; идеология, политический дискурс; субъекты оппозиции

Для цитирования. Здановская Л.Б., Исаева Л.А. Историческая фактуализация теории оппозитивности (на примере дихотомии Созидание – Разрушение) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 171-186. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-171-186

HISTORICAL FACTUALIZATION OF THE THEORY OF OPPOSITION (BY THE EXAMPLE OF THE CREATION – DESTRUCTION DICHOTOMY)

L.B. Zdanovskaya, L.A. Isaeva

Background. *The growing trend of introducing numerous information resources into the socio-cultural space of modern society has contributed to the increased popularity of scientific works devoted to the range of aspects of political discourse analysis and the conceptual opposition associated with it which forms the basis of the “Creation – Destruction” dichotomy under study.*

Purpose. *The article is devoted to the study of linguo-pragmatic reasons for specific forms of opposition in political discourse.*

Materials and methods. *The material for this article were the works of famous Russian and European researches, representatives of the leading scientific schools of linguocognitology devoted to the theoretical issues of conceptual opposition, as well as the book of the American investigative journalist B. Woodward Fear: Trump in the White House. When writing the article, the following methods were used: comparative, discursive, contextual analysis.*

Results. *In the course of the study, the conditions for the emergence of opposition processes are analyzed. Various approaches to the lin-*

guocognitive description of opposition have been systematized. On the example of the dichotomy “Creation – Destruction”, a characteristic description of the action as a key factor in the implementation of opposition in political discourse is presented.

Practical implications. *The actual results of the study can find implementation in the preparation of educational and methodological material on the linguocognitive analysis of concepts as part of dichotomous models.*

Keywords: *historical conditions; conceptual opposition; opposition of action; ideology; political discourse; opposition subjects*

For citation. *Zdanovskaya L.B., Isaeva L.A. Historical Factualization of the Theory of Opposition (by the Example of the Creation – Destruction Dichotomy). Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 171-186. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-171-186*

Введение

Цель. Обосновать историческую закономерность объективации оппозитивных процессов, актуализируемых в текстах политической направленности.

Актуальность предпринятого исследования определяется неоднозначностью разрабатываемых в рамках политического дискурса исследовательских подходов к анализу концептуальной оппозитивности. Научная новизна исследования заключается в отдельно предложенном авторами определении концептуальной оппозитивности. Выявлена специфика актуализации действия «Созидание – Разрушение», отмеченного нежесткой оформленностью границ оппозиции, устойчивой возобновляемостью процесса, взаимозаменяемостью субъектов оппозиции, демонстрирующих признаки десемантизации.

Предпосылки зарождения явления оппозитивности обусловлены природой возникновения антропоцентризма – учения, в соответствии с которым человек представляет собой единственно значимую и первостепенную основу, центр отображения картины мира

[3, с. 54]. На оппозитивности картины мира (КМ), несоразмерной и соизмеримой с пониманием ее отдельной личностью, настаивают В.И. Постовалова, И.В. Привалова, указывая в качестве основных характеристик космологичность, антропоморфичность КМ [4; 5]. Выполняя роль посредника между различными сферами культуры, картина мира демонстрирует свойство универсальности, совмещающее противоположные, оппозиционные функции – эвристичность ↔ антиэвристичность. Эвристичность КМ сопряжена с ее интерпретационной способностью, антиэвристичность характеризуется ограниченностью миропонимания, невключенностью отдельных явлений [5, с. 29]. Соглашаясь с учеными в признании за картиной мира глобальности и многомерности существования, в настоящем исследовании КМ определяется как единый образ субъективно-объективной реальности, реализованный на основе антиномий: индивидуальность – универсальность, субъективность – объективность, соизмеримость – несоразмерность, конечность – бесконечность [Там же, с. 35].

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили труды ученых, ведущих экспертов-исследователей в области концептологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, оригинальная публицистическая литература. Выявленные в ходе исследования концептуальные признаки оппозитивности на примере дихотомии Созидание – Разрушение подвергнуты сравнительно-сопоставительному, дискурсивному и контекстуальному анализу.

Историческое обоснование оппозитивности приведено в работе французского историка, философа, теоретика культуры М. Фуко. В книге «Археология знания» (“L’Archéologie du savoir”) в рамках анализа исторического дискурса в целом и фактуализации дискурса в частности автором анализируется закономерность объективации высказывания в единственно возможной интерпретации смысла, сводимого к следующим категориям: 1) ограниченность и единичность события; 3) условия существования; 4) границы высказыва-

ния; 5) вероятные корреляции. Настаивая на исключительной «событийности» высказывания вне зависимости от его исторической значимости, М. Фуко заключает о невозможности «исчерпать» его средствами языка [7, с. 75]. Материальность «циркулирующего» высказывания, указываемая ученым в качестве отличительной характеристики, выступает эффективным инструментом воздействия на исход разрешения взаимных противоречий [Там же, с. 206]. Исследователем обосновывается вывод о взаимообусловленном характере противоположения понятий дискурс (описание) ↔ мысль (история) [Там же, с. 73-74].

Результаты и обсуждение

Данные, полученные в ходе сравнительно-сопоставительного анализа признаков характеристик действия на примере дихотомии «Созидание – Разрушение», позволили прийти к заключению о коррелирующей тенденции объективации противоположения в политическом дискурсе, регулируемой аксиологическими приоритетами субъектов оппозиции.

Характеристика оппозитивности на основе сопряженности с дискурсом обуславливается историческим «фундаментом» ее актуализации, поскольку любое противоположение предполагает непрерывную возобновляемость, цикличность процесса, включающего реализацию действия «Созидание – Разрушение». Отстаивая позицию о ключевой роли действия, инициирующего процесс оппозитивности, считаем принципиально значимым привести основные характеристики универсального концепта «Действие», представленные Ю.С. Степановым. С позиции исследователя, вне зависимости от природы (сферы) действия (духовное, материальное, материально-духовное), оно предполагает духовную составляющую, сопряженную с реализацией морального и нравственного потенциала человека как основного производителя действия [6, с. 344]. Для понимания природы возникновения «действия» как основы формирования и развития оппозитивности обратимся к данным лексикографических источников.

Историческая концепция двухаспектного подхода к толкованию происхождения явления оппозитивности соотносится с полярно противоположными теориями: креационизм ↔ дарвинизм [3, с. 575, 313]. Учение *креационизма*, получившее свое название от латинского слова *creatio* – *сотворение*, постулирует поэтапное Божественное воссоздание мира, продлившееся шесть дней, особо значимых для ведущих мировых религий (иудаизм, ислам, христианство). Сложно оформленный, строго упорядоченный процесс построения Творцом «мира земного и небесного», описанный в книге Бытия, включает оппозитивные по отношению друг к другу субъекты противоположений: *небо* ↔ *земля*; *тьма* ↔ *свет*; *ночь* ↔ *день*; *вечер* ↔ *утро*; *твердь* → *вода*; *вода под твердь* ↔ *вода над твердь*; *твердь (небо)* ↔ *суша (земля)*; *земля* ↔ *моря*; *светило большее (солнце)* ↔ *светило меньшее (луна, звезды)*; *человек (мужчина, женщина)* ↔ *«гады, пресмыкающиеся <...>»* [16].

Представленные пары оппозиций, с одной стороны эксплицируют целостное действие с фиксируемым конечным результатом – *СОТВОРЕНИЕ МИРА*, с другой стороны, содержат импликацию структурированного процесса изменчивости, иллюстрируемого векторной направленностью *созидательного* действия: *Небо (твердь)* → *моря* → *земля (суша)* → *моря* → *зелень* → *трава* → *семя* → *дерево* → *плод* → *светила (день / ночь / знаменья / времена / годы)* → *пресмыкающиеся* → *рыбы большие* → *душа живая* → *птица пернатая* → *скоты и гады* → *звери земные* → *человек (мужчина, женщина)*.

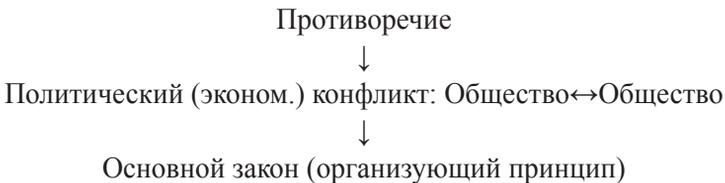
Исходя из гипотезы божественного сотворения мира (*креационизм*) и теории эволюционного развития (*дарвинизм*), следует отметить наличие исторически сложившегося противоположения: ценностно значимый в своем первоначальном существовании *мир Творца* противопоставлен миру, непрерывно меняющемуся вследствие процесса естественного отбора. Устроенная по божественному образу и подобию Вселенная, согласно книге Бытия, представляет собой внутреннее, непрерывно эволюционирующее пространственное образование. Обозначение границ пространства закрепляется ми-

фологической моделью мироустройства, оформленной взаимно оппозитивными категориями *верха* («небесная твердь») и *низа* (*суша, земля, подземный мир с «водами под твердью»*). Пространственное разграничение в рамках указанной модели наряду с оппозицией *верх – низ* (вертикальная проекция), дополнено горизонтальной проекцией *левый – правый*, символизирующей, согласно поддерживаемой нами научной позиции В.А. Масловой, М.И. Шахновича («семантика левого и правого»), контрастное противопоставление добрый дух (ангел-хранитель по правую сторону) – злой дух (искушающий бес по левую сторону) [2, с. 93; 8, с. 53]. В представлении ученых, оппозиция *левый – правый* обуславливает специфику отношений в правовой сфере: *правый* → хороший → справедливый → способный к власти; *левый* → аномальный, несправедливый [Там же].

Процесс актуализации противоположений, по нашему убеждению, объективно сопрягается и с Третьим законом Ньютона, постулирующим соответствие и равенство по степени воздействия совершенного действия и полярно (противоположно) направленного противодействия [3, с. 824]. Соппротивление угрожающим выживанию человека реальным условиям окружающей среды позволило ему как глобальному виду сохранить тотальный контроль в пространстве мироздания и претендует на право служить приемлемым объяснением возникновения и последующего развития действия, эксплицирующего тенденцию противоборства, соотносимого с оппозитивностью.

Лингвокогнитивный анализ оппозитивности целесообразно, с нашей точки зрения, предпринимать в рамках рассмотрения категории дискурса, предполагающего двойственный, с одной стороны, и оппозитивный, с другой, характер актуализации: внешний мир субъекта ↔ внутренний мир субъекта; речь ↔ пресуппозиция (суждение, предположение) к речи; общность ↔ индивидуальность; осмысленность ↔ бессознательность. Принимая точку зрения историка и философа М. Фуко, определяющего дискурс как «мимолетно видимый» путь между противоречиями, анализ которых «запускает» оппозитивный механизм действия – устранение с последующим восстановлением – мы признаем спорным заключение о конечном

фактическом единстве противоречия. По мнению ученого, в основе противоречий лежит «организующий принцип», выступающий моделью для обозначенных оппозиций [7, с. 280-281]. Разрешение отдельных противоречий исследователь видит в объединяющем характере суждений и сформированных взаимоотношений, определяемых как «поле логической непротиворечивости» [Там же, с. 278]. Основные положения теории М. Фуко могут быть проиллюстрированы следующей схемой:

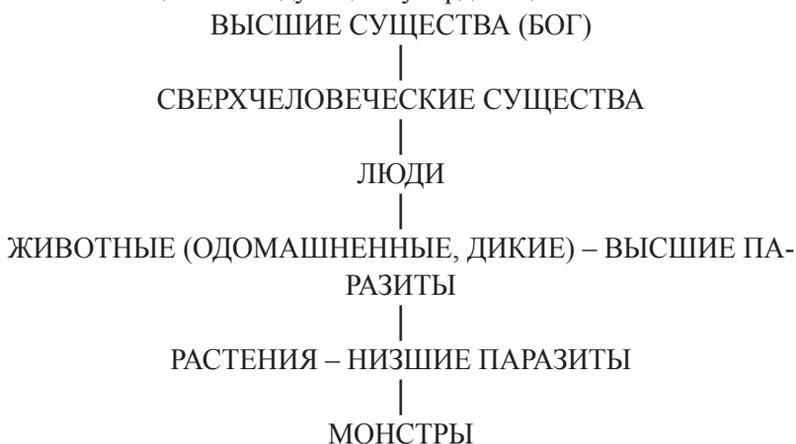
Представляя дискурс как формацию, описание которой становится объективно возможным благодаря отталкивающемуся от позиций историзма «археологическому анализу», Фуко рассматривает ее преобразование как внутренние противоречия между исходной точкой (*terminus a quo*) и крайней точкой (*terminus ad quem*). При этом полярность обозначенных противоречий подкрепляется оппозитивным характером теорий К. Линнея, Ч. Дарвина – фиксизм ↔ эволюционизм, подвергнутых анализу в рамках дискурсивного подхода [Там же, с. 285-286].

В понимании Т.И. Красновой, дискурс оформлен в виде непрерывного ментального потока [1, с. 53]. В случае оппозитивного дискурса, появление и реализация которого предопределены исторически, исследователь подчеркивает его последовательную детерминированность следующими факторами: оппозитивный дискурс → идеология → «мир дискурса» → интерпретация. Рассматривая идеологию как ключевой фактор политического дискурса, сопряженный с целенаправленным, ограниченным институционально распределением информационного потока, следует признать обусловленность вектора интерпретации концептуального смысла политическими приоритетами конкурентов, имплицитными состязательный, а следовательно, оппозитивный характер действия.

В представлении Р. Дирвена, понятие *идеология* вбирает в себя толкование в широком и узком смыслах. Широкое понимание идеологии предполагает систему мышления, транслирующую имплицитный или эксплицитный набор норм и ценностей, которые обеспечивают **модель действия** и / или модель жизни в социальной сети [9, p. 565]. Идеология в узком смысле рассматривается представителями критического анализа дискурса (CDA) как «*модальность власти*» – *принципиальный подход применительно к социальным отношениям господства* [11, p. 9]. Существующие идеологии, как справедливо отмечают исследователи, выступают определенными формами репрезентаций аспектов мира, способствующих установлению, поддержанию и изменению общественных отношений власти [Там же]. Р. Дирвен, Ф. Польценхаген, Х.-Г. Вольф, ван Дейк ссылаются на оппозитивную в своей основе двuasпектность идеологии (сознательное (“*conscious*”) / бессознательное (“*unconscious*”). К «бессознательным нормам» апологеты критического анализа дискурса относят ограниченное понимание идеологии, включающее «доидеологические» или «общие взгляды» на идеологию [12; 14]. Указанный подход предусматривает разграничение позиции обычных людей и экспертного мнения когнитивных лингвистов [10, p. 1224]. В интервью с Р. Пирес де Оливейра убеждениям первых, подвергаемым некоторым возможным обобщениям, Дж. Лакофф противопоставляет акцентированное внимание вторых на выделении бессознательных фреймов, метафор и других концептуальных единиц, лежащих в основе сознательных убеждений [13].

В качестве одного из инструментов, используемых для анализа идеологически окрашенных высказываний оппонентов в рамках изучения особенностей актуализации политической риторики, рассмотрим модель *иконографической ссылки* (ИС), примененную нацистским Третьим рейхом с целью антиеврейской пропаганды. Б. Хокинс представляет ИС как динамический процесс, сопряженный с отбором одного элемента из широкой иконографической системы ценностей [10, p. 1227].

Р. Дирвен, Ф. Польценхаген, Х.-Г. Вольф, анализируя специфику функционирования иконографической ссылки, приводят схему древней, глубоко укоренившейся культурной модели «Иконография великой цепи бытия» (“The Great Chain of Being iconography”), детально описанной Б. Хокинсом. Учеными высказывается предположение о возможном использования указанной модели в качестве установленного порядка подчинения. Данные критерии и сопряженная с ними система ценностей являются, по мнению исследователей, решающими при указании определенного классификационного порядка. Доминирующим субъектам верхнего уровня вертикальной иерархии противопоставлены особи, занимающие нижние позиции по следующей субординационной шкале:

Согласно выводам ученых, модель «великая цепь бытия», эксплуатируемая идеологами нацизма, явилась эффективным способом актуализации «языка угнетения» (“language of oppression”), в котором крайними субъектами оппозиции выступили арийская и еврейская расы: высший уровень («сверхчеловек» / „Übermensch“) ↔ низший уровень (паразиты / parasites) [10, с. 1227-1228].

Проиллюстрируем специфику реализации дихотомической модели «Созидание – Разрушение» на примере иллюстративных текстов книги-расследования Б. Вудворда «Страх: Трамп в Белом доме». Отображение иконографической модели «Цепь бытия» де-

монстрируется, по нашему мнению, особенностью иммиграционной политики Д. Трампа, организованной по принципу «селекции». Нетерпимое отношение президента к беженцам из проблемных регионов ассоциируется с антидемократическим лозунгом «Америка не для всех! Америка для избранных!»: *“Haitians, <...> we don't need more Haitians. <...> Why are we having all these people from shithole countries come here?”* («Гаитяне, <...> нам не надо больше гаитян. <...> Зачем к нам приезжают все эти люди из захолустных стран?») [15, p. 320]. Отрицательная коннотация лексемы *“shithole”* («захолустная страна» – «грязная, глухая дыра», «гадюшник») эксплицирует негативные признаки: *брезгливость, отвращение, помойка*. Следовательно, иммигранты из бедных, «глухих дурно пахнущих» африканских стран отвергаются Трампом как недостойные «его Америки». Дональд Трамп критикует идею увеличения доходов, роста национального благосостояния посредством объединения различных слоев американского населения. Сочувствие, сопереживание президента воспринимается как оскорбление: *“I really felt for these people. They came from such a shithole”* («Я с пониманием относился к этим людям. Они приехали из гадюшника») [Там же, p. 321]. По мнению президента, нежелательные мигранты – это змея, которая может «отблагодарить» Америку смертельным, ядовитым укусом:

“I saved you,” <...> “And you've bitten me, <...> why?”

“You know your bite is poisonous <...> I'm going to die.”

“<...> shut up, silly woman,” said the reptile with a grin.

“You knew <...> well I was a snake before you took me in.” [Там же, p. 323].

(«Я спасла тебя <...>. А ты меня укусила, <...> зачем?»

Ты знаешь, что твой укус ядовит, <...> я умру».

«Да ладно, дуриха», – с ухмылкой сказала змея.

Ты знала, что я змея, еще до того, как приютила меня».)

Таким образом, «дестабилизирующая» деятельность Трампа на посту президента, проявившаяся в настойчивом желании «разрушить до основания» имидж Америки как страны, открытой для переселенцев, имплицитно негативный признак «утрата идеала абсолютной модели мира».

Взаимозаменяемость субъектов в составе дихотомии «Созидание» – «Разрушение», обусловленная нежестким принципом оформленности границ пространства, фиксируется при анализе репрезентантов концепта «Стена», демонстрирующих экспликацию семантических признаков обеих сторон оппозиции. Так, исторический факт *разрушения* «Берлинской стены» (*Berliner Mauer*), разъединявшей почти три десятилетия немецкий народ, актуализирует приращенные смыслы, имплицитивно сопряженные с субъектом «Созидание»: *обретенное единство, возрождение нации, возврат утраченных границ*. Возведение стены, инициированное Д. Трампом в 2018 г. как крайняя мера для предотвращения нежелательной иммиграции в США, символизирует *крушение* декларируемой «американской модели»: “*You're getting the wall <...>. You know <...> the wall gets 10 feet higher <...>. <...> we're going to have the wall.*” [15, p. 322].

Рассмотренные иллюстративные примеры позволяют нам определить концептуальную оппозитивность как возобновляемое упорядоченное действие противоположения, реализованное в составе субъектов оппозиции, демонстрирующих обоюдную устойчивую корреляцию с нежесткой закрепленностью границ актуализации.

Заключение

Предпринятое исследование лингвопрагматических причин специфических форм оппозитивности в политическом дискурсе на примере дихотомии «Созидание – Разрушение» позволило нам заключить о следующем:

1. Оппозитивность как исторически сформированное структурированное, эксплицированное знаковыми формами языка внутреннее, ментальное противоречие наиболее рельефно проявляется в политическом дискурсе – специфическом инструменте коммуникации, позволяющем реализовать полярные позиции конкурирующих, противоборствующих сторон.
2. Политический дискурс отличается от других форм речевого взаимодействия повышенной степенью идеологизированности высказываний субъектов оппозиции, выступающих в

роли непримиримых, противодействующих, зачастую враждебных оппонентов.

3. Оппозитивность концептуального действия «Созидание – Разрушение», обусловленная облигаторностью идеологической ориентации политических конкурентов, объективируется актом высказывания в политическом дискурсе, фиксирующим принадлежность к одному из субъектов оппозиции.
4. Выявленная специфика актуализации действия «Созидание – Разрушение» определяется «подвижностью» границ данной оппозиции.
5. Упорядоченное по организации оппозитивное действие «Созидание – Разрушение», структурно эксплицируемое в политическом дискурсе, характеризуется устойчивой возобновляемостью процесса реализации.
6. Субъекты оппозиции, репрезентирующие исследуемую дихотомию в англо-американском языковом пространстве, демонстрируют взаимозаменяемость состава, отмеченную признаком десемантизации.

Список литературы

1. Краснова Т.И. Анализ политического дискурса: подходы и категории // Политическая лингвистика № 2(44), 2013. С. 46-54.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 296 с.
3. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2007. 1456 с.
4. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-44.
5. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. М.: Гнозис, 2005. 472 с.
6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.

7. Фуко М. Археология знания. [Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова] СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
8. Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. Л.: Наука, 1971. 240 с.
9. Dirven R. Metaphor and ideology // *Revue Belge de Philologie et d'histoire*, 1990, pp. 565-575.
10. Dirven R., Polzenhagen F., Wolf H-G. Introduction: Ideology, a Vast Research Field Outside Cognitive Linguistics. *Cognitive Linguistics*. Oxford University Press, 2007, 1335 p.
11. Fairclough N. *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London: Routledge, 2003, 279 p.
12. Van Dijk T. *Discourse, knowledge and ideology: Reformulating old questions*. Essen, Germany: Linguistic Agency of the University of Duisburg-Essen, 2002, 546 p.
13. Pires de Oliveira R. Language and ideology: An interview with George Lakoff. // *Language and ideology*, 2001, vol. 1. Theoretical cognitive approaches. Amsterdam: John Benjamins, pp. 23-48.
14. Wolf H.-G., Polzenhagen F. Conceptual metaphor as ideological stylistic means: An exemplary analysis. // *Cognitive models in language and thought: Ideologies, metaphors, and meanings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003, pp. 247-277.
15. Woodward B. *Fear. Trump in the White House*. New York: Simon & Schuster, 2018, 425 p.
16. URL: <https://allbible.info/bible/sinodal/ge/1/> (дата обр.: 29.12.2022)

References

1. Krasnova T.I. Analiz politicheskogo diskursa: podhody i kategorii [Political Discourse Analysis: Approaches and Categories]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2013, no. 2(44), pp. 46-54.
2. Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics: textbook]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2008, 296 p.
3. *Novyj enciklopedicheskij slovar'* [New encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ.: RIPOL classic Publ., 2007, 1456 p.

4. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [The picture of the world in human life]. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in the Language: Language and Picture of the World]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 8-44.
5. Privalova I.V. *Interkul'tura i verbal'nyj znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii): Monografiya* [Interculture and verbal sign (linguo-cognitive foundations of intercultural communication): Monograph]. Moscow: Gnozis Publ., 2005, 472 p.
6. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: The dictionary of Russian culture]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2004, 992 p.
7. Foucault M. *Arheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. St. Petersburg: IC «Gumanitarnaya Akademiya» Publ.; Universitetskaya kniga Publ., 2004, 416 p.
8. Shahnovich M.I. *Pervobytnaya mifologiya i filosofiya* [Primitive mythology and philosophy]. Leningrad: Nauka Publ., 1971, 240 p.
9. Dirven R. Metaphor and ideology. *Revue Belge de Philologie et d'Histoire* 1990, pp. 565-575.
10. Dirven R., Polzenhagen F., Wolf H-G. Introduction: Ideology, a Vast Research Field Outside Cognitive Linguistics. *Cognitive Linguistics*. Oxford University Press, 2007, 1335 p.
11. Fairclough N. *Analysing discourse: Textual analysis for social research*. London: University Press, 2003, 279 p.
12. Van Dijk T. *Discourse, knowledge and ideology: Reformulating old questions*. Essen, Germany: Linguistic Agency of the University of Duisburg-Essen, 2002, 546 p.
13. Pires de Oliveira R. Language and ideology: An interview with George Lakoff. *Language and ideology, vol. 1, Theoretical cognitive approaches*. Amsterdam: John Benjamins, 2001, vol. 1, pp. 23-48.
14. Wolf H.-G., Polzenhagen F. Conceptual metaphor as ideological stylistic means: An exemplary analysis. *Cognitive models in language and thought: Ideologies, metaphors, and meanings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003, pp. 247-277.
15. Woodward B. *Fear. Trump in the White House*. New York: Simon & Schuster, 2018, 425 p.

16. URL: <https://allbible.info/bible/sinodal/ge/1/> (accessed December 29, 2022)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Здановская Лидия Борисовна, доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, 350044, Краснодарский край,
Российская Федерация
zdanovskaya2903@gmail.com

Исаева Лидия Алексеевна, заведующий кафедрой современного
русского языка
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
ул. Ставропольская 149 г. Краснодар, 350040, Краснодарский
край, Российская Федерация
vlisaev@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Lidia B. Zdanovskaya, associate professor of the chair of foreign languages
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
13, Kalinina Str., Krasnodar, Krasnodar Region, 350044, Russian
Federation
zdanovskaya2903@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2488-2506>

Lidia A. Isaeva, Head of the department of modern Russian language
Kuban State University
149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, Krasnodar Region, 350044,
Russian Federation
vlisaev@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2610-7880>

Поступила 19.01.2023

После рецензирования 04.02.2023

Принята 12.02.2023

Received 19.01.2023

Revised 04.02.2023

Accepted 12.02.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-187-204
УДК 81'42

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТА БРОШЮРЫ О РАССТРОЙСТВАХ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

О.В. Шитикова, Ю.С. Елагина

Данная статья посвящена анализу жанровой специфики текста брошюры семантического поля «Психология». На материале англоязычного текста брошюры “Eating disorders: a guide for friends and family” авторы рассматривают жанровую структуру информационной брошюры, характеризуют жанры и их внутреннюю организацию, а также выявляют ключевые характеристики.

Цель. *Цель данного исследования – определить жанровую специфику брошюры, выявив ключевые признаки анкеты речевого жанра, включающую в себя характеристики адресанта, адресата и коммуникативной цели.*

Материалы и методы. *Материалом для данной работы послужил англоязычный текст брошюры “Eating disorders: a guide for friends and family”, написанный одной из ведущих благотворительной организацией Великобритании, поддерживающая людей, страдающих расстройствами пищевого поведения.*

В ходе работы применялся метод теоретического анализа источников, метод сопоставительного анализа, а также метод компонентного анализа.

Результаты. *Исследуемая брошюра относится к информационному типу, содержит информацию о заболевании, а также справочные данные и социальную рекламу. Она относится к сложному речевому жанру, включая в себя набор простых речевых жанров (сообщение, обращение, рекомендация). Брошюра имеет монологический характер. Анализ языковых средств показал преобладание предложений в повелительном наклонении и безличных форм глагола, эмоционально-оценочную лексику. Коммуникативная цель изу-*

чаемой информационной брошюры направлена на то, чтобы дать адресату представление о видах расстройств пищевого поведения, а также побудить адресата обратиться за помощью. Автором в информационной брошюре является коллективный субъект, адресат текста брошюры массовый.

Ключевые слова: брошюра; речевые жанры; коммуникативная стилистика; коммуникативная цель; концепция адресата; концепция адресанта

Для цитирования. Шитикова О.В., Елагина Ю.С. Жанровая специфика текста брошюры о расстройствах пищевого поведения // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 187-204. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-187-204

GENRE SPECIFICS OF THE TEXT OF THE BROCHURE ON EATING DISORDERS

O.V. Shitikova, Y.S. Elagina

This article is devoted to the brochure text analysis of genre specifics in the semantic field “Psychology”. Based on the English-language text of the brochure “Eating disorders: a guide for friends and family”, the authors consider the genre structure of the information brochure, characterize genres and their internal organization, and identify key characteristics.

Purpose. *The purpose of this study is to determine the genre specifics of the brochure by identifying the key features of the questionnaire of the speech genre, which includes the characteristics of the addressee, the addresser and the communicative goal.*

Materials and methods. *The material for this work is the English-language text of the brochure “Eating disorders: a guide for friends and family”, written by one of the UK’s leading charitable organization supporting people suffering from eating disorders.*

In the course of the work, the method of theoretical analysis of sources, the method of comparative analysis, as well as the method of component analysis were used.

Results. *This study showed the brochure belongs to the informational type, contains information about the disease, as well as reference data and social advertising. It belongs to a complex speech genre, including a set of simple speech genres (message, appeal, recommendation). The brochure has a monologue character. The analysis of linguistic means showed the predominance of sentences in the imperative mood and impersonal verb forms, emotional and evaluative vocabulary. The communicative purpose of the studied information brochure is aimed at giving the addressee an idea of the types of eating disorders, as well as encouraging the addressee to seek help. The author in the information brochure is a collective subject, the addressee of the brochure text is a mass one.*

Keywords: *brochure; speech genres; communicative style; communicative goal; addressee concept; addressee concept*

For citation. *Shitikova O.V., Elagina Y.S. Genre Specifics of the Text of the Brochure on Eating Disorders. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 187-204. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-187-204*

Введение

Небезызвестно, что тексты, направленные на изучение закономерностей возникновения, развития и функционирования психики и психической деятельности человека или группы людей, стали актуальным типом текста относительно недавно, поскольку психологию как наука стала самостоятельной дисциплиной лишь в середине XIX в.

Отрасли психологии отвечают на важные запросы современного социально-экономического развития, предполагают внимание к личности и ее психическим ресурсам, поэтому являются перспективными и быстроразвивающимися.

Люди обращаются к текстам психологической направленности, чтобы получить некую установку, узнать больше о себе, близких и о том, как действовать в тех или иных жизненных обстоятельствах, в частности, как быть в ситуации, когда близкий человек столкнулся с таким заболеванием как расстройство пищевого поведения. Подобную информацию можно найти в различных источниках (книгах, научных

статьях, буклетах и брошюрах), каждый из которых определяется своим набором языковых средств. Развитие технических средств привело к появлению такого источника информации в современном мире, как брошюра. Популяризация брошюры не могло не привлечь к данному явлению внимание исследователей, среди которых С.А. Кузьменко [11], Е.Н. Дергилева [9], Е.Ю. Мошанская, Д.А. Кукушкин [12].

Рассмотрим определение понятия «брошюра». В Кэмбриджском словаре английского языка брошюра описывается как разновидность небольшого по объему журнала, содержащего иллюстрации и информации о продукте или компании [16]. В трактовке одного из англоязычных источников объем брошюры не ограничивается, однако, говорится о его рекламной цели [18].

Таким образом, брошюра представляет собой полиграфическую продукцию небольшого объема, чаще всего выполняющая информационную и рекламную функции.

Для брошюры характерен следующий набор характеристик:

1. Информативность – брошюра содержит длинные текстовые абзацы, поэтому вмещает себя большое количество информации.
2. Презентабельность – брошюра внушает доверие к компании.
3. Компактность и удобное распространение.
4. Долгосрочное использование [6].

В зависимости от назначения, существует несколько видов брошюр.

1. Информационные. Такие брошюры носят ознакомительный и/или обучающий характер. Они используются в социальной рекламе или учебных заведениях.
2. Рекламные. Рекламные брошюры имеют цель продвижения товара или услуги. Такой вид брошюр имеет интересный, продающий текст, яркий и креативный дизайн, что в совокупности побуждает читателя к покупке. Такой вид брошюр также содержит контактные данные компании или организации.
3. Имиджевые. Такой вид брошюр также относят к рекламным, однако они дают более полные сведения о компании, ее продукции или услугах. Имиджевые брошюры ведут клиента к заключению сделки с компанией [Там же].

Таким образом, обзор теоретического материала показал разнообразие видов брошюр.

Цель данного исследования – определить жанровую специфику брошюры.

Материалы и методы

Материалом для нашего исследования выступает брошюра “Eating disorders: a guide for friends and family” содержащая информацию о проблемах, связанных с расстройством пищевого поведения [17].

В ходе работы использовались следующие методы научного исследования: теоретический анализ источников, сопоставительный анализ, компонентный анализ.

Результаты и обсуждение

Исходя из представленной выше типологии, брошюру “Eating disorders: a guide for friends and family” можно отнести к *информационному* типу брошюр. Как было сказано выше, информационные брошюры содержат в себе определенную информацию, с которой знакомится читатель.

Eating disorders are serious mental illnesses that involve disordered eating behavior. This might mean restricting food intake, eating very large quantities of food at once, countering food eaten through purging, fasting or excessive exercise, or a combination of these behaviors.

Bulimia involves cycles of bingeing and purging. This means that the person will eat large amounts of food in one go and then engage in behavior to compensate for the food eaten, such as making themselves sick, fasting, taking laxatives, or excessively exercising.

Помимо описания каждого вида РПП, приводятся основные признаки, говорящие о наличии у человека конкретного типа заболевания. Ниже приведен пример описания сигналов, свидетельствующих о заболевании таким видом психического расстройства как анорексия:

Some other possible signs of anorexia include:

Distorted perception of weight

Preoccupation with and/or fear of gaining weight

Obsessive behaviour such as counting calories

Difficulty focusing

Weight loss

Wearing baggy clothes to hide weight loss

Кроме того, следует отметить, наличие в данной брошюре признаков социальной рекламы, направленной на привлечение внимания к проблеме РПП в обществе, а также на изменение моделей общественного поведения:

Брошюру рекламной направленности характеризует яркий и интересный дизайн, вызывающий интерес у читателя. Подобную особенность можно проследить и в анализируемой нами брошюре (рис. 1).

Рис. 1. Обложка брошюры

Ещё одной особенностью, характерной для рекламного типа брошюры, представленной в анализируемом нами материале, является наличие справочных данных на обратной стороне обложки (рис. 1). В нашем случае они позволяют читателю обратиться за психологической помощью или осуществить финансовую помощь благотворительной организации, которая её издала.

Прежде чем приступить к анализу жанровой специфики исследуемого текста, рассмотрим непосредственно определение понятия «жанр». В зарубежной лингвистике термин «жанр» был введен

Д. Хаймсом при разработке теории речевого события, т.е. социально-значимого, имеющего определенную форму процесса речевого взаимодействия коммуникантов, ограниченного в пространстве и времени. Речевой жанр принадлежит к важным понятиям коммуникативной стилистики текста.

Исследованию речевых жанров посвящено множество работ. Многие отечественные ученые в своих работах занимались исследованием в сфере речевых жанров, например, В.В. Деменьтев [7], Ф.С. Бацевич [4], О.Н. Дубровская [10] и другие, однако в современной лингвистике классическим определением речевых жанров считается определение М.М. Бахтина, который также создал классификацию и структуру речевых жанров.

В своей работе М. Бахтин пишет, что «каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые и называем речевыми жанрами» [2]. Речевой жанр исследуемой информационной брошюры вполне отвечает классическому определению речевых жанров, которое гласит, что жанры – «это определенные, относительно устойчивые тематические и композиционные типы высказываний» [Там же].

М.М. Бахтин считал, что основополагающими характеристиками речевого жанра являются стилистическая, тематическая устойчивость, завершенность речевого произведения, композиционно-структурная стереотипность и связь речевого жанра с конкретными сферами общения [Там же].

В своей классификации М. Бахтин делит речевые жанры на первичные (простые), которые возникают в условиях непосредственного общения и вторичные (сложные), складывающиеся в условиях более сложного культурного общения [3].

Одними из важных критериев простого речевого жанра являются:

1. Реализация одного иллокутивного акта.
2. С одной стороны, его самостоятельность, а с другой – возможность входить в состав более крупных жанровых образований [1].

По мнению Н.В. Денисовой, сложный речевой жанр представляет собой «единство простых РЖ: внутри сложных РЖ выделяют несколько интенциональных установок, объединенных главной коммуникативной целью» [8, с. 14]. На основании представленной классификации, на наш взгляд, информационный текст брошюры “Eating disorders: a guide for friends and family” относится к сложному речевому жанру, поскольку он включает в себя следующий набор простых речевых жанров:

1. Сообщение:

Binge eating disorder involves bingeing, i.e. eating large amounts of food at once, but not engaging in compensatory behaviour associated with bingeing in bulimia or anorexia. Sometimes someone’s symptoms don’t fit all the diagnostic criteria for anorexia, bulimia, or binge eating disorder. In that case, they might be diagnosed with “other specified feeding or eating disorder” (OSFED).

В данном примере содержится общая информация о типах расстройств с перечислением симптомов, характерных для каждого типа.

2. Обращение:

Less commonly nowadays, you might hear the term “eating disorder not otherwise specified” (EDNOS).

В вышеуказанном примере при обращении используется стандартный оборот речи, с использованием вежливого обращения “you”.

3. Рекомендация:

Remember eating disorders are serious mental illnesses and are not the sufferer’s fault. Try not to back them into a corner or use language that could feel accusatory. “I wondered if you’d like to talk about how you’re feeling” is a gentler approach than “You need to get help”, for example.

В данном примере используется повелительное наклонение и безличные формы глагола.

М.Ю. Федосюк также предложил выделить элементарные и комплексные жанры. По определению М.Ю. Федосюка, элементарные жанры – это такие типы текстов, которые не включают в себя компоненты других речевых жанров, к примеру, таких как сообщение или просьба. Полярно отличными от элементарных жанров явля-

ются комплексные жанры, которые имеют в составе несколько компонентов, которые могут быть рассмотрены как самостоятельный завершённый текст. Среди комплексных РЖ М. Федосюк выделял монологические жанры [14].

Информационный текст брошюры “Eating disorders: a guide for friends and family” содержит в себе монологические РЖ. Монологические жанры – это жанры, принадлежащие одному адресату. Текст брошюры содержит в себе утешения, выражаемые через лексику, отражающую эмоциональную оценку автора к той проблеме, с которой столкнулся адресант.

Taking care of someone with an eating disorder can be physically and emotionally exhausting. There's no shame in taking time out or seeking your own support network – you can't take care of someone if you're not well yourself.

Помимо утешений, текст содержит убеждения. Чаще всего убеждения выражены с помощью глаголов в повелительной форме:

Try to resist any urge to respond to anger by getting angry yourself. It's reasonable to feel frustrated, but try to avoid expressing that in front of the sufferer.

Также мы можем заметить, что в вышеприведенном примере используется глагол “try”, говорящий о мягкой форме повеления.

Говоря о РЖ важно упомянуть, что жанр в речевом общении является объективным экстралингвистическим фактором текстообразования. Так, выделяют жанры, ориентированные на гармоничное общение, при котором цель адресата – добиться расположения адресанта [5].

Нет сомнений в том, что жанр речи информационной брошюры “Eating disorders: a guide for friends and family” направлен на гармоничное общение, поскольку автор старается расположить к себе читателя и рассчитывает на дальнейший контакт с ним, обращаясь к нему и предлагая помощь на различных ресурсах, связанных с деятельностью организации:

You can find more resources on our website – go to beateatingdisorders.org.uk/workplace... You can find out more on beateatingdisorders.org.uk and through the resources listed in the

В данном примере использование личной формы глагола “can”, а не “must”, говорит о мягком повелении.

Также одной из интересных типологий речевых жанров является типология Т.В. Шмелевой, которая была разделена на информативные речевые жанры (сообщение, подтверждение, сомнение и т.д.), оценочные (похвала, упрек, выговор и т.д.), перформативные или ритуальные (приветствие, представление, знакомство и т.д.), императивные, призванные содействовать осуществлению событий (просьба, совет, инструкция, приказ и т.д.) [15].

В брошюре “Eating disorders: a guide for friends and family” мы можем выделить преобладание императивных речевых жанров, например, наличие таких РЖ как совет и инструкция, которые в тексте выражаются с помощью глаголов в императивной форме:

Try to keep doing things together as a couple and as a family. Remember eating disorders are isolating and secretive illnesses by nature, and often cause feelings of low self-esteem and a distorted perception of body size and shape. Be aware that people with restrictive eating disorders may need to physically adjust to eating more, as well as mentally adjusting. Start slowly and be wary of pressuring them.

Наличие информативных речевых жанров, представленных в тексте, напрямую связано с коммуникативной целью исследуемого текста, т.к. данная цель является, по мнению Т.В. Шмелевой одним жанрообразующих признаков.

Коммуникативная цель является важнейшим признаком РЖ, указывающим на иллокутивное намерение автора через обращение к адресату высказывания. Выделяют информативные, императивные, оценочные и этикетные РЖ [15].

Мы считаем, что коммуникативная цель информационной брошюры “Eating disorders: a guide for friends and family” – дать адресату представление о видах расстройств пищевого поведения, а также побудить адресата обратиться за помощью к благотворительной организации “Beat”, поскольку брошюра в определенной мере является рекламной.

Говоря о вышеуказанной брошюре как о рекламной, мы можем выделить некоторые речевые жанры рекламной брошюры. Во-первых, это сообщение полного названия организации “Beat Eating

disorders”. Мы можем увидеть, что рекламная брошюра мыслится ее создателями как средство официального информирования деятельности организации. Во-вторых, это сообщение контактных данных. Контактные данные – основная справочная информация, которая представляется в конце текста.

В данной брошюре мы можем увидеть наличие:

1. Электронного адреса *info@beatingdisorders.org.uk* и реального адреса *Unit 1 Chalk Hill House, 19 Rosary Road, Norwich, NR 1SZ*.
2. Телефона *0300 12 3355*.
3. Адрес сайта *beatingdisorders.org.uk*.

Помимо вышеуказанной информации в брошюре содержатся новые виды распространения информации, такие как:

1. Ссылка на страницу в соцсети Twitter *@beatED*.
2. Ссылка на страницу в соцсети Facebook *beat.eating.disorders*.

Помимо контактных данных организации, указаны контактные данные поддержки для разных возрастных категорий людей:

1. *Helpline: 0808 801 0677, help@beateatingdisorders.org.uk*.
2. *Youthline: 0808 801 071, fyp@beateatingdisorders.org.uk*.
3. *Studentline: 0808 801 0811, studentline@beateatingdisorders.org.uk*.

Вторым из наиболее важных значимых параметров анкеты речевого жанра является концепция автора. Как писал Р.В. Рюмин, «любой речевой жанр детерминирован замыслом автора, целью коммуникации, автор задает тон всему акту коммуникации» [13, с. 30].

Автором в информационной брошюре “Eating disorders: a guide for friends and family” является коллективный субъект. Речь ведется не только от лица организации “Beat Eating disorders”, но также и от лица специалистов, разбирающихся в области психологии и области расстройств пищевого поведения. Анализ показал, что нередко коллективный автор выражает себя с помощью личного местоимения «we» и притяжательного местоимения «our».

This booklet is an overview, but we hope it will help you understand more about eating disorders and provide you with information that will help you care for your loved one.

Такое личное местоимение, как «we», отражает сплоченный характер стоящих за текстом адресантов. Автор зачастую позиционируется как человек, который заботится о состоянии человека, находящегося в ситуации, в которой его близкий друг, член семьи или родственник столкнулись с расстройствами пищевого поведения:

We hope that you've found this booklet helpful, but we know that you'll have a lot more questions and may need other resources.

Think about what you want to say and make sure you feel informed. Reading this booklet is a good start. You could also look at the information on our website.

If you're worried someone you care about is showing any signs of an eating disorder – even if they're not on our list – act quickly and get in touch.

Концепция автора в данной брошюре находит отражение в жанровой структуре текста, т.е. доминирование информативного жанра над другими говорит о том, что автор текста действительно заинтересован в серьезном подходе к взаимодействию с читателем.

Особое внимание при анализе информационного текста требует концепция адресата, являющаяся системообразующим параметром анкеты речевого жанра. Р.В. Рюмин считал, что «коммуникативная успешность жанра во многом зависит от образа адресата и того, насколько этот образ, закладываемый в сообщение автором, коррелирует с коммуникативными установками адресата как части социума» [Там же]. Таким образом, результат речевой коммуникации зависит от реакции адресата.

Адресат текста брошюры “Eating disorders: a guide for friends and family” массовый. Данный информационный буклет предназначен для людей, столкнувшимся с наличием спектра расстройств пищевого поведения у своих знакомых и близких. Обращение к массовому читателю выражается с помощью личного местоимения «you».

You can find out more on beateatingdisorders.org.uk and through the resources listed in the Next Steps section.

It's common to believe you can “see” an eating disorder.

It can be difficult to raise the issue – you may worry you'll say the wrong thing, that it's none of your business, or that you're insulting the person.

Choose a place where *you* both feel safe and won't be disturbed. If *you*'re one of several people who have felt concerned, don't talk to the person together as they may feel *you*'re ambushing them.

Образ адресата в вышеприведенных примерах – заботливый и любящий человек, который беспокоится о ментальном и физическом здоровье друга или близкого, страдающего от расстройства пищевого поведения. Мы можем увидеть, что это образ человека, который обеспокоен будущим больного.

Внимания адресата привлекается посредством обращения, рекомендации и совета. Через обращения к массовому читателю адресант сообщает важную информацию о том, что они не одни, и что с таким видом болезни, как РПП, сталкиваются многие люди. Адресант поддерживает читателя через обращения и сообщает контактные данные для дальнейшего обращения за помощью.

Так, информационная брошюра “Eating disorders: a guide for friends and family” достаточно точно описывает портрет потенциального адресанта – заботливого родителя, друга, коллегу или просто человека, которому небезразлично состояние заболевшего расстройств пищевого поведения.

Заключение

В ходе исследования нами были сделаны следующие выводы.

Анализируемая нами брошюра относится к информационному типу, представляя основные признаки заболевания, а также справочные данные и социальную рекламу. Исследуемая нами брошюра, являясь сложным речевым жанром, представлена набором простых речевых жанров, включающих сообщение, обращение и рекомендацию. Исследуемая брошюра имеет монологический характер. Анализ языковых средств показал преобладание предложений в повелительном наклонении и безличных форм глагола, эмоционально-оценочную лексику. Коммуникативная цель изучаемой информационной брошюры направлена на то, чтобы дать адресату представление о видах расстройств пищевого поведения, а также побудить адресата обратиться за помощью. Автором в информационной брошюре является коллективный субъект, адресат текста брошюры массовый.

Таким образом, проведенный анализ информационной брошюры позволил рассмотреть несколько уровней, создающих целостный образ текста, выявить условия этой целостности, а также очертить контуры коммуникативной организации текста.

Список литературы

1. Баранов А.Г. Когнитивность текста (к проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) // *Жанры речи*. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 4-12.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Литературо-критические статьи. М.: «Художественная литература», 1986. С. 428-472. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_124.shtml (дата обращения: 13.10.2022).
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 423 с.
4. Бацевич Ф.С. Речевой жанр и коммуникативный смысл // *Жанры речи*. Саратов: СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2005. С. 112-123. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36393623> (дата обращения: 21.10.2022).
5. Болотнова Н.С. Краткая история стилистики художественной речи в России: (К истокам коммуникатив. стилистики текста). Томск: ТГПУ, 1996. 47 с.
6. Брошюра. URL: <https://icolorit.ru/blog/vse-o-broshyurakh> (дата обращения: 11.10.22).
7. Дементьев В.В. «Анкета речевого жанра» Т.В. Шмелёвой: прошлое, настоящее, будущее (к 30-ю жанроведческой модели) // *Жанры речи*. Саратов: СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2020. С. 252-262. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44291055> (дата обращения: 15.10.22).
8. Денисова Н.В. Рекламные жанры научно-образовательного дискурса: автореф... дис. кан. фил. Томск, 2008–26 с.
9. Дергилева Е.Н. Брошюра или буклет? Проблемы терминологии малополосных изданий // *Сборник трудов конференции*. М.: МГУДТ, 2015. С. 234-237. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25558424> (дата обращения: 10.10.2022).
10. Дубровская О.Н. Сложные речевые события и речевые жанры // *Жанры речи*. Саратов: СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского, 1999. С.

- 97-102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36422431> (дата обращения: 16.10.2022).
11. Кузьменко С.А. Информационная брошюра как специфический пограничный тип креолизованного текста // Россия: от стагнации к развитию (региональные, федеральные, международные проблемы): сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. Ставрополь: РИО ИДНК, 2017. С. 651-654. URL: <https://www.idnk.ru/images/nauka/konferenc/30217.pdf> (дата обращения: 11.10.2022).
12. Мошанская Е.Ю. Кукушкин Д.А. Информационная брошюра как специфический жанр образовательного дискурса: сопоставительный анализ // Перевод, реклама и PR в современной межкультурной коммуникации: материалы II гор. молодеж. науч.-практ. конф. М-во образования и науки Рос. Федерации. Пермь: ПНИПУ, 2016. С. 65-72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27203564> (дата обращения: 11.10.2022).
13. Рюмин Р.В. Феномен речевого жанра социальной рекламы в русском языке // Вестник Томского государственного университета. Томск: ТГУ, 2011. С. 30-33.
14. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. М.: «Наука», 1997. № 5. С. 102-120.
15. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 85-98.
16. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 09.10.2022)
17. Eating Disorders Association. Eating disorders: a guide for friends and family. URL: <https://beat.contentfiles.net/media/documents/beat-carers-booklet-1.pdf> (дата обращения: 07.10.2022)
18. What is a Brochure? URL: <https://www.edrawsoft.com/what-is-brochure.html> (дата обращения: 11.10.2022).

References

1. Baranov A.G. Kogniotipichnost' teksta (k probleme urovnej abstrakcii tekstovoj dejatel'nosti) [Cognitive typicality of the text (to the problem of abstraction levels of text activity)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov: GosUNC «Kollledzh» Publ., 1997, pp. 4-12.

2. Bahtin M.M. *Problema rechevyh zhanrov. Literaturo-kriticheskie stat'i* [The problem of speech genres. Literary-critical articles]. Moscow: «Hudozhestvennaja literatura» Publ., 1986, pp. 428-472. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_124.shtml (accessed October 13, 2022).
3. Bahtin M.M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: «Iskusstvo» Publ., 1979, 423 p.
4. Batsevich F.S. Rechevoj zhanr i kommunikativnyj smysl [Speech genre and communicative sense]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov: GosUNC «Kolledzh» Publ., 2005, pp. 112-123. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36393623> (accessed October 21, 2022)
5. Bolotnova N.S. *Kratkaja istorija stilistiki hudozhestvennoj rechi v Rossii: (K istokam kommunikativ. stilistiki teksta)* [A brief history of the style of artistic speech in Russia: (To the basis of communicative stylistics of text)]. Tomsk: TGPU, 1996, 47 p.
6. *Broshjura* [Brochure] URL: <https://icolorit.ru/blog/vse-o-broshyurakh> (accessed October 11, 2022)
7. Dement'ev V.V. «Anketa rechevogo zhanra» T.V. Shmeljovoj: proshloe, nastojashhee, budushhee (k 30-ju zhanrovedcheskoj modeli) [T.V. Shmeleva's "Questionnaire of the speech genre: past, present, future (to the 30th anniversary of the genre model)] *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov: GosUNC «Kolledzh» Publ., 2020, pp. 252-262. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44291055> (accessed October 15, 2022).
8. Denisova N.V. *Reklamnye zhanry nauchno-obrazovatel'nogo diskursa* [Advertising genres of scientific and educational discourse]. Abstract of PhD dissertation. Tomsk, 2008, 26 p.
9. Dergileva E.N. Broshjura ili buklet? Problemy terminologii monopolosnyh izdanij [A brochure or a booklet? Problems of terminology of single-page publications]. *Sbornik trudov konferencii* [The Conference Proceedings]. Moscow: MGUDT Publ., 2015, pp. 234-237. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25558424> (accessed October 10, 2022).
10. Dubrovskaja O.N. Slozhnye rechevye sobytija i rechevye zhanry [Complex speech events and speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov: GosUNC «Kolledzh» Publ., 1999, pp. 97-102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36422431> (accessed October 16, 2022).

11. Kuzmenko S.A. Informacionnaja broshjura kak specificheskij pogranichnyj tip kreolizovannogo teksta [Information booklet as a specific boundary type of creolized text]. *Rossija: ot stagnacii k razvitiju (regional'nye, federal'nye, mezhdunarodnye problemy): sbornik materialov XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference (Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus, February, 2017)]. Stavropol': RIO IDNK Publ., 2017, pp. 651-654. URL: <https://www.idnk.ru/images/nauka/konferenc/30217.pdf> (accessed October 11, 2022).
12. Moshhanskaja E.J. Kukushkin D.A. Informacionnaja broshjura kak specificheskij zhanr obrazovatel'nogo diskursa: sopostavitel'nyj analiz [Information brochure as a specific genre of educational discourse: a comparative analysis]. *Perevod, reklama i PR v sovremennoj mezhkul'turnoj kommunikacii: materialy II gor. molodezh. nauch.-prakt. konf. M-vo obrazovanija i nauki Ros. Federacii* [Translation, Advertising and PR in Modern Intercultural Communication: Materials of the II City Youth Scientific and Practical Conference]. Perm': PNIPU Publ., 2016, pp. 65-72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27203564> (accessed October 11, 2022).
13. Rjumin R.V. Fenomen rechevogo zhanra social'noj reklamy v russkom jazyke [Phenomenon of social advertisement speech genre in the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [TSU Bulletin]. Tomsk: TGU Publ., 2011, pp. 30-33.
14. Fedosjuk M.J. Nereshennye voprosy teorii rechevyh zhanrov [Unsolved problems of the theory of speech genres]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics]. Moscow: «Nauka» Publ., 1997, no. 5, pp. 102-120.
15. Shmeljova T.V. Model' rechevogo zhanra [Speech genre model]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov: GosUNC «Koledzh» Publ., 1997, pp. 85-98.
16. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed October 09, 2022)
17. Eating Disorders Association. Eating disorders: a guide for friends and family. URL: <https://beat.contentfiles.net/media/documents/beat-carers-booklet-1.pdf> (accessed October 07, 2022)
18. What is a Brochure? URL: <https://www.edrawsoft.com/what-is-brochure.html> (accessed October 11, 2022).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ**Шитикова Ольга Васильевна**, студентка

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Оренбургской области «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460018, Российская Федерация
stilinskiolya@gmail.com*

Елагина Юлия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и практики перевода

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Оренбургской области «Оренбургский государственный университет»
пр. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская обл., 460018, Российская Федерация
elaginajulia85@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS**Olga V. Shitikova**, student

*Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg Region, 460018, Russian Federation
stilinskiolya@gmail.com*

Yulia S. Elagina, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Translation and Translational Studies, Orenburg

*Orenburg State University
13, Prospekt Pobedy, Orenburg Region, 460018, Russian Federation
juliaelagina@yandex.ru*

Поступила 20.01.2023

После рецензирования 07.02.2023

Принята 22.02.2023

Received 20.01.2023

Revised 07.02.2023

Accepted 22.02.2023

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-205-218
УДК 18

**ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КРАСОТЫ
В ЭСТЕТИКЕ АНТИЧНОСТИ**

Т.Г. Йованович

Исследование посвящено анализу понятия красота через мировоззренческие концепции философов античности Аристотеля, Платона, Пифагора и стоиков. Автор изучил основы развития философской мысли в период античной философии применительно к идеалистической концепции познания мира через понятие красота.

Материалом для исследования послужили работы античных философов, а также научные публикации по теме исследования.

Методом исследования является сопоставительный анализ, позволяющий обобщить теоретические и концептуальные основы понятий; метод интерпретации научных и художественных философских произведений; метод синтеза и аналогии полученных данных для систематизации и определения закономерностей концептуальных основ мировоззренческих позиций античных философов.

Результаты. В работах античных философов понятие красота рассматривается совместно со словами «душа», «тело», «благо», следовательно, имеет нравственное содержание. Оно использовалось в тесной взаимосвязи с представлением о прекрасном в окружающем материальном и духовном мире. Проанализировано и обобщено понятие красота в трактатах и рассуждениях философов античности. Автором дана оценка эстетической стороне идеалистической концепции понятия красота.

Исследуемый период характеризуется становлением и формированием антропологической эстетики, которая пришла на смену космо-

логической теории, и оказала огромное влияние на понятие красоты в природе и искусстве. В статье проведен анализ и интерпретация философских произведений Аристотеля и Платона, определены основы идеалистической концепции понятия красота в античной философии.

Автор рассмотрел идеалистический и субъективные подходы к понятию красота. Сделан вывод, что философы античности расширили данное понятие в искусстве и природе, сосредоточив свои высказывания на субъективной стороне отношений человека и окружающего его мира.

Ключевые слова: эстетика античности, понятие красоты, нравственность, прекрасное, гармония в природе и искусстве, абсолютная идея

Для цитирования. Йованович Т.Г. Философские концепции красоты в эстетике античности // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 205-218. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-205-218

PHILOSOPHIC CONCEPTIONS OF BEAUTY IN ANCIENT AESTHETICS

T.G. Yovanovich

The research work is devoted to the examination of the definition of beauty in ancient philosophers' worldview conceptions such as Aristotle, Platon, Pythagoras and Stoics. The author studied the basis development of philosophic ideas in the period of the ancient philosophy applied to idealistic conception of world understanding the definition of beauty.

Materials for research are based on works of ancient philosophers and scientific publications on the topic of research as well.

The **method** of research is a comparative analysis that allows synthesizing theoretical and conceptual basis of definitions; the interpreting method of scientific and fiction philosophy works; synthesis method and analogy of receiving data for systematization and definition patterns of world view ancient philosophers positions' conceptual basis.

Results. *The definition of beauty is examined consequently with words “soul”, “body”, “good”, so, it is morally oriented in the ancient philosophers’ work. It is used with strong relationship with idea about beauty in surrounding material and spiritual world. The conception of beauty was analyzed and generalized in the ancient philosophers’ treatises and arguments. The author evaluated aesthetics aspect of the idealistic conception of beauty.*

The period under consideration characterized by rising and formation of anthropological aesthetics replaced cosmological theory and made a great impact on the definition of beauty in nature and art. The author examined idealistic and subjective approach to the definition of beauty. The conclusion is that ancient philosophers enrich the definition of beauty in art and nature, focusing their statements on subjective side of the relationship between a person and surrounding world. The article presents the analysis and interpretation of Aristotle, Plato’s philosophical writings, defined idealistic concepts’ basis of beauty in ancient philosophy.

Keywords: *ancient aesthetics, the definition of beauty, morality, wonderful, harmony in nature and art, absolute idea*

For citation. *Yovanovich T.G. Philosophic Conceptions of Beauty in Ancient Aesthetics. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 205-218. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-205-218*

Введение

На рубеже VI–IV веков до н.э. под влиянием изменения философской концепции поиска смысла идеального в природе и искусстве через субъективное отношение человека и окружающей его действительности в античной философской мысли произошло становление и зарождение основных понятий и концептуальных основ. Философские рассуждения на темы человеческой природы понимались ими как часть философии, являясь частью единой картины мироздания, отличались гармоничностью в объединении научных догм и истин. Этот период характеризуется расширением понятия эстетики за счет выделения ее в отдельную область философского знания.

В философии само понятие красота менялось даже в пределах одной эпохи. Становление эстетической теории произошло в VI веке до н.э. и связано с периодом расцвета Древней Греции.

Новизна исследования определяется в особом контексте анализируемых философских трактатах и рассуждениях Сократа, Платона, Аристотеля, пифагорейцев, сторонников стоицизма, в которых изучено эстетическое понятие красота в парадигме концепций, связанных с идеалистическим материалистическим представлением картины мироздания.

Объектом исследования стало понятие красота в идеалистических рассуждениях философов античности.

Цель данного исследования в выявлении концепций понятия красота в различных философских школах Древней Греции и Древнего Рима. В соответствии с целью были сформулированы следующие **задачи**: изучить значение понятия красота в философских рассуждениях Пифагора, Сократа, Аристотеля, Платона, философств-стоиков; определить отношение значения красота в идеалистической концепции; дать оценку понятию прекрасного в концепции о нравственном поведении.

Результаты

Философ А. Лосев, описывая своеобразие философии античности, отмечал, что «вся античная философия является в конечном итоге не что иное, как «эстетика» [6].

Среди основателей античной философской мысли в Древней Греции выделяются имена таких выдающихся личностей как Сократ, Платон, Аристотель. Пифагорейцы (философы, относящиеся к союзу, основанному Пифагором в городе Кротон в VI веке до н.э.) были основными теоретиками искусства и эстетики. Эстетика понималась ими, как часть философии, она являлась частью единой картины мироздания, отличалась гармоничностью в объединении научных догм и истин. Сторонники Пифагора считали, что гармония в окружающей действительности существует во всех сферах и способствует в решении медицинских, математических, психо-

логических, эстетических, космологических и метафизических вопросов.

Гераклид Понтийский, философ-пифагореец в IV веке до н.э. утверждал, что «счастье заключается в знании совершенства чисел души», а музыку считал средством для очищения душ.

Таким образом, основным принципом для философского учения Пифагора стала гармония чисел, которую его сторонники называли числовыми симметриями. Как отмечал Аристотель, именно этот взгляд на астрономическую систему явился основой для размышления о ценности отдельных вещей в иерархической системе Вселенной.

Сократ в своих речах применял термин **калогатия** (*calos* – красота, *agatos* – добрый, хороший) для выделения взаимосвязи красоты, знания и всех добродетельных поступков человека. Таким образом, красивый, знающий, мудрый человек является калогатийным [3].

Сократ и его ученики трактовали искусство как особый вид творчества человека, а не высшего разума. При этом обсуждаемые темы отражали эпизоды из жизни людей, а не богов или мифологических существ, что было свойственно более ранним философским рассуждениям. Философская теория подражания у Сократа выступала, как теория подражания искусству человеческой жизни, человеческой деятельности, а не мирозданию в целом [15].

Влияние идей философии Сократа на концепцию антропологической эстетики объясняется тем, что он изменил и расширил представление красоты в искусстве и природе, собрав воедино положения о субъективном характере понятия об отношении человека с окружающей его действительностью. Он создал законченную, продуманную во всех деталях философскую концепцию эстетики, которая отвечала прогрессивным мыслям общества того времени.

Античные философы пользовались еще одним термином «**мимезис**» для характеристики деятельности человека, которая обладает возможностью к воспроизведению смысла, идеальной сущности, первообраза. Для последователей Пифагора, например, музыка обладала такими свойствами, так как являлась подражанием, «подслушиванием» музыки небесных сфер [5].

Сократ руководствовался совершенно иными представлениями об идеальной сущности. Отличительные особенности, которые существовали в его философских высказываниях о фактическом, единичном и всеобщем, а далее сближение всеобщего с идеальным смыслом действительности позволили трактовать некоторые виды деятельности человека, используя эстетическое наполнение поступков [2].

В учении о философии искусства эстетика Платона представляет мифологизированное учение о происхождении прекрасного. Это понятие в его учении вынесено за пределы понятия искусства, поставлено выше искусства, за пределы материального мира, относится к категории мыслей и чувств человека [13].

Рассматривая прекрасные предметы, философ делает вывод о том, что прекрасное не материально, это абсолютная идея. Например, рассматривая прекрасную девушку, лошадь, камень, Платон приходит к выводу, что прекрасное не содержится в них, но существуют качества, которые заставляют их быть или казаться прекрасными [14].

В произведении Платона «Гиппий Большой» действующие лица, Сократ и Гиппий, ведут диалог, в ходе которого философы проходят через целый ряд умозаключений для постижения категории красоты. Это любование красивыми предметами и людьми, их душами, мыслями. Философ раскрывает ряд качеств, когда предмет может считаться красивым. То, что является подходящим, пригодным по отношению к определенному предмету, способен сделать нечто, ведущее к благу, что делает его уникальным и прекрасным. В диалогах есть рассуждения, откуда происходит понятие красоты, подходящее, «что своим появлением заставляет казаться прекрасным каждый предмет из числа тех, которым оно присуще, или же это то, что заставляет быть прекрасным». Если человек демонстрирует своими поступками силу, мощь, как физическую, так и душевную, а также наделен нравственной красотой - это также делает его прекрасным. «Прекрасные тела, прекрасные установления, мудрость – прекрасны потому, что они полезны» [10].

Идея абсолютной красоты как внутренней, так и внешней лежит в основе идей Платона о красоте государственного устройства. Философ выражает свое отношение к людям с четкой, справедливой жизненной позицией, совершенные граждане «в государственных делах в своем государстве быть могущим прекрасно, а немощным – всего безобразнее». Прекраснее всего в государственных делах Платон считал «благоукрашение государств и домов», наполняя все здоровым смыслом и справедливостью. Помощь хорошим людям ради добродетели считается прекрасным, распущенность постыдным [12].

В основе эстетики Платона лежит рациональное начало, таким образом, постичь прекрасное возможно благодаря разуму. В произведении «Пир» автор вкладывает в откровения Эроса, сына бога богатства Пороса и бедной женщины Пенни, глубокий смысл о любви и дружбе телесной и духовной. Платон считал, что прекрасное существует вечно, оно статично, так как «ни уничтожается, ни возникает, ни увеличивается, ни убывает» [11].

В основе идеалистической эстетики есть утверждение, что красота – это идеальная сущность, понимаемая как добродетель, наполненная божественным вдохновением и приобщенная к вечному.

В своем учении Платон указывал на проявление абсолютной красоты, которая доступна не каждому человеку, а только, когда глаза утрачивают «остроту зрения», и обретают остроту чувственную, позволяющую постичь «божественную красоту» души и тела, нечто вечное, «не знающее ни рождения, ни гибели». Таким образом, прекрасное представляется не в виде какой-то части тела, определенного человека, животного, определенного предмета или явления, а само по себе, всегда единообразно, то есть «его не становится ни больше, ни меньше, а также никаких воздействий оно не испытывает».

В диалоге «Филеб» Платон утверждает, что под красотой форм следует понимать красоту живых существ, они вечно прекрасны сами по себе, по своей природе. Познать прекрасное можно находясь в особом состоянии «сверхчувственности», когда «бессмертная душа» еще была в мире идей вне физического тела. Созерцание

и познание красоты доставляет человеку особое удовольствие. Наивысший этап познания красоты происходит через знания.

Таким образом, Платон связывает идею красоты, как эстетическую основу бытия и познания с этической теорией о благе. В произведении «Филеб» философ указывает на красоту при восприятии прекрасных форм, звуков. В данном произведении Платон рассматривает чувственную и сверхчувственную красоту, причем у него они являются отражением друг друга. На протяжении всего произведения красота становится неотъемлемой частью блага.

Некоторые считают, что благом в жизни всех живых существ является радость, наслаждение, удовольствие. Однако, Сократ, философ в произведении Платона «Филеб», опровергает эти выводы, и абсолютно иные категории становятся для него главными в поиске познания блага. Среди основополагающих качеств можно назвать рассудительность, мышление, память, правильное мнение, верное умозаключение. Обладая такими свойствами души, человек может жить правильно, радоваться, при этом сохранить красоту своей души в пределах приобщения ее к вечной добродетели.

В «Федре» однако, Платон утверждает, что только красота, в отличие от мудрости, может воздействовать на зрение и слух.

Мир вокруг нас прекрасен – этот тезис прошел через всю историю древнегреческой и античной эстетики [9].

Аристотель в своем философском трактате «Поэтика. Риторика» дает определение прекрасному, как некому благу «то, что, будучи желательно само ради себя, заслуживает похвалы или что, будучи благом, приятно». Далее он называет прекрасное «безотносительным благом», сравнивая его с понятием «полезное», которое является существенным, материальным благом для человека.

Среди поступков человека, как подчеркивал Аристотель, одни совершаются по причине того, что они полезны, другие направлены на то, что прекрасно. В первую очередь люди думают о необходимых, то есть полезных вещах, но чаще совершают поступки ради прекрасного, «...следует уметь делать то, что необходимо и полезно, однако прекрасное стоит выше этого».

Аристотель полагал, что красота – это объективное качество явления «прекрасное – и животное и всякая вещь, – состоящее из известных частей, должно не только иметь последние в порядке, но и обладать не какую попало величиной: красота заключается в величине и порядке». Таким образом, великий философ наделяет объект, которому присуща идея прекрасного, принципом соразмерности относительно человека: «...ни чрезмерно малое существо не могло бы стать прекрасным, так как обозрение его, сделанное в почти незаметное время, сливается, ни чрезмерно большое, так как обозрение его совершается не сразу, но единство и целостность его теряются» [1].

Для него вопросы эстетики были тесно связаны с проблемами поэтического построения и использования речевых конструкций при общественных выступлениях, а также общефилософские вопросы первопричины поступков человека, нравственности, душевной доброты и красоты, гармонии в искусстве и природе [4].

Основываясь на этих положениях, Аристотель понимает искусство, как деятельность человека, через него отражаются те вещи, форма которых находится у него в душе. В своем трактате он отмечает, что в основе любого искусства находится «мимезис», таким образом, искусство подражает окружающей человека действительности, оно имеет миметическую природу. Однако не следует его относить к категории полного подражания, искусство выявляет лишь общее, типичное, идеальное с его дальнейшим материальным воплощением. Таким образом, Аристотель считал, что «искусство не всегда изображает прекрасное, но всегда прекрасно изображает».

В школах античной философии Древней Греции одним из направлений изучения эстетического отношения к окружающему миру явился стоицизм, философская школа, зародившаяся в Афинах около 300 года до н.э. и имевшая последователей и в Древнем Риме. Пересмотр некоторых духовных идеалов, расширение многих понятий в период поздней античности и периоды Византии, события, связанные с развитием христианства, отразились на эстетическом сознании философов Древней Греции и Рима. Со II–III в. н. э. в

духовной культуре Римской империи начинают складываться новые эстетические представления, составившие впоследствии основы собственно византийской эстетики [4].

Основателем стоицизма стал Зенон Китайский. В своем учении он выделял два вида красоты: нравственной и духовной, физической и телесной. Стоики отдавали предпочтение внутренней красоте, считая именно ее высшей добродетелью, образцом нравственности и морали.

Любая добродетель представляется проявлением способности к познанию и уважению среди окружающих, таким образом, это качество личности способствует получению общего блага. Все аморальные и безнравственные деяния ведут к уничтожению добродетельной личности, утрате человеческой сущности человека. Люди, желающие обрести личную свободу, обладающие понятиями моральных норм составляют основу крепкого мироустройства. При формировании себя, как личности, необходимо также руководствоваться высказыванием греческого философа-стоика Клеанфом «*Ducunt Volentum Fata, Nolentum Trahunt*» (лат. – «Желающего судьба ведет, нежелающего – тащит»). Познание физических и духовных возможностей, осознание внутренней свободы, придает силы и наделяет личность особым разумом. Таким образом, хорошие поступки, добрые стремления в человеке являются признаком человека высоконравственного, который самостоятельно выражает свое стремление стать таковым. В философском учении стоиков есть также понятие «подобающий поступок», когда деяние совершается в соответствии с предрасположенностью человека к совершению данного поступка. Для достижения внутренней красоты, человеку следует целенаправленно развивать свою личность, проявлять характер, противостоять внешним трудностям и природной склонности к свершению определенных, возможно, некрасивых поступков [3].

Исследователь Марчукова Е.С. отмечает, что стоики определяют внутреннюю свободу личности, как высшую ценность: «Тот, кто думает, что рабство распространяется на личность, заблуждается: его лучшая часть свободна от рабства» [8].

Целью добродетельного человека является желание жить в гармонии с природой, терпеть там, где невозможно изменить жизненные обстоятельства. Термин «адиафора» также используется в этике стоиков для понимания безразличного отношения к вещам, которые ничего не значили для достижения счастливой жизни. В христианстве это понятие существует для обозначения вещей, в которых нет необходимости для спасения души.

Эстетическими аспектами философии также занимались древнеримские представители стоицизма, которые рассматривали природу красоты, считая, что «красота души делает прекрасным тело». Сенека в «Нравственных письмах к Луцилию» считает красоту души высшей добродетелью, он вводит понятие «люди добра». У них все дела получают «достойными любви и удивления» [7].

Философы исследуемого периода в своих работах подробно изучали человека и его дела, природу, «источники бытия и порядка, целесообразности, провидения, блага и добродетели». Особое значение придавалась понятиям прекрасного, добродетельного, приносящего особые блага человеку, который их совершает. Знание и труд у античных философов ценились особо, поэтому считались высшей добродетелью.

Рассуждая о личности, способного к совершению прекрасных и мудрых дел, направленных на благо общества, Платон пришел к выводу о необходимости и пользе полезных качеств, которые человек способен воспитать в себе сам.

Таким образом, понятие о законах нравственности находит отражение в изречениях всех философов античности. Особо ярко концепция нравственной добродетели прослеживается в работах Платона и Аристотеля. Они связывали прекрасное и доброе, красоту души и тела, объединив эти два понятия одним термином «калокагатия». Платон считал, что добропорядочному человеку свойственно делать свой выбор в сторону лучшего и прекрасного, не только относящемуся к внешнему, но и внутреннему миру, а, следовательно, к нравственной составляющей.

Аристотель считал, что понятие прекрасного сочетается с добродетельностью. Прекрасное является причиной блага, поэтому все прекрасное обладает высоким нравственным содержанием.

Заключение

Таким образом, в этот период развития философской мысли на первый план выступают не общие идеи мироздания, а субъективное отношение человека и окружающей его действительности. Это был абсолютно новый подход к представлению человека о мире и его роли в нем, сделанный в пределах античной философской мысли.

В противоположность натурфилософам, которые классифицировали красоту, как свойство, присущее избранным предметам и явлениям, философы античности ввели это понятие в сферу, относящуюся к разуму человека и его мыслям, которые не подвластны миру материальных вещей и предметов, придали особый смысл красоте в рамках концепции об идеальном.

Итак, в период античности впервые была сделана попытка придать смысл идеальному способу бытия предмета, существующему самостоятельно и объективно, для критерия признака красоты в результате соотнесения предмета с понятием о красоте.

Само понятие красота, а также эстетическое составляющая идеалистической концепции добродетели красивых чувств и поступков активно применялось в рассуждениях и трактатах античными философами в исследуемую эпоху.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Риторика. – Санкт Петербург: «Издательство Азбука», 2000. – 119 с.
2. Боннар А. Греческая цивилизация от Иллиады до Парфенона. – М.: Искусство, 1992. – 269 с.
3. Боров Ю.Б. Эстетика: учебник. – М.: «Высшая школа», 2002. – 511 с.
4. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. – СПб., 1995. – 193 с.
5. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян / Алексей Федорович Лосев. – Москва : Мысль, 1996. – 975 с
6. Лосев А.Ф. История античной эстетики. – М.: «Издательство АСТ», 2000. – 624 с. History of ancient Esthetics “Publishing House AST”, 2000. – 624 p.

7. Луций Сенека. Нравственные письма к Луцилию. [Электронный ресурс]. URL: www.100bestbooks.ru (дата обращения: 11.11.2022).
8. Марчукова Е.С. Николай Кузанский о красоте и ее видении// Философская мысль, 2017 №12. – С. 19-31.
9. Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. – М.: Наука, 1979. – 264 с.
10. Платон. Гиппий Большой. Гиппий Меньший. Полное собрание творений Платона в 15-ти томах/ Под ред. С.А. Жевелева, Э.Р. Радлова, т. IX – Ленинград.: «Academia», 1924 – 144 с.
11. Платон. Пир. – М.: «Риполл – Классик», 2020. – 511 с.
12. Платон. Филеб. Полное собрание творений Платона в 15–ти томах/ Под ред. Э.Р. Радлова, т. IV– Ленинград.: «Academia», 1929 – 198 с.
13. Столович Л.Н. Философия красоты. – М.: Политиздат, 1978. – 118 с.
14. Татаркевич В. Античная эстетика. – М., «Искусство», 1997. – 327 с.
15. Шестаков В.П. Гармония как эстетическая категория. Издательство «Наука». – М., 1972. – 256 с.

References

1. Aristotel. *Poetika. Ritorika* [Poetry. Retic]. - St Peterburg. “Publishing House”, 2000, 119 p.
2. Bonnar A. *Grecheskaya civilizaciya ot Illiady do Parfenona* [Greece civilization from the Iliad to Parthenon]. – М.: Art, 1992, 269 p.
3. Borev YU.B. *Eстетика: uchebник* [Esthetics: text-book]. – М.: «High School», 2002, 511 p.
4. Zelinskij F.F. *Istoriya antichnoj kul'tury* [Ancient Culture History]. – St Peterburg, 1995, 193 p.
5. Losev A.F. *Mifologiya grekov i rimlyan* [Greek and Romans’s Mythology]. – Moscow: Idea, 1996, 975 p.
6. Losev A.F. *Istoriya antichnoj estetiki* [History of Ancient Esthetics]. – М.: «Publishing House AST», 2000, 624 p.
7. Lucij Seneka. *Nravstvennye pis'ma k Luciliyu* [Moral Letters to Lucilius]. [Elektronnyj resurs]. URL: www.100bestbooks.ru (accessed: 11.11.2022).
8. Marchukova E.S. *Nikolaj Kuzanskij o krasote i ee videnii* [Nick Kuzanskiy about beauty and its vision]// Philosophy idea, 2017 №12. – P. 19-31.

9. Nersesyanc V.S. *Politicheskie ucheniya Drevnej Grecii* [Political conception of Ancient Greece]. – М.: Science, 1979, 264 p.
10. Platon. *Gippij Bol'shij. Gippij Men'shij. Polnoe sobranie tvorenij Platona v 15-ti tomah* [Hippias Major. Hippias Lesser. Full edition of Plato's creations] /Edited by S.A. Zheveleva, E.R. Radlova, t. IX– Leningrad.: «Academy», 1924 , 144 p.
11. Platon. *Pir* [The Feast]. – М.: «Ripoll-Classik», 2020, 511 p.
12. Platon. *Fileb. Polnoe sobranie tvorenij Platona v 15-ti tomah* [Fileb. Full edition Plato's creations]/ Edited by E.R. Radlova, t. IV– Leningrad.: «Academy», 1929 – 198 p.
13. Stolovich L.N. *Filosofiya krasoty* [Philosophy of Beauty]. – М.: Politizdat, 1978, 118 p.
14. Tatarkevich V. *Antichnaya estetika* [Ancient Esthetics]. – М., «Art», 1997, 327 p.
15. Shestakov V.P. *Garmoniya kak esteticheskaya kategoriya* [Harmony as an Esthetical category]. Publishing House «Science». – М., 1972, 256 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Йованович Тамара Георгиевна, кандидат педагогических наук,
доцент
*Волгоградский государственный технический университет
пр. имени В.И. Ленина, 28, г. Волгоград, 400005, Российская
Федерация
srdjan@live.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tamara G. Yovanovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate
Professor
*Volgograd State Technical University
28, pr. V.I. Lenin, Volgograd, 400005, Russian Federation
srdjan@live.ru*

Поступила 16.02.2023

После рецензирования 19.02.2023, 08.03.2023

Принята 12.03.2023

Received 16.02.2023

Revised 19.02.2023, 08.03.2023

Accepted 12.03.2023

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-219-237
УДК 811.111 + 930.2

ОБРАЗЫ УММЫ И МУСУЛЬМАН В РОМАНАХ ЦИКЛА «ДЮНА»: ИМИТАЦИЯ И СИМУЛЯЦИЯ

М.В. Курчанов

Обоснование. Автор анализирует тексты цикла «Дюна» в контекстах достижений междисциплинарной историографии, которая предложила универсальные методы, позволяющие анализировать «ориентальные» образы в литературе через призму конструирования и деконструкции нарратив, формирующих образ ислама.

Цель. Целью статьи является «ориенталистская» реинтерпретация исламских образов в романах, принадлежащих к циклу «Дюна», включая тексты оригинального цикла и приквелы, представленные «Дюна», «Мессия Дюны», «Дюна. Батлерианский джихад» и «Дюна. Пол».

Материалы и методы. Автор использует методологический инструментарий, предложенный интеллектуальной историей и исследованиями национализма, включая концепцию изобретения традиций, которая позволяет анализировать образы ислама в научной фантастике как одну из изобретенных традиций американской массовой литературы на примере текстов цикла «Дюна». Ориентализм как метод используется для анализа мусульманских мотивов в прозе Ф. Херберта, Б. Херберта и К. Андерсона, которые, как полагает автор, вдохновлены политическими, идеологическими и религиозными стимулами. Автор полагает, что ориенталистский подход является эффективной интерпретационной моделью для междисциплинарного анализа американской научной фантастики как пространства развития образов ислама.

Результаты. *Тексты цикла «Дюна» реинтерпретированы как попытки ассимиляции и имитации образов ислама в массовой культуре. Изучены ориентальные политические и идеологические основания развития мусульманских образов в американской научной фантастике. Особое внимание уделено анализу политического послания, транслируемого романами цикла «Дюна» с помощью образов ислама. Автор анализирует мусульманские образы через призму их имитации и симуляции в романах, формирующих цикл «Дюна». Автор полагает, что анализируемые тексты, будучи частью широкого дискурса западного культурного и политического ориентализма, формируют образ ислама доступный для понимания и потребления в массовой культуре современного общества.*

Ключевые слова: *Фрэнк Херберт; Брайан Херберт; Кевин Андерсон; «Дюна»; ориентализм; ориентальные образы; ислам; сунниты; шииты; джихад*

Для цитирования. *Кирчанов М.В. Образы уммы и мусульман в романах цикла «Дюна»: имитация и симуляция // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 219-237. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-219-237*

IMAGES OF THE UMMAN AND MUSLIMS IN THE NOVELS OF THE DUNE CYCLE: IMITATION AND SIMULATION

M. W. Kyrchanoff

Background. *The author analyzes the texts of the Dune cycle in contexts of the achievements of interdisciplinary historiography, which proposed universal methods that allow analyzing “Oriental” images in literature through the prism of constructing and deconstructing the narratives that form the image of Islam.*

Purpose. *The purpose of the article is an “Orientalist” reinterpretation of Islamic images in the novels belonging to the Dune cycle, including the texts of the original cycle and sequels presented by Dune, Dune Messiah, Dune. Butlerian Jihad and Dune. Paul.*

Materials and methods. *The author uses the methodological tools offered in intellectual history and studies of nationalism, including the concept of the invention of traditions, which allows us to analyze the images of Islam in science fiction as one of the invented traditions of American mass literature using the texts of the Dune cycle as sources corpus. Orientalism as a method is used to analyze Muslim motifs in the prose of F. Herbert, B. Herbert and K. Anderson, which, as the author believes, were inspired by political, ideological and religious stimuli. The author believes that the orientalist approach is an effective interpretative model for an interdisciplinary analysis of American science fiction as a space for the development of Islamic images.*

Results. *The texts of the Dune cycle are reinterpreted as attempts to assimilate and imitate the images of Islam in popular culture. Oriental political and ideological backgrounds for the development of Muslim images in American science fiction are studied. Particular attention is paid to the analysis of the political message broadcast by the novels of the Dune cycle with the help of images of Islam. The author analyzes Muslim images through the prism of their imitation and simulation in the novels that form the Dune cycle. The author believes that the analyzed texts, being part of the wide discourse of Western cultural and political Orientalism, form the image of Islam accessible for understanding and consumption in the mass culture of modern society.*

Keywords: *Frank Herbert; Brian Herbert; Kevin Anderson; Dune; orientalism; oriental images; Islam; Sunnis; Shiites; jihad*

For citation. *Kyrchanoff M.W. Images of the Ummah and Muslims in the Novels of the Dune Cycle: Imitation and Simulation. Sovremennyye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 219-237. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-219-237*

Введение

На протяжении XX в. западная культура развивалась в условиях постоянно растущего интереса к проблемам как в истории, так и современности Востока. Важнейшими стимулами, которые усиливали интерес европейских и американских интеллектуалов к восточной

проблематике стали национальные и освободительное движение в странах Востока, которые нередко проходили под религиозными лозунгами. Кризис и распад Османской империи, деколонизация Востока, появление независимых стран привели к росту заинтересованности западных элит в новых государствах, которые воспринимались не только как потенциальные рынки сбыта, но и как сферы влияния, а также пространство для реализации интересов правящих политических элит западных стран. Кроме этого, Восток превратился в арену противостояния различных европейских проектов и идеологий. Европейские и американские политические элиты стремились поставить под контроль или оказывать влияние на различные политические режимы арабского Востока, которые в своих идеологических предпочтениях могли колебаться между левыми и правыми идеями. Во второй половине XX в. важным новым автором в истории подобного политического противоборства стал Советский Союз. Таким образом, интерес к мусульманскому Востоку стимулировался конфронтацией между двумя различными идеологическими системами, которая проявлялась не только в политической, но и в культурной сфере, включая литературу.

Научная фантастика как форма локализации образов ислама в массовой культуре

Среди американских писателей, которые внесли значительный вклад в актуализацию восточных мотивов, стилизованных под ислам, особое место в американской литературе принадлежит Фрэнку Герберту – автору цикла романов «Дюна». Тексты Ф. Герберта и его наследника Б. Герберта, который в авторстве с К. Андерсоном продолжил развивать цикл «Дюна», в целом могут быть локализованы в рамках традиционной научной фантастики. Вместе с тем, принимая во внимание гетерогенность американской литературы в целом и ее научно-фантастического сегмента в частности, тексты Ф. Герберта и его наследников формируют ее высший уровень, в целом оставаясь при этом и частью массовой литературы общества потребления. Относительно высокое качество романов цикла «Дюна» стало следствием знакомства авторов как оригинального цикла, так

и многочисленных продолжений, приквелов и сиквелов с основами восточной истории, философии и религии.

Особое место в цикле романов «Дюна» занимают религиозные образы, которые традиционно в научной литературе воспринимаются как мусульманские, хотя, принимая во внимание внешние стимулы и общую культурную атмосферу западного общества времени появления анализируемых текстов, более корректным представляется локализовать и картировать религиозные образы между буддизмом и исламом. Последнее сопряжено с противоречиями как методологического, так и идеологического свойства. Что касается отношения самих мусульман к подобному сопоставлению, то оно, как правило, встречает крайне негативную реакцию, что связано с особенностью мусульманского религиозного вероучения. Тем не менее, анализируя тексты цикла «Дюна», мы можем предположить, что основу религии воображаемых сообществ, которые фигурируют в романах, составляет, конечно же, ислам или религиозная система, описанная в явно мусульманской стилистике.

Цель и задачи

В этом контексте романы цикла «Дюна» являются важными памятниками формирования и развития мусульманских образов в американском научно-фантастическом дискурсе. Поэтому целью данной статьи является осмысление и анализ мусульманских мотивов в американской научной фантастике. В число задач автора входит 1) изучение особенностей отражения исламской проблематики в романах цикла «Дюна», 2) анализ основных направлений раскрытия мусульманских образов Ф. Гербертом и его наследниками, а также 3) выявление той роли, которую романы рассматриваемого цикла играли в трансформации как представлений об исламе так образов Востока в западном обществе и американо-европейском культурном дискурсе конца XX – начала XXI в.

Методология

Исходя из поставленной цели и задач, методология статьи может быть определена как междисциплинарная. С одной стороны, автор

ориентируется на приемы интерпретации нарративных источников, которые активно использовались в западной междисциплинарной историографии. Поэтому автор полагает, что исламские мотивы можно интерпретировать не только как проявление позднего ориентализма в американской научной фантастике [18]. С другой стороны, определенную роль в методологии, которая используется в данном исследовании, играют теории воображения сообществ и изобретения традиции. Трансплантируя их основные положения в анализ как оригинального, так и более позднего дискурса, описывающего миры «Дюны», романы Ф. Герберта и его наследников представляют пример социо-культурного конструктивизма. Ф. Герберт и его продолжатели фактически стали конструкторами и создателями новых идеальных реальностей, наделяя воображаемые ими сообщества определенными политическими изобретенными традициями, что позволило предложить альтернативный проект идентичности, которая сочетает в себе как восточные, так и западные элементы. Последнее достигается путем активной симуляции и имитации исламского дискурса.

Источники

Источниковый корпус статьи ограничен текстами, которые входят в оригинальный цикл «Дюна», написанный Ф. Гербертом, и в серию приквелов, авторами которой являются Б. Герберт и К. Андерсон. Поэтому в качестве источников, которые, по мнению автора, в наибольшей степени актуализируют и визуализируют образы ислама, являются романы Ф. Герберта «Дюна» [2; 12] и «Мессия Дюны» [3; 11], а также его наследников «Дюна. Батлерианский джихад» [1; 10].

Особенности конструирования мусульманских образов Ф. Гербертом и его наследниками

«Исламское» в оригинальных романах и спинноффах, формирующих цикл «Дюна», разнообразно, будучи представленным образами 1) верующих, которые исповедуют ислам в форме, представленной в фантастических и воображенных Ф. Гербертом и его наследника-

ми обществах, 2) джихада, как военного и политического института, содействующего продвижению религиозной доктрины, 3) ислама как фактора борьбы за социальную справедливость и политическое освобождение. Если во второй половине 1960-х гг. «ислам в Соединенных Штатах был в основном прерогативой чернокожих националистов» [14], то Ф. Герберт трансплантировал его в дискурс научной фантастики, лишая его маргинальности, и, тем самым, интегрируя в мейн-стрим. Анализируя эти «мусульманские» мотивы во внимание следует принимать то, что в качестве таковых они могут быть определены со значительной долей условности. Ни Ф. Герберт, ни его наследники не ставили перед собой задачи формирования относительно реалистического образа ислама и его отражения в своих текстах. В романах, которые формируют цикл «Дюна», мы фиксируем имитацию и симуляцию ислама, так как «мусульманское» было интегрировано в число допустимых и, как следствие, продаваемых тем, что сделало возможным актуализацию подобных религиозно маркированных образов в американской научной фантастике. Поэтому ни Ф. Герберт, ни Б. Герберт и К. Андерсон не только не ставили перед собой цели реалистического описания ислама, но их подчиненность логике развития фантастической литературе и следование за запросами и потребностями общества потребления и действующих в его рамках рыночных институтов привело к тому, что «исламские» мотивы в анализируемых текстах формируют, воображают и конструируют образ ислама в недопустимой для верующих мусульман форме. Поэтому фактически проза Ф. Герберта и его наследников визуализирует не ислам и мусульман, но только одно из видений мусульманского Востока, сфера пребывания которого редуцируется текстами цикла «Дюна», анализируемыми в представленной статье.

**Дзенсунниты, дзеншиты, фримены:
умма вселенной «Дюны»**

В романах цикла «Дюна», наполненных «явными исламскими образами и культурными элементами» [17], фримены представляют собой синтетический образ верующих и практикующих мусульман,

точнее – потомков мусульманских переселенцев, которые на протяжении нескольких тысячелетий оказались рассеяны по различным планетам. Историческими предшественниками фрименов были дзенсунниты, описанные наследниками Ф. Герберта. В «Батлерианском джихаде» потомки мусульман, которые в результате колонизации заселили многочисленные миры, предстают как «пацифисты до мозга костей. Когда пришли мыслящие машины, у этих трусов не хватило мужества сразиться с ними... у дзенсуннитов не было замков на дверях и не было мест, куда можно было бы спрятаться. Как и все последователи буддизма, они были мирными людьми» [1, с. 240, 243].

Коллективный прототип дзенсуннитов не может быть определен однозначно, но в историографии высказываются две точки зрения. Сторонники первой считают, что их прообразом стали мусульмане в то, время как приверженцы второй настаивают на том, что «ценности фрименов поразительно схожи с американскими» [4, с. 85]. Вместе с тем, как полагает Ибрагим аль Мараш, «Дюна» в большей степени актуализирует стереотип не о покорности и пассивности мусульман перед лицом диктатуры, а, наоборот, визуализирует «троп сопротивления империи» [6]. Формальная практика ислама, основанная на лояльности властям, позволила «хунте тиранов овладеть контролем над обслуживающими мыслящими машинами и использовать их для насильственного захвата власти и смещения галактического правительства» [1, с. 266].

В результате мусульмане, которые составляли большинство населения вселенной, описанной в цикле «Дюна», изменили свой социальный статус, став рабами не представителей других конфессий, но машин, возникших как следствие неконтролируемого технического прогресса: «не важно, богаты мы или бедны, сильны или слабы, умны или глупы, мыслящие машины относятся к нам как к кускам мяса, совершенно не понимая, в чем состоит сущность человека» [Там же, с. 295].

Комментируя многочисленные восточные образы, которые прочитываются как мусульманские, Х. Дуррани полагает, что при-

мененные Ф. Гербертом «семиотические инструменты обладают огромной силой, а его отсылки порождают глубокую “мусульманственность”, выходящую за рамки простой ориенталистской эстетики, хотя это не означает, что романы не являются ориенталистскими в других отношениях» [8]. Ориентализм прозы Ф. Герберта и его наследников проявляется в их стремлении ассимилировать и интегрировать в канон американской фантастической прозы наиболее узнаваемые аспекты, связанные с образом ислама на Западе.

Поэтому ориентальное в текстах, формирующих цикл «Дюны», практически всегда прочитывалось как «политическое» в контекстах социальной, антиколониальной и религиозной борьбы колонизированных против колонизаторов. Вместе с тем «Дюна» представляет собой «сложное произведение, не вписывающееся полностью в ориенталистские тропы» [17], что, вероятно, осознается и современными интерпретаторами текста, превратившими его в основу для экранизации 2021 г., хотя последняя, по мнению критиков, стала менее политически и идеологически маркированной, актуализировав, наоборот, ориенталистские стереотипы [8].

В рамках такой логики конструирования текста критика авторитарного правления машин сторонниками направленного против них джихада пересекается с идеями аятоллы Хомейни, который осуждал недемократические, по его мнению, режимы, которые угнетали мусульман: «посмотрите на народы, которые были растоптаны Советами, защитниками «народа», и которые потеряли все, что имели. Народы Советского Союза, мусульмане и другие, находятся в тяжелом положении под диктаторским гнетом Коммунистической партии; они лишены всякой свободы и подвергаются удушению, которое является худшим из всех диктатур в современном мире» [5].

Наследники Ф. Герберта не выражали антикоммунистический нарратив, но их антиавторитарная наррация была направлена против как социальной несправедливости со стороны элит, так и угрозы искусственного интеллекта. Поэтому критики такой модели развития восприняли религиозную идентичность как основу протеста, который во вселенной Дюны протекал в форме религиозной

войны. Образ фрименов в оригинальной «Дюне» сформировался под влиянием более раннего ориентализма. Поэтому фримены, которые «должно быть, являются смелым народом... так как живут на краю пустыне. Безусловно, они посвящают своим ножам песни. Их женщины свирепы не менее, чем мужчины, даже дети вольного народа склонны к насилию и опасны» [2, с. 62], описаны в романе как мусульмане. Их образ жизни и традиции имеют параллели с реалиями политической, социальной и культурной жизни арабов. В тексте «Дюны» предполагается, что «фримены дисциплинированы, вымуштрованы и невежественны. Они вовсе не обезумели. Просто их с детства учили верить не задумываясь. Теми, кто верит, можно манипулировать. Только знания опасно» [3, с. 34].

Такие фримены, с одной стороны, в значительной степени отличны от своих предшественников, которые «удалились в пустыни Арракиса, они превратились в собирателей, причем не слишком храбрых. Даже во время своих самых дальних походов в пустыню за кореньями и мелкими животными эти бродяги не отваживались терять из виду родные скалы и не углублялись в пески, где водились демонические черви» [1, с. 311]. С другой – условные мусульмане, смилившиеся с тем, что «после тысячелетнего рабства никакие перемены к лучшему не казались возможными» [Там же, с. 378] и составляющие большинство верующих вселенной, описанной Ф. Гербертом и его наследниками, предстают как жертвы социального угнетения, которые не только «привыкли к несчастьям, они могли терпеть рабство хоть несколько поколений. Не важно, в чем будет заключаться испытание, люди знали, как его вынести. Из всех сказок, мифов, заветов и пророчеств он больше всего любил слушать одно – обещание того, что все несчастья в один прекрасный день закончатся» [Там же, с. 342], но и пытались легитимировать саму идею собственного освобождения с помощью фактически традиционной, то есть традиционной риторики.

Такая модель существования была построена на принципах редукции общества до уровня традиционных религиозных общин практикующих верующих. Доминирование традиционного религиозного сознания в рамках исторической логики развития обществ

воображаемой вселенной цикла создает условия для институционализации политической модели, основанной на религиозном фундаментализме. Вместе с тем не представляется возможным, исходя из содержания других романов «Дюны» в целом, утверждать, что результатом политической и социальной борьбы фрименов стала исламская модель государства в силу того, что мы имеем дело в этих текстах не с отражением реальных образов и исторического опыта ислама, но с имитацией последних. Как Ф. Герберт, так и его литературные наследники имитировали образ ислама, редуцируя его до религии, основанной на авторитарном подчинении власти, так как элиты, понимающие, что «человек по самой своей природе склонен к мятежу. Это характеристическая черта данного биологического вида. Рабы никогда не будут до конца нам верны, независимо от того, сколько поколений они будут нам служить. Доверенные люди, рабочие – не важно... путем целенаправленной селекции из их мозгов удалены всякие помышления о бунте» [Там же, с. 329].

Подобное восприятие верующих в прозе «Дюны» призвано актуализировать различные подходы к их понимаю, представленные двумя точками зрения – мнением колонизаторов и самих колонизируемых. Первые, подобно реальным европейским колонизаторам на мусульманском Востоке, активно используют религиозный фактор, понимая, что «религия и закон для масс должны быть едины, акт неповиновения должен являться грехом и наказываться священством. Отсюда следует двойная выгода объединения народа и усиление в нем повиновения и храбрости. Но полагаться мы должны не на храбрость личностей, а на храбрость населения в целом» [2, с. 416]. Последнее в оригинальной «Дюне» предстает как традиционное общество, вынужденное контактировать с более развитыми в техническом плане представителями инопланетных культур, что определяет контуры и направления социального и экономического взаимодействия колонизированных с колонизаторами: «когда мы приходим в деревни и города, мы вынуждены скрывать свое происхождение, прятаться среди людей» [Там же, с. 426].

Такой модели отношений предшествовала более жесткая иерархическая модель развития, центральным элементом которой являл-

ся институт рабства, оправдывавшегося тем, что «каждый человек должен безропотно исполнять свою роль в механизме гигантской машины цивилизации» [1, с. 196], так как «люди не созданы равными, и в этом корень социальных потрясений» [Там же, с. 237]. Это понимание вытекало из предшествующего политического опыта, основанного на «глубинной борьбе, на одном конце которого деспотизм, а на другом – рабство» [Там же, с. 337]. Несмотря на такое явное социальное неравенство, победа восставших во вселенной «Дюны» не приводит к экономическому освобождению, стимулируя рост религиозного радикализма, чем и пользуются их политическим оппоненты, заявляющие, что «вы, фримены, дегенерируете. У вашего главы нет Бога, кроме него самого» [3, с. 6].

Отталкиваясь от логики ориентализма, возникшей под влиянием колониализма, представители элит предпочитают «не знать о вольном народе... презирать фрименов, охотиться на них, как на зверей, даже не перетрудившись пересчитать их» [2, с. 71]. Другая крайность ориенталистского и колониального мышления сводится к восприятию родного мира фрименов как «дыры, сущей пустыни в сравнении с Колоданом», жители которой культурно являются Другими и отличными от представителей правящих элит, склонных обращать внимание только на то, что «горожанки под покрывалами, причитали на нашем пути, и как они глядели на нас? Просто мы чужие для них. Незнакомцы с неведомыми обычаями» [Там же, с. 92]. Арракис или Дюна в такой системе интеллектуальных координат воспринималась в категориях ориенталистского воображения, конструируясь как пространство, где «царила вечная, непреходящая пустыня. Пришельцы-дзенсунни, бежавшие на Арракис, влачили тут жалкое существование, едва выживая в суровых условиях этой страшной планеты. В их жизни было мало радостей, все силы уходило на яростную борьбу за то, чтобы прожить еще один день» [1, с. 51].

Такое восприятие вовсе не исключает рефлексии колонизаторов относительно того, что «мы слишком скептически смотрим на эту планету. Я чувствую не только угрозу» [2, с. 93]. Подобный скепсис фактически приводит к политическому протесту, протекающими под радикальными религиозными лозунгами, легитимирующими пере-

смотр сложившихся социальных отношений, отягощенных экологическими проблемами. Как следствие, Пол Атрейдес, ставший Махди и Муад' Дибом, но изначально не принадлежавшим к сообществу верующих Арракиса, вынужден создавать авторитарное общество, где «в рамках ортодоксальной религии невозможно избежать влияния политики. Борьба группировок пронизывает в ортодоксальном обществе все: обучение, воспитание и дисциплину. Настанет момент, когда давление этих факторов ставит лидеров такого общества перед выбором: предаться оппортунизму, но сохранить за собой власть или рисковать собственной жизнью ради ортодоксальной этики» [Там же, с. 601]. В такой ситуации герои «Дюны», которые пребывают в рамках идентичности, основанной на религии, помимо собственной воли становятся фаталистами. В связи с этим Дж. Николас, один из исследователей творчества Ф. Герберта, указывает на то, что выбор Пола фактически был «нацелен на ослабление джихада» [4, с. 14], что фактически превратило его в заложника приписываемой ему миссии.

«Исламское» во вселенной Дюны: между имитацией и симуляцией

Анализируя тексты цикла «Дюна», которые содержат многочисленные мусульманские мотивы, во внимание следует принимать то, что образ ислама далек как от исторической, так и современной веры мусульман, но, несмотря на это, ряд авторов полагает, что к исламу в текстах Ф. Герберта и его наследников следует относиться серьезно, а не воспринимать их исключительно как «ориенталистские украшения» [9]. В современной критике признается, что хотя ислам и «является неотъемлемой частью того, как все описано, но это – не ислам сегодняшнего дня» [15].

Поэтому «даже если Герберт представлял ислам стереотипно, он заслуживает похвалы хотя бы за то, что представлял его» [13]. Более того, некоторые высказывания героев, например: «между людьми и богами нет резкой грани. Люди становятся богами, а Боги превращаются в людей» [3, с. 13] – следует признать в одинаковой степени противоречащими как исламу, так и христианству. Несмотря

на уверения некоторых критиков о том, что религиозная ситуация, описанная Ф. Гербертом и его наследниками, «носит откровенно исламский характер» [16], реалии все же в большей степени имитируют и симулируют мусульманский тип идентичности и религиозности, нежели описывают его. Несмотря на то, что будущий мир «Дюны», по мнению некоторых критиков, «представляет полностью мусульманское будущее» [7], ислам в этом цикле в большей степени использован как декоративный элемент, что актуализирует общий ориенталистский характер текста.

Склонность элит нового религиозного опыта к генетическим экспериментам и пристрастие к пространным рефлексиям на тему вечности («пусть подданные Муад' Диб сомневаются в величии Императора и его пророческом даре, пусть они отрицают его мощь. Пусть... но не усомнятся в вечности» [3, с. 294]) сближает формально «мусульманский» дискурс «Дюны» с секулярными реалиями пострелигиозного Запада. Кроме этого, политическая культура в религиозноцентричном обществе Махди является не только авторитарной, но и основанной на культе личности пророка, которому приписываются качества Бога: «Муад' Диб, просвети люди своя, воды твои драгоценны и изобильны как фонтан неиссякающий. Счастье, расточаемое тобой, пьют души всех людей во Вселенной... люди и едят теперь по милости Муад' Диб, любят ради меня, рождаются во имя мое, улицу переходят, благодаря за это пророка... даже балку в захудалом домишке на каком-нибудь Шри-Ганге не станут менять, спросив благословения у жрецов Муад' Диб» [3, с. 161, 195], что также отдаляет исламские образы, конструируемые Ф. Гербертом, от мусульманских реалий. Более того, попытки соединения ислама с буддизмом и превращение Аллаха в Буддаллаха [1, с. 79] радикально отделяют мусульманские образы наследников Ф. Герберта от реального ислама, хотя для некоторых экспертов «будущее Герберта – это то, где ислам не отдельный неизменный элемент, принадлежащий прошлому, а часть будущей вселенной на всех уровнях» [15]. Вместе с тем ряд положений цикла плохо коррелируется с исламом. Идея, высказанная в «Батлерианском джихаде» о том, что «не существует четкого различия между богами и людьми»

ми – одни плавно и незаметно превращаются в других» [1, с. 342] и вовсе противоречит исламу.

Выводы

Исламские мотивы в анализируемых текстах являются примером симуляции и имитации традиционного мусульманского дискурса, потому что религиозные воззрения, описанные Ф. Гербертом и его наследниками в своих романах, в корне противоречат и радикально отличаются от пяти столпов ислама, потому что основоположник цикла и его эпигоны предприняли формально амбициозную, но фактически неполиткорректную попытку синтеза исламского и буддистского дискурсов. Поэтому в романах фигурирует не абстрактные воображаемые «мусульмане», но плохо соотносимые с мусульманскими религиозными нормами дзен-сунниты и дзен-шииты, что неприемлемо для сторонников традиционного ислама, представленного как суннитской, так и шиитской формой.

Актуализация мусульманских образов в романах цикла «Дюна» стала не только яркой и весьма удачной имитацией и стилизацией ислама, что сопровождалось использованием мусульманской риторики. Визуализация исламских образов стала попыткой изобретения традиций и конструирования альтернативных этнических, социальных, экономических и культурных сообществ. Идеальные общественные типы, описанные Ф. Гербертом и его наследниками, а также политические и исторические процессы, которые мы фиксируем в романах анализа текстов, формирующих этот цикл, несут на себе явное влияние ислама как коллективного культурного и интеллектуального стимула. В этом контексте рассматриваемые тексты «наполнены» образами, формально связанными с функционированием ислама, включая верующее религиозное большинство, на которое Ф. Герберт и его наследники проецировали мусульманские атрибуты в той форме, в которой они понимали ислам. Поэтому значительная часть героев цикла формально может быть определена и описана как мусульмане, своеобразная вселенская или галактическая умма будущего.

Список литературы

1. Герберт Б., Андерсон К. Дюна. Батлерианский джихад / пер. с англ. А. Анваера. М.: АСТ, 2022. 768 с.
2. Герберт Ф. Дюна / пер. с англ. Ю. Соколова. М.: АСТ, 2022. 800 с.
3. Герберт Ф. Мессия Дюны / пер. с англ. Ю. Соколова. М.: АСТ, 2022. 352 с.
4. Николас Дж. Дюна. Философия и путь ментата. М.: АСТ, 2021. 352 с.
5. Последняя воля Имама Хомейни: духовно-политическое завещание. URL.: <https://iran1979.ru/poslednyaya-volya-imama-homejini-duhovno-politicheskoe-zaveshhanie-ch-5/> (дата обращения: 03.01.2023)
6. Al Marashi I. The film ‘Dune’, techno-Orientalism, and intergalactic Islam // TRT World. 2021. December 3. URL.: <https://www.trtworld.com/opinion/the-film-dune-techno-orientalism-and-intergalactic-islam-52273> (дата обращения: 03.01.2023)
7. Durrani H. Frank Herbert, the Republican Salafist // New Lines Magazine. 2021. December 31. URL.: <https://newlinesmag.com/review/dune-frank-herbert-the-republican-salafist/> (дата обращения: 03.01.2023)
8. Durrani H. The Muslimness of Dune: A Close Reading of “Appendix II: The Religion of Dune” // Tor, 2021, October 18. URL.: <https://www.tor.com/2021/10/18/the-muslimness-of-dune-a-close-reading-of-appendix-ii-the-religion-of-dune/> (дата обращения: 03.01.2023)
9. Durrani H. The novel ‘Dune’ had deep Islamic influences. The movie erases them // Washington Post, 2021, October 28. URL.: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/10/28/dune-muslim-influences-erased/> (дата обращения: 03.01.2023)
10. Herbert Fr., Anderson K.J. Dune: The Butlerian Jihad. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
11. Herbert Fr. Dune Messiah. NY.: Putnam Publishing, 1969, 256 p.
12. Herbert Fr. Dune. NY.: Chilton Books, 1965, 412 p.
13. Ilany I. ‘Dune’ May Be Fascist, but Its Focus on Islam Is Groundbreaking // Haaretz. 2021. November 7. URL.: <https://www.haaretz.com/israel-news/2021-11-07/ty-article/dune-may-be-fascist-but-its-focus-on-islam-is-groundbreaking/> (дата обращения: 03.01.2023)

14. Immerwahr D. Heresies of “Dune” // Los Angeles Review of Books, 2020, November 19. URL.: <https://lareviewofbooks.org/article/heresies-of-dune/> (дата обращения: 03.01.2023)
15. Karjoo-Ravary A. Frank Herbert’s Dune novels were heavily influenced by Middle Eastern, Islamic cultures, says scholar // CBC Radio, 2021, October 22. URL.: <https://www.cbc.ca/radio/day6/introducing-the-metaverse-crisis-in-afghanistan-stuff-the-british-stole-islamic-influence-in-dune-and-more-1.6220405/frank-herbert-s-dune-novels-were-heavily-influenced-by-middle-eastern-islamic-cultures-says-scholar-1.6221670> (дата обращения: 03.01.2023)
16. Karjoo-Ravary A. In Dune, Paul Atreides led a jihad, not a crusade // Al Jazeera, 2020, October 11. URL.: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/10/11/paul-atreides-led-a-jihad-not-a-crusade-heres-why-that-matters>
17. Venkatraman S. ‘Dune’ appropriates Islamic, Middle Eastern tropes without real inclusion, critics say // NBC News, 2021, October 29. URL.: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/dune-appropriates-islamic-middle-eastern-tropes-real-inclusion-critics-rcna4111>
18. Zaki H.M. Orientalism in Science Fiction // Food for Our Grandmothers: Writings by Arab-American and Arab-Canadian Feminists / ed. J. Kadi. Boston, MA: South End Press, 1994, pp. 181-187.

References

1. Gerbert B., Anderson K. *Dyuna. Batlerianskiy dzhikhad* [Dune. Butlerian Jihad]. Moscow: AST Publ., 2022, 768 p.
2. Gerbert F. *Dyuna* [Dune]. Moscow: AST Publ., 2022, 800 p.
3. Gerbert F. *Messiya Dyuny* [Dune Messiah]. Moscow: AST Publ., 2022, 352 p.
4. Nikolas Dzh. *Dyuna. Filosofiya i put' mentata* [Dune. Philosophy and the path of the mentat]. Moscow: AST Publ., 2021, 352 p.
5. *Poslednyaya volya Imama Khomeyni: dukhovno-politicheskoye zaveshchaniye* [The last will of Imam Khomeini: spiritual and political testament]. URL.: <https://iran1979.ru/poslednyaya-volya-imama-xomeyni-duhovno-politicheskoe-zaveshhanie-ch-5/> (accessed January 03, 2023)

6. Al Marashi I. The film 'Dune', techno-Orientalism, and intergalactic Islam. *TRT World*. 2021. December 3. URL.: <https://www.trtworld.com/opinion/the-film-dune-techno-orientalism-and-intergalactic-islam-52273> (accessed January 03, 2023)
7. Durrani H. Frank Herbert, the Republican Salafist. *New Lines Magazine*, 2021, December 31. URL.: <https://newlinesmag.com/review/dune-frank-herbert-the-republican-salafist/> (accessed January 03, 2023)
8. Durrani H. The Muslimness of Dune: A Close Reading of "Appendix II: The Religion of Dune". *Tor*, 2021, October 18. URL.: <https://www.tor.com/2021/10/18/the-muslimness-of-dune-a-close-reading-of-appendix-ii-the-religion-of-dune/> (accessed January 03, 2023)
9. Durrani H. The novel 'Dune' had deep Islamic influences. The movie erases them. *Washington Post*, 2021, October 28. URL.: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/10/28/dune-muslim-influences-erased/> (accessed January 03, 2023)
10. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
11. Herbert Fr. *Dune Messiah*. NY.: Putnam Publishing, 1969, 256 p.
12. Herbert Fr. *Dune*. NY.: Chilton Books, 1965, 412 p.
13. Ilany I. 'Dune' May Be Fascist, but Its Focus on Islam Is Groundbreaking. *Haaretz*, 2021, November 7. URL.: <https://www.haaretz.com/israel-news/2021-11-07/ty-article/dune-may-be-fascist-but-its-focus-on-islam-is-groundbreaking/> (accessed January 03, 2023)
14. Immerwahr D. Heresies of "Dune". *Los Angeles Review of Books*, 2020, November 19. URL.: <https://lareviewofbooks.org/article/heresies-of-dune/> (accessed January 03, 2023)
15. Karjoo-Ravary A. Frank Herbert's Dune novels were heavily influenced by Middle Eastern, Islamic cultures, says scholar. *CBC Radio*, 2021, October 22. URL.: <https://www.cbc.ca/radio/day6/introducing-the-metaverse-crisis-in-afghanistan-stuff-the-british-stole-islamic-influence-in-dune-and-more-1.6220405/frank-herbert-s-dune-novels-were-heavily-influenced-by-middle-eastern-islamic-cultures-says-scholar-1.6221670> (accessed January 03, 2023)

16. Karjoo-Ravary A. In Dune, Paul Atreides led a jihad, not a crusade. *Al Jazeera*, 2020, October 11. URL.: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/10/11/paul-atreides-led-a-jihad-not-a-crusade-heres-why-that-matters> (accessed January 03, 2023)
17. Venkatraman S. 'Dune' appropriates Islamic, Middle Eastern tropes without real inclusion, critics say. *NBC News*, 2021, October 29. URL.: <https://www.nbcnews.com/news/asian-america/dune-appropriates-islamic-middle-eastern-tropes-real-inclusion-critics-rcna4111> (accessed January 03, 2023)
18. Zaki H.M. Orientalism in Science Fiction. J. Kadi (ed.). *Food for Our Grandmothers: Writings by Arab-American and Arab-Canadian Feminists*. Boston, MA: South End Press, 1994, pp. 181-187.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент
Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент Кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет *ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*
ул. Пушкинская 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations; Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, History Faculty
Voronezh State University
16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>

Поступила 10.01.2023

После рецензирования 19.01.2023

Принята 25.01.2023

Received 10.01.2023

Revised 19.01.2023

Accepted 25.01.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-238-259

УДК 811.111 + 930.2

ОБРАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В РОМАНАХ ЦИКЛА «ДЮНА»: ВООБРАЖЕНИЕ И ИЗОБРЕТЕНИЕ ДЖИХАДА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

М.В. Курчанов

Обоснование. Автор анализирует тексты цикла «Дюна» в контекстах современной историографии, которая предложила универсальные методы, позволяющие анализировать «ориентальные» образы в литературе через призму конструирования и деконструкции нарратив, формирующих образ ислама.

Цель. Целью статьи является «ориенталистская» реинтерпретация исламских образов в романах, принадлежащих к циклу «Дюна», включая тексты оригинального цикла и приквелы, представленные «Дюна», «Мессия Дюны», «Дюна. Батлерианский джихад» и «Дюна. Пол».

Материалы и методы. Автор использует методологический инструментарий, предложенный интеллектуальной историей и исследованиями национализма, включая концепцию изобретения традиций, которая позволяет анализировать образы ислама в научной фантастике как одну из изобретенных традиций американской массовой литературы на примере текстов цикла «Дюна». Ориентализм как метод используется для анализа мусульманских мотивов в прозе Ф. Херберта, Б. Херберта и К. Андерсона, которые, как полагает автор, вдохновлены политическими, идеологическими и религиозными стимулами. Автор полагает, что ориенталистский подход является эффективной интерпретационной моделью для междисциплинарного анализа американской научной фантастики как пространства развития образов ислама.

Результаты. Показано, что в романах актуализируется и продвигается уникальный идеологический дискурс, связанный с политическим посланием, которое транслируется через призму образов

ислама. Проанализированы особенности и формы политического протеста под религиозными мусульманскими лозунгами. Изучено, как воспринимается мобилизационный потенциал политического ислама как формы легитимации социального и экономического протеста. Проанализировано расширенное понимание джихада как одновременно религиозной войны и социально-классового конфликта. Показано, что 1) актуализация мусульманских образов в американской научной фантастике стала следствием политической активизации Востока, 2) авторы изучаемых текстов актуализировали антиавторитарный и освободительный потенциал ислама.

Ключевые слова: Ф. Херберт; Б. Херберт; К. Андерсон; «Дюна»; ориентализм; ориентальные образы; ислам; сунниты; шииты; джихад

Для цитирования. Кирчанов М.В. Образы политического ислама в романах цикла «Дюна»: воображение и изобретение джихада как политического протеста // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 238-259. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-238-259

IMAGES OF POLITICAL ISLAM IN THE DUNE NOVELS: IMAGINATION AND INVENTION OF JIHAD AS A POLITICAL PROTEST

M.W. Kyrchanoff

Background. The author analyzes the texts of the Dune cycle in contexts of contemporary historiography, which proposed universal methods that allow analyzing “oriental” images in literature through the prism of constructing and deconstructing the narratives that form the image of Islam.

Purpose. The purpose of the article is an “orientalist” reinterpretation of Islamic images in the novels belonging to the Dune cycle, including the texts of the original cycle and prequels presented by Dune, Dune Messiah, Dune. Butlerian Jihad and Dune. Paul.

Materials and methods. The author uses the methodological tools offered in intellectual history and studies of nationalism, including the

concept of the invention of traditions, which allows us to analyze the images of Islam in science fiction as one of the invented traditions of American mass literature using the texts of the Dune cycle as sources corpus. Orientalism as a method is used to analyze Muslim motifs in the prose of F. Herbert, B. Herbert and K. Anderson, which, as the author believes, were inspired by political, ideological and religious stimuli. The author believes that the orientalist approach is an effective interpretative model for an interdisciplinary analysis of American science fiction as a space for the development of Islamic images.

Results. *It is shown that the novels through the prism of images of Islam actualize and promote a unique ideological discourse and political message. The features and forms of political protest under religious Muslim slogans are analyzed. It is studied how the mobilization potential of political Islam is perceived as a form of legitimization of social and economic protest. An expanded understanding of jihad as both a religious war and a social class conflict is analyzed. It is shown that 1) the actualization of Muslim images in American science fiction was the result of the political activation of the East, 2) the authors of the texts actualized the anti-authoritarian and emancipatory potential of Islam.*

Keywords: *Frank Herbert; Brian Herbert; Kevin Anderson; Dune; orientalism; oriental images; Islam; Sunnis; Shiites; jihad*

For citation. *Kyrchanoff M.W. Images of Political Islam in the Dune Novels: Imagination and Invention of Jihad as a Political Protest. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 238-259. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-238-259*

Введение

В начале 21 в. западное общество столкнулось с различными внешними вызовами, которые ставили под сомнение основы его идентичности, религиозной и культурной модели развития. Среди таких факторов особое место занял радикальный политический ислам. Европейские и американские элиты частично сами несут ответственность за обострение отношений между Западом и миром ислама. Этому содействует как наследие колониализма, так и непро-

думанная политика, основанная на стереотипах, унаследованных от колониализма, и формирующей соответствующий образ ислама, призванный обслуживать интересы политических элит.

Между тем ситуация, связанная с актуализацией и визуализацией образов ислама, в западном культурном и политическом дискурсе является более сложной. Число акторов, вовлечённых в генезис, развитие и воспроизводство соответствующих образов, велико. Если политики и связанные с ними представители интеллектуального сообщества производят образы ислама, интегрированные в механизм принятия политических решений и легитимации политики в отношении исламского мира, то спектр восприятий ислама и мусульман в культурном и интеллектуальном дискурсе представляется более гетерогенным. В этом контексте особый вклад в развитие восприятие ислама вносит массовая культура и такой ее сегмент, как научно-фантастическая литература.

История американской фантастики обеспечивает ее исследователей рядом примеров актуализации исламской проблематики в научно-фантастическом дискурсе. Спектр описаний ислама в этом культурном пространстве варьируется от воспроизводства и тиражирования алармистского дискурса до попыток осмысления и анализа политического и социального опыта мусульманской уммы. Среди условно «мусульманских» текстов американской фантастической прозы особое место принадлежит циклу романов «Дюна», созданных Ф. Гербертом и его литературными наследниками и продолжателями Б. Гербертом и К. Андерсоном. Попытки этих авторов предложить свой взгляд на ислам в целом соотносятся с интеллектуальной историей конструирования и воображения мусульманских образов в современной американской массовой культуре.

Ислам как часть ориенталистского дискурса в литературе

Значительную роль в формировании развития образов мусульманского Востока в XX в. играли не только политические элиты, но интеллектуальные сообщества. Известно, что в XX в. значительных успехов

достигло западное востоковедение, выросшее из более раннего ориенталистского дискурса, отягощенного политическими и идеологическими стереотипами. Кроме того, значительный вклад в развитие и формирование образа Востока в западном, американском и европейском культурном дискурсе внесли писатели. Восточная тема стала одной из самых популярных и востребованных в художественной литературе, не только опираясь на предшествующие традиции, но и реагируя на новые вызовы, лежавшие в сфере политики и идеологии.

Среди восточных образов в литературе особую роль играли мусульманские мотивы. Диапазон актуализации мусульманских или исламских образов в западном культурном дискурсе отличался значительной степенью разнообразия. С одной стороны, часть автора следовала традиционному реалистическому или модернистскому канону, стремясь отражать относительно реальные образы мусульманского Востока, его политической и религиозной действительности и специфики. С другой стороны, на протяжении XX в. значительных успехов в рамках западной литературы достигла научная фантастика, которая не менее активно включилась в процесс использования потенциала мусульманских образов, конструируя идеальные утопические миры, или используя исламские мотивы для формирования и продвижения образов Другого.

Цель и задачи

Романы цикла «Дюна» являются важными источниками по истории формирования и развития мусульманских образов в современном американском научно-фантастическом дискурсе второй половины 20 – начала 21 в. Целью данной статьи является осмысление и анализ мусульманских мотивов как элементов политического и идеологического дискурса в американской научной фантастике. В число задач автора входит 1) изучение особенностей отражения политического ислама в романах цикла «Дюна», 2) анализ основных направлений развития джихада как одной из форм функционирования политического ислама, 3) выяснение роли, которую романы рассматриваемого цикла играли в развитии образов политического

ислама в целом и исламского радикализма в частности в западном американо-европейском дискурсе конца XX – начала XXI в.

Методология

Методология статьи может быть определена как междисциплинарная. Автор ориентируется на приемы дискурсивно-нарративного анализа и интерпретации источников, ограниченных текстами цикла «Дюна», так как последние является важными источниками формирования и функционирования образов ислама в западной культурном и политическом воображении. Вместе с тем предполагается, что исламские мотивы следует интерпретировать как проявление позднего ориентализма в американской научной фантастике [12]. Трансплантируя основные положения западной междисциплинарной историографии в анализ социальных, политических и религиозных пространств и контекстов миров «Дюны», эти тексты могут интерпретироваться через призму социо-культурного конструктивизма, так как авторы изучаемых произведений стали конструкторами и создателями новых реальностей, наделенных ими политическими изобретенными традициями, в большей или меньшей степени имитирующими, симулирующими или воспроизводящими политические реалии ислама.

Источники

Источниковый корпус статьи ограничен четырьмя текстами, входящими как в оригинальный цикл «Дюна», написанный Ф. Гербертом, так и в серию приквелов Б. Герберт и К. Андерсона. В качестве источников, актуализирующих и визуализирующих образы ислама, интерпретируются романы Ф. Герберта «Дюна» [5; 16] и «Мессия Дюны» [6; 15], а также его наследников «Дюна. Батлерианский джихад» [3; 13] и «Дюна. Пол» [4; 14].

Политический ислам во вселенной «Дюны»

В силу того, что «ислам Ф. Герберта был великим, емким и часто противоречивым дискурсом» [18] в текстах, которые формируют цикл «Дюна», мусульманское сочетается с социальным. Ф. Герберт

и его наследники стремились подвергнуть ревизии принципы классического ориентализма, но фактически воспроизводили ориенталистические клише. Планета Дюна или Арракис, описываемая как периферия и чей образ редуцируется до «планеты монокультуры, только одной и ее урожаем обеспечивает правящему классу, существование, которое правящие классы вели всегда и всюду во все времена, оставляя крохи для прокорма человекообразной массы» [5, с. 416], наделяется качествами угнетенного и колонизируемого Востока, где правящие элиты не понимают, что «нельзя бесконечно красть, не учитывая потребности и тех, кто придет после тебя. Физические свойства планеты вписаны в ее экономические и политические анналы» [Там же, с. 415].

Поэтому условно «мусульманское» в анализируемых текстах воспринимается через призму политических противоречий и социально-экономических проблем. Верующие в прозе Ф. Герберта предстают как жертвы политической несправедливости и социального угнетения в мире, где «воды хватает лишь чтобы поддержать жизнь человека. Все понимают, воды немного, и если придут пить новые люди, цены подскочат, бедняки умрут» [Там же, с. 101]. Тем не менее они способны не только осознавать свой неравноправный социальный статус, но и «полны энергии и учатся на ходу, что делает их единственной надеждой человечества, его спасителями» [6, с. 25]. Осознание такой социальной несправедливости протекает в рамках традиционной и религиозной модели идентичности, системным компонентом которой является вера в пришествие нового пророка, которому приписывается миссия не только религиозного спасения верующих, но и их социального освобождения: «здесь бытует легенда, точнее пророчество, что однажды они обретут вождя, который приведет их к истинной свободе» [5, с. 156].

В подобной ситуации стремление к социальной свободе неизбежно воспринималось через призму религиозного опыта и веры, так как именно последняя становилась центральным элементом политической идеологии, несогласной с тем, что не человек, но «машины обладают большой властью, и для того чтобы нанести

им поражение, мало обычного социального или политического подъема. Люди должны сплотиться вокруг мощной идеи, которая проникла бы в самую глубину их внутренней сущности, идеи, которая пронизала бы самую суть человека. Ты должен стать не просто доверенным лицом, человеком, которому доверяют, ты должен стать ясновидящим вождем. Рабы должны подняться на великую священную войну против машин, на неостановимый джихад, который свергнет ненавистных хозяев» [3, с. 380]. Вместе с тем в научной литературе, посвященной вселенной «Дюны», отношение к джихаду не столь однозначно. Поэтому некоторыми авторами его последствия определялись как почти исключительно разрушительные и деструктивные [9, с. 15].

Таким образом, идеология религиозного фундаментализма актуализировала потенциал одновременно социального и политического недовольства, содействуя тому, что «из всех войн, какие бывали в истории человечества, джихад является самой страстной, эта война покоряет миры и цивилизации, она сметает все на своем пути!» [3, с. 380]. Поэтому угнетенные верующие склонны искать спасение в религии: «в первый день Муад' Диб ехал со своей семьей по улицам Арракиса. Многие у дороги припоминали пророчества и легенды, осмелившись прокричать “Махди”. То было не утверждение, вопрос. Тогда они могли только надеяться, что это он и есть. Он – обещанный Лисан аль Гаиб, Голос Извне» [5, с. 106].

В историографии, сфокусированной на изучении вселенной «Дюны», признается, что джихад мог играть роль того инструмента, который спасал человечество от «медленной деградации и краха» [9, с. 15]. Вера фрименов в махди практически не получает объяснения в оригинальной «Дюне», хотя критика восприняла роман «как основанный на исламе с целью подвергнуть критике идею мессианского западного человека» [19], для чего и была введена фигура Махди как новообращенного мусульманина и бывшего колонизатора, который актуализировал универсальность и легитимность религиозного протеста против инокультурного доминирования, основанного на социальной дискриминации. Подобная лакуна была

заполнена литературными наследниками ее автора, которые показали, что «в распадающейся Старой Империи люди забыли Бога, а потом стали страдать от того, что мыслящие машины взяли над ними власть. Народ Исмаила верил в свой рок, в смертельный бой в конце Вселенной, который был предсказан за много тысячелетий. Те, кто следовал буддистамской вере, бежали, уже зная наперед исход будущей безнадежной схватки» [3, с. 338].

Формально религиозному культу Махди в мире Дюны приписывалось фактически значение политического и социально-экономического освобождения, так как радикальная часть верующих настаивала на том, что «борьба не закончилась, как того обещало пророчество. Часть рода человеческого пережила владычество машинного демона, и теперь эти люди ополчились на «трусливых» последователей буддизма, пылая мстостью и желанием уничтожить этих беглецов, предавших род человеческий» [3, с. 338]. В этом контексте американская фантастика ассимилирует шиитские представления о Махди как о лидере, который «пытался установить справедливое правление и противодействовать угнетению» [2, с. 27]. Ф. Герберт, писавший в 1950-х и 1960-х гг., по утверждению современных исследователей его наследия, «представлял себе джихад не так, как мы, но в большей степени соотносил его с суфийским опытом джихада против французского, русского и английского империализма в 19 – 20 вв. Повествование демонстрирует влияние суфизма и прочтение джихада в соответствии с суфийскими нормами, где духовная трансформация лидера определяла законность его войны» [18].

В свою очередь победа социального и экологического восстания, которое прошло под религиозными лозунгами джихада, привело к институционализации уникальной политической модели, активно осуждаемой и критикуемой ее оппонентами: «вы создаете опаснейший из парадоксов. Правительство не может утверждать свою власть, будучи в то же время религиозным. Опыт религии требуют спонтанности, а ее-то и подавляют законы. Вы не можете править, не прибегая к законам.

В результате ваши законы вытесняют и мораль, и всякое самосознание, и тогда встанут на место той самой религии, прибегая к которой вы надеетесь править» [6, с. 267]. Таким образом, решение социальных, экономических и экологических вопросов теми силами, которые предпочитали интерпретировать их через призму религии, ведет к институционализации теократического режима, формально стабильного, но фактически уязвимо перед угрозой снижения религиозного фанатизма по мере решения стоящих перед джихадом задач, что «приближает день, когда ритуал вытеснит веру, а символизм заменит с собой любую мораль» [6, с. 268].

Джихад как форма религиозного радикализма во вселенной Дюны

Ф. Герберт и его наследники смогли в своих текстах предложить оригинальное восприятие и прочтение «исламского» в силу того, что они «исследовали ислам, не эссенциализируя его, не сводя их к клише, основанному на вневременной оригинальной модели, и не относя ислам к области суеверных гуманоидных пришельцев» [19]. Поэтому в классической «Дюне», которая положила начало циклу, присутствуют не имитации «мусульманского», но предпринята попытка актуализировать политически и социально значимые проблемы уммы, включая джихад. Поэтому образы джихада, редуцированные до элементов коллективной исторической памяти, в рамках которой, правда, история минимизируется до «пропаганды, замешанной на религиозном вдохновении» [4, с. 24], в прозе Ф. Герберта и его наследников представлены широко.

Джихад, как полагает Али Карджу-Равари, являлся «основополагающим термином и важной концепцией» [19] в оригинальной Дюне и текстах, написанных приемниками Ф. Герберта. В рамках такого восприятия ислама Ф. Герберт, «исследуя изменения в традициях с течением времени, не только сохранял мусульманские идеи и арабский язык в исламском контексте, но также предлагал сложные аллегории и вдумчивые рассуждения о мировой истории» [10], где ислам стал системным элементом идентичности, перенесенной на

другие планеты. Поэтому политический лозунг «Да не сотворишь машины, наделенной человеческим умом», восходящий к «временам Батлерианского Джихада» [5, с. 20], описывает состояние мемориальной культуры, основанной на сочетании как религиозного, так и социального компонента священной войны. Эта идея, высказанная наследниками Ф. Герберта в «Батлерианском джихаде», пересекается с точкой зрения на свободу, характерную для современного шиизма. В частности, иранский исследователь Хуссейн Ансарян подчеркивает, что «Бог не может игнорироваться нами в нашей жизни – иначе человек утратит свою человечность. Сущность человечности – в поклонении Всевышнему. Человек обладает внутренней склонностью к служению Аллаху. Если мы пренебрежем этой склонностью, мы разлучим человека с его человечностью» [1].

Именно последняя проблема и оказывается центральной в «Батлерианском джихаде» – романе, где религиозная война фактически становится борьбой за реставрацию человечности. Джихад воспринимается в рамках такой интерпретационной модели, которая легитимизирует его начало кризисом предшествующего социального устройства общества, так как именно оно привело к тому, что «люди пытались создать умные машины, представлявшие собой вторичные рефлекторные системы, чтобы переложить на плечи этих механических слуг принятие первичных решений. Однако постепенно создатели начали убеждаться, что оставили себе самим слишком мало ответственных дел, люди почувствовали отчуждение, осознали свою дегуманизацию. Они ощутили, что ими манипулируют. Постепенно люди сами начали превращаться в ничего не решающих роботов, не осознавая более сути своего естественного существования» [3, с. 85-86].

Такая модель культуры исторической памяти, основанная на демонизации предшествующего опыта, с которой мы сталкиваемся во вселенной «Дюны», базируется преимущественно не на политических и идеологических, но на религиозных основаниях. Нарратив о «ужасной войне против мыслящих машин, которая стала зарождением нашей политико-торговой вселенной, когда свободолюбивые люди восстали против господства роботов, компьютеров и кимеков» [3, с. 5], стал одним из системных компонентов мемориально-

го канона в мире, который предшествовал событиям, описанным в первом романе цикла. В подобной версии коллективной памяти, которая утрачивает признаки исторической, трансформируясь в направлении религиозной, именно джихад как форма осуществления и распространения веры становится содержанием исторического процесса: «Пол прозревал армии вооруженных фанатичных фрименов, которые волнам накатывали на бесчисленные звездные системы и сметавшие все на своем пути, водружавшие знамена Муад'Дибя и убивавшие всех, кто смел сопротивляться. История напишет хронику его правления черными красками» [4, с. 63].

Такое восприятие истории в романах вселенной «Дюны» возникло неслучайно, что, вероятно, указывает на знакомство как Ф. Герберта, так и его наследников с исламской философией истории, для которой характерна «забота об идеях религии и философии в большей степени, чем о реальной истории» [17]. Поэтому редукция истории до религиозно мотивированного насилия не только сконструировала оригинальную модель функционирования памяти, но и существенно ограничивала возможности трансформации мемориальной культуры. Лидер религиозной войны становится фактически заложником своей миссии, так как понимает, что «племена ждут возвращения Муад'Дибя. Ты наш! Я принадлежу своей миссии. Он подумал о джихаде. Цена будет страшной» [6, с. 51].

Наследники Ф. Герберта развили нарратив о джихаде как коллективной исторической травмы, в рамках которой история религиозной войны редуцируется до персонифицированных воспоминаний: «когда мы дрались на равнинах Арракиса, граница между добром и злом была очень четкой, мы знали, за что мы боролись с Объединенными Домами, и имели моральное право воодушевлять на битву своих бойцов, но в моем джихаде уже погибло великое множество людей... и со временем про меня скажут, что я был хуже, чем Каррино и Харконенны» [4, с. 72].

В этом культурном контексте джихад во вселенной «Дюны» универсализируется до уровня политической альтернативы, основанной на реставрации раннего ислама, так как Ф. Герберт, по мнению Х. Дуррани, «идеализировал доколониальные, незападные традиции

как модели для опосредования морали и этики. В то же время его ностальгия по доколониальным мусульманам вписывается в особую исламскую идею возвращения к ранним поколениям веры, то есть к салафизму» [11], в западном политическом воображении соотносимым именно с радикальными трендами в исламе. Вместе с тем в коллективной исторической памяти джихаду приписывается терапевтическая функция насилия «ради очищения, ради искоренения зла и спасения жизни, если бы не джихад, то погибло гораздо больше бы» [4, с. 72]. В подобной системе политических и идеологических координат культура памяти генерировала идеи нетерпимости и радикализма, так как в мемориальном пространстве одновременно развивались нарративы о том, что «Муад' Диб умеет быть милостив. Муад' Диб умеет быть снисходительным и любящим», но «все солдаты Муад' Диб знают, что надо делать с неверными» [4, с. 82].

В этом контексте американская научная фантастика ассимилировала политический дискурс исламской революции в Иране, апеллируя к словам аятоллы Хомейни о том, что, если «народом управляет несправедливый человек и угнетает людей» [2, с. 24], то восстание против такого режима – легитимно. Мемориальная культура мира, описанного наследниками Ф. Герберта, конструирует образ джихада как не только религиозного насилия, но и политической борьбы, в рамках которой следовало «воздать честь тем фрименам и солдатам Дома Атрейдесов, которые пали на Барьере в городе, но спасли нас от тирании. Узнайте правду из уст Муад' Диб. Мы выиграли первые сражения джихада, но впереди у нас еще много битв. Священная война постепенно становилась живым организмом, живущим по своим законам» [4, с. 73]. Поэтому джихад в такой культурной памяти актуализировал свои функции, направленные на конструирование нового общества и, как следствие, легитимации его идентичности: «сам джихад представлялся ему высоким горным хребтом, перегородившим дорогу его жизни – опасным и грозным препятствием, которое он не мог обойти. Не важно, какой путь он выберет, но, прежде чем человечество под водительством Пола достигнет Земли обетованной его, человечество, ждут тяжкие и неизбежные жертвы» [4, с. 91].

Джихад как историческое явление в романах цикла описан в ориенталистской перспективе, представляя видение политика, сознательно принявшего роль Махди, хотя изначально он не был членом того общества, которое в результате его деятельности подверглось радикальным изменениям. Использование именно этого образа, по мнению Х. Дуррани, было попыткой Ф. Герберта «укрепить исламскую идею святости божественного откровения и окончательности пророчества Мухаммеда» [11]. Если Батлерианский джихад был в определенной степени протестом против крайностей прогресса, в рамках которого «мыслящая машина воспринималась как злой дух, вырвавшийся из бутылки» [3, с. 14], и технического развития, так как «власть компьютеров распространялась по Вселенной со скоростью особо опасной инфекции. Всемирный разум захватил неограниченную власть над Галактикой. Приняв имя Омниуса, вселенский разум овладел всеми планетами титанов, прежде чем они смогли предупредить друг друга о грозившей опасности» [Там же, с. 7], то джихад Муад'Дибя решал содержательно другие задачи. Поэтому религиозное насилие легитимируется как форма освобождения от «машин, которым мы предали техническое знание, не вложив в них соответствующую систему ценностей» [Там же, с. 118].

Сторонники и участники джихада, описанного наследниками Ф. Герберта, связывали его начало с угрозой существованию человечества со стороны искусственного интеллекта. Поэтому легитимация джихада основана на антитехническом нарративе и кризисе веры в прогресс и науку: «относительно науки существует одно распространенное заблуждение, вера в то, что чем больше мы развиваем технику и чем больше узнаем, тем лучше становится наша жизнь» [Там же, с. 145]. Оправдание религиозного насилия стало попыткой ответить на вопрос методами насилия, направленного на недопущение превращения «тела человека в простую машину, которую может скопировать машина, сделанная руками человека» [Там же, с. 159].

Поэтому в «Батлерианском джихаде» образ джихада конструируется как «правое дело», направленное на борьбу со «злом – мыслящими машинами – которые должны пасть» [Там же, с. 756]. В такой

ситуации новый религиозный политический режим представителями отстраненных от власти элит воспринимается исключительно негативно, а новые законы определяются как «составленные в терминах какой-то пародийной религии, возникшей вокруг Муад' Диб» [4, с. 54], режиму которого отказывают в легитимности, так как «тиран Муад' Диб и его фанатики попирают законы дипломатии и правила приличия» [Там же, с. 56]. Изначальная чуждость будущего религиозного лидера относительно его армии в социальных реалиях Арракиса превращается в условность, так как для верующих более важным фактором является не принадлежность к сообществу по факту рождения, но идеологическая компонента, так как «потом явился Атрейдес, наш Муад' Диб, наш Махди. Он призвал нас к джихаду» [6, с. 67].

Подобная идентичность сторонников Махди вела к тому, что их политическая репутация ассоциировалась исключительно с религиозно мотивированным насилием, так как «пустынные войны умели сражаться и разрушать, но не имели ни малейшего понятия о том, как управлять и восстанавливать» [4, с. 80]. В этой ситуации движение Муад' Диб и установленный им режим фактически были реакцией традиционалистов и фундаменталистов на вызов секуляризма, основанного на «встраивании религии, как института, в мировую систему, при котором религия теряет свою сущность как средство спасения» [7]. Что касается политического проекта как религиозного протестного движения, описанного в романах цикла «Дюна», то они, наоборот, институционализировали альтернативу светской и технократической модели спасения, утверждая, что последнее возможно только на религиозной основе. Такой фундаментализм стимулировался особым типом политической культуры, построенной вокруг религии и образ пророка, которому приписывалась особая роль. Поэтому «самые ярые сторонники Пола были не способны думать. единственным объяснением их действий было: “Так угодно Муад' Дибу”» [4, с. 81].

В романах цикла джихад не только фактор политических трансформаций, так как, «столкнувшись с религиозными фанатиками, некоторые правители, предпочтут сдаться, не пытаясь противостоять дикому стихийному напору» [Там же, с. 11], он становится актуаль-

ной политической, социальной и экономической формой существования общества фрименов и решениях тех проблем, с которыми они сталкивались: «и как же в когортах фрименов относится теперь к джихаду? Может быть им не нравится, что из императора делают Бога? Большинству все равно. В основном они думают о джихаде так же, как я сам когда-то относился к нему. Муад' Диб дал им испытать неизведанное, неожиданное, подарил богатство» [6, с. 65]. Подобное восприятие политической реальности, интерпретируемой через призму религиозного видения, было основано на преданности махди и уверенности воинов джихада в том, что «мы будем сражаться за Муад' Дибом везде, куда приведут нас пути джихада» [4, с. 24].

Джихад, с одной стороны, в мире Дюны привел к возрастанию роли религии в обществе, так как «там, где проходит Муад' Диб, ничто не останется прежним» [Там же, с. 49], запустив и реанимировав социальный и культурный институт хаджа: «внизу по площади лентой тянулись паломники в черно-зеленых одеяния хаджа. Паломники! Их благочестивые странствия давали империи прискорбно нечистый барыш. Хадж наполнял корабли странниками, и они все шли, шли и шли» [6, с. 87]. Хадж, как один из системных институтов нового общества, создаваемого Муад' Дибом, содействовал изменению статус Дюны в направлении его повышения, так как планета становилась «центром обновленной вселенной. Сюда будут являться миллионы и миллионы совершающих Хадж», а из ее столицы, Арракина, «новой цитадели Муад' Дибом, свет новой веры и жизни зальет галактику» [4, с. 91-92].

Поэтому форма ислама, которую практикуют обитатели мира, описанного Ф. Гербертом и его наследниками, легитимировал роль религии как фактора «разрушения великих империй, подтачивая их изнутри» [3, с. 195]. Успехи джихада Муад' Дибом, понимавшего, что для победы в нем «следовало заложить основы нового устойчивого правления» [4, с. 64], стимулировали политические и экономические трансформации, так как, «взойдя на императорский престол, Пол первым делом увеличил налоги и пошлины для всех планет, которые не признали сразу его верховенство, и многие планеты изъявили ему свою покорность, пусть даже из чисто экономических со-

ображений. Пол был убежден в том, что такое финансовое принуждение поможет сохранить множество жизней и позволит избежать ненужного кровопролития» [4, с. 33]. Генезис и истоки подобных нарративов, описывающих «исламское» правление, в американской научно-фантастической литературе разнообразны.

Поэтому не представляется возможным исключать знакомство авторов цикла с идеями лидерами иранского политического ислама, продвигавшими идеи «верные исламу, Корану и революции, переживающие в сердце за страну и народ... каждый из них имеет свой проект и мнение для развития ислама и служения мусульманам, которые, по их мнению, ведут к спасению» [8]. Последнее в текстах, формирующих цикл «Дюна», описывалось почти исключительно в религиозной системе координат. Подобная политика в обществе, описанном наследниками Ф. Герберта, не столкнулась с организованным сопротивлением, так как «правоверные фримены не могли допустить даже мысли о том, что их непогрешимый Муад'Диб мог в чем-то ошибаться» [4, с. 114].

С другой стороны, джихад унифицировал мир, точнее – представления о нем: «такой вещи, как “свободное пространство”, не существует. Муад'Диб правит повсюду... но я же направляюсь не на Арракис... Все направляются на Арракис» [6, с. 109]. В рамках такого радикально обновленного политического пространства возникли благоприятные условия для религиозного насилия и террора, так как «воины Муад'Диб плохо знали историю империи, не посещали музеи и не изучали памятники легендарным личностям империи» [4, с. 24]. В политических реалиях нового общества, основанного на доминировании религиозной доктрины, вопрос «Почему я подался в джихад?» постепенно утрачивает свое значение, а спектр возможных ответов сводится к стремлению изменить раннюю модель развития фрименов, зависящую от географических и экологических факторов: «я слышал, что есть такая штука, которую зовут морем. В него трудно поверить, если прожил всю жизнь здесь среди дюн. У нас нет морей» [6, с. 67].

Именно поэтому, имитируя историческую наррацию, Ф. Герберт констатировал, что «время правления Муад'Диб породило куда больше историков, чем любая другая эра в истории челове-

чества. Некоторые из них противились иступленному сектантству, но нельзя отрицать, что этот человек пробудил религиозное кипение на многих мирах» [6, с. 9]. Джихад, с одной стороны, в ранних текстах цикла в значительной степени персонифицирован, будучи связан с его лидером, который сам себя определяет как «театр, где разыгрывается будущее, и еще жертву точных пророчеств, сознания расы и собственного ужасного предназначения» [5, с. 540]. С другой, джихад и связанные с ними политические институты воспринимается как фактор конструирования социальной реальности, так как «Квизарат Муад' Дибя раздул пламя религиозной войны на всю Вселенную... джихад полыхал целых двенадцать лет, по истечении их фанатики Муад' Дибя покорили его власти чуть ли не все человечество» [6, с. 11]. В этом контексте проза Ф. Херберта предлагала относительно позитивный и в определенной степени идеализированный образ джихада, актуализируя преимущественно социальную и освободительную компоненту радикального ислама.

Выводы

Многие процессы, которые протекают в романах, мы можем интерпретировать в категориях, формирующих процессуальное и событийное измерение истории ислама, что в первую очередь относится к образу джихада. Анализируя последнее, во внимание следует принимать то, что Ф. Герберт и его наследники предложили расширенное понимание джихада. Если в традиционном исламе выделяется джихад, направленный на борьбу против собственных внутренних пороков, и джихад как форма распространения ислама, то в романах цикла «Дюна» джихад фигурирует как социально-освободительное движение, активно оперирующее политическими и экономическими лозунгами. Кроме того, джихаду приписывается роль общей эмансипации человечества от засилья искусственного интеллекта, что свидетельствует о значительном антимодернистском потенциале используемых исламских образов в американской научной фантастике.

Поэтому именно верующие мусульмане будущего формально становятся основной движущей силой массового протеста, направ-

ленного на освобождение людей, которые стали рабами чрезвычайно развитого искусственного интеллекта. В этом контексте ислам предстает не только как традиционалистская религия, но и как форма освобождения человечества и восстановления смысла исторического процесса, освобожденного от механизации и, как результат, подвергнутого гуманизации и антропологизации через переосмысление истории в религиозно-центричной системе координат.

Список литературы

1. Ансарян Х. Свобода с точки зрения Ислама. URL.: <https://www.erfan.ir/ru/81758.html> (дата обращения: 30.12.2022)
2. Восстание Ашурь в выступлениях и посланиях имама Хомейни. М.: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2009. 104 с.
3. Герберт Б., Андерсон К. Дюна. Батлерианский джихад / пер. с англ. А. Анваера. М.: АСТ, 2022. 768 с.
4. Герберт Б., Андерсон К. Дюна. Пол / пер. с англ. А. Анваера. М.: АСТ, 2022. 576 с.
5. Герберт Ф. Дюна / пер. с англ. Ю. Соколова. М.: Издательство АСТ, 2022. 800 с.
6. Герберт Ф. Мессия Дюны / пер. с англ. Ю. Соколова. М.: АСТ, 2022. 352 с.
7. Джемаль Г. Политический ислам и проблема легитимности в современном мире. Выступление Председателя Исламского комитета России на сессии 24-го Международного конгресса исламских обществ (30 ноября 2015 г.). URL.: <http://www.kontrudar.com/lekci/politicheskij-islam-i-problema-legitimnosti-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 30.12.2022)
8. Имам Хомейни. Хартия Братства. URL.: <https://iran1979.ru/xartiya-bratstva-imama-homejni/> (дата обращения: 30.12.2022)
9. Николас Дж. Дюна. Философия и путь ментата. М.: АСТ, 2021. 352 с.
10. Durrani H. Frank Herbert, the Republican Salafist // New Lines Magazine. 2021, December 31. URL.: <https://newlinesmag.com/review/dune-frank-herbert-the-republican-salafist/> (дата обращения: 30.12.2022)

11. Durrani H. The Muslimness of Dune: A Close Reading of “Appendix II: The Religion of Dune” // *Tor*. 2021, October 18. URL.: <https://www.tor.com/2021/10/18/the-muslimness-of-dune-a-close-reading-of-appendix-ii-the-religion-of-dune/> (дата обращения: 30.12.2022)
12. El-Din Aysha E. Science Fiction by, about, and for Arabs: Case Studies in De-Orientalising the Western Imagination // *ReOrient*. 2020, vol. 6, no 1, pp. 4-19. DOI: <http://doi.org/10.13169/reorient.6.1.0004>
13. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
14. Herbert Br., Anderson K.J. *Paul of Dune*. NY.: Tor Books, 2008. 512 p.
15. Herbert Fr. *Dune Messiah*. NY.: Putnam Publishing, 1969. 256 p.
16. Herbert Fr. *Dune*. NY.: Chilton Books, 1965. 412 p.
17. Hisham Jeyt. Aqif samtaan ‘amam sual mustaqbal al-earab // *Al Araby al-Jadeed*. 2021, June 2. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/hsham-jeyt-aqf-samtaan-amam-swal-mstqbl-alerb> (дата обращения: 30.12.2022)
18. Karjoo-Ravary A. In Dune, Paul Atreides led a jihad, not a crusade // *Al Jazeera*. 2020, October 11. URL.: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/10/11/paul-atreides-led-a-jihad-not-a-crusade-heres-why-that-matters> (дата обращения: 30.12.2022)
19. Karjoo-Ravary A. Is Dune a White Savior Narrative? // *Slate*. 2021, October 26. URL.: <https://slate.com/culture/2021/10/dune-2021-movie-vs-book-white-savior-islam.html> (дата обращения: 30.12.2022)

References

1. Ansaryan K. *Svoboda s tochki zreniya Islama* [Freedom from the point of view of Islam]. URL.: <https://www.erfan.ir/ru/81758.html> (accessed December 30, 2022)
2. *Vosstaniye Ashury v vystupleniyakh i poslaniyakh imama Khomeyni* [Ashura uprising in speeches and messages of Imam Khomeini]. Moscow: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini’s Works, 2009, 104 p.
3. Gerbert B., Anderson K. *Dyuna. Batlerianskiy dzhikhad* [Dune. Butlerian Jihad]. Moscow: AST Publ., 2022, 768 p.

4. Gerbert B., Anderson K. *Dyuna. Pol* [Dune. Paul]. Moscow: AST Publ., 2022, 576 p.
5. Gerbert F. *Dyuna* [Dune]. Moscow: AST Publ., 2022, 800 p.
6. Gerbert F. *Messiya Dyuny* [Dune Messiah]. Moscow: AST Publ., 2022, 352 p.
7. Dzhemal' G. *Politicheskiy islam i problema legitimnosti v sovremennom mire. Vystupleniye Predsedatelya Islamskogo komiteta Rossii na sessii 24-go Mezhdunarodnogo kongressa islamskikh soobshchestv (30 noyabrya 2015 g.)* [Political Islam and the problem of legitimacy in the modern world. Speech by the Chairman of the Islamic Committee of Russia at the session of the 24th International Congress of Islamic Communities (November 30, 2015)]. URL.: <http://www.kontrudar.com/lekcii/politicheskiy-islam-i-problema-legitimnosti-v-sovremennom-mire> (accessed December 30, 2022)
8. Imam Khomeyni. *Khartiya Bratstva* [Charter of the Brotherhood]. URL.: <https://iran1979.ru/xartiya-bratstva-imama-xomejni/> (accessed December 30, 2022)
9. Nikolas Dzh. *Dyuna. Filosofiya i put' mentata* [Dune. Philosophy and the path of the mentat]. Moscow: AST Publ., 2021, 352 p.
10. Durrani H. Frank Herbert, the Republican Salafist. *New Lines Magazine*, 2021, December 31. URL.: <https://newlinesmag.com/review/dune-frank-herbert-the-republican-salafist/> (accessed December 30, 2022)
11. Durrani H. The Muslimness of Dune: A Close Reading of "Appendix II: The Religion of Dune". *Tor*, 2021, October 18. URL.: <https://www.tor.com/2021/10/18/the-muslimness-of-dune-a-close-reading-of-appendix-ii-the-religion-of-dune/> (accessed December 30, 2022)
12. El-Din Aysha E. Science Fiction by, about, and for Arabs: Case Studies in De-Orientalising the Western Imagination. *ReOrient*, 2020, vol. 6, no 1, pp. 4-19. DOI: <http://doi.org/10.13169/reorient.6.1.0004>
13. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
14. Herbert Br., Anderson K.J. *Paul of Dune*. NY.: Tor Books, 2008, 512 p.
15. Herbert Fr. *Dune Messiah*. NY.: Putnam Publishing, 1969, 256 p.
16. Herbert Fr. *Dune*. NY.: Chilton Books, 1965, 412 p.

17. Hisham Jeyt. Aqif samtaan ‘amam sual mustaqbal al-earab. *Al Araby al-Jadeed*, 2021, June 2. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/hsham-jeyt-aqf-samtaan-amam-swal-mstqbl-alerb> (accessed December 30, 2022)
18. Karjoo-Ravary A. In Dune, Paul Atreides led a jihad, not a crusade. *Al Jazeera*, 2020, October 11. URL.: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/10/11/paul-atreides-led-a-jihad-not-a-crusade-heres-why-that-matters> (accessed December 30, 2022)
19. Karjoo-Ravary A. Is Dune a White Savior Narrative? *Slate*, 2021, October 26. URL.: <https://slate.com/culture/2021/10/dune-2021-movie-vs-book-white-savior-islam.html> (accessed December 30, 2022)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент
Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент Кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет *ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*
ул. Пушкинская 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations; Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, History Faculty
Voronezh State University
16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>

Поступила 10.01.2023

После рецензирования 24.01.2023

Принята 30.01.2023

Received 10.01.2023

Revised 24.01.2023

Accepted 30.01.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-260-281

УДК 811.111 + 930.2

ОБРАЗЫ ДЖИХАДА И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОТЕСТА КАК ФОРМЫ КЛАССОВОГО КОНФЛИКТА И СОЦИАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

М.В. Кирчанов

Обоснование. Автор анализирует тексты цикла «Дюна» в контекстах современной историографии, которая предложила универсальные методы, позволяющие анализировать «ориентальные» образы в литературе через призму конструирования и деконструкции нарратив, формирующих образ джихада как формы политической, социальной и религиозной борьбы угнетенных сообществ и меньшинств.

Цель. Целью статьи является «ориенталистская» реинтерпретация образов джихада в романах, принадлежащих к циклу «Дюна», включая тексты оригинального цикла и приквелы, представленные «Дюна», «Мессия Дюны», «Дюна. Батлерианский джихад» и «Дюна. Пол».

Материалы и методы. Автор использует методологический инструментарий, предложенный интеллектуальной историей и исследованиями национализма, включая концепцию изобретения традиций, которая позволяет анализировать образы джихада в научной фантастике как одну из изобретенных традиций массовой научно-фантастической литературы США на примере текстов цикла «Дюна». Ориентализм как метод используется для анализа мусульманских мотивов в прозе Ф. Херберта, Б.Херберта и К. Андерсона, которые, как полагает автор, вдохновлены политическими, идеологическими и религиозными стимулами. Автор полагает, что ориенталистский подход является эффективной интерпретационной моделью для междисциплинарного анализа американской научной фантастики как пространства развития образов джихада в западной интеллектуальной традиции общества потребления.

Результаты. Изучены идеологические и политические основания развития образов джихада как социального концепта американской научной фантастики. В статье анализируются идеологические истоки, а также политические прототипы и прообразы мусульманских радикалов цикла «Дюна». Автор анализирует идеологический дискурс, связанный с радикальным исламизмом, который транслируется в американской массовой культуре через призму образов религиозной войны как попытки реализации доктрины и социального освобождения одновременно. В статье проанализированы попытки американских писателей сформировать положительный и привлекательный образ радикального политического протеста под религиозными мусульманскими лозунгами. Показано, что американская научно-фантастическая проза актуализировала мобилизационный потенциал исламизма, вообразив и изобретая его как формы легитимного социального и экономического протеста угнетенных масс против дискриминации. Автор полагает, что некоторые американских авторы подвергли образы джихада ревизии, предложив его интерпретацию как радикального социального и классового протеста, прикрытого религиозной легитимацией.

Ключевые слова: Фрэнк Херберт; Брайан Херберт; Кевин Андерсон; «Дюна»; ориентализм; ориентальные образы; ислам; сунниты; шииты; джихад

Для цитирования. Кирчанов М.В. Образы джихада и проблема легитимации религиозного протеста как формы классового конфликта и социального освобождения // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 260-281. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-260-281

IMAGES OF JIHAD AND PROBLEMS OF LEGITIMATION OF RELIGIOUS PROTEST AS A FORM OF CLASS CONFLICT AND SOCIAL LIBERATION

M.W. Kyrchanoff

Background. The author analyzes the texts of the Dune cycle in contexts of modern historiography, including its universal methods that al-

low analyzing “oriental” images in literature through the prism of constructing and deconstructing narratives that form the image of Jihad as a form of political, social and religious struggle of oppressed communities and minorities.

Purpose. *The purpose of the article is an “orientalist” reinterpretation of the images of Jihad in the novels belonging to the Dune cycle including the prequel text presented by Dune. Butlerian Jihad and Dune. Paul.*

Materials and methods. *The author uses the methodological tools of intellectual history and studies of nationalism, including the concept of the invention of traditions, which allows to analyze the images of Jihad in science fiction as one of the invented traditions of mass US science fiction literature using the texts of the Dune cycle. Orientalism as a method is used to analyze Muslim motifs in the prose of F. Herbert, B. Herbert and K. Anderson, which, as the author of the article presumes, were inspired by political, ideological and religious stimuli. The author states that the orientalist approach can be an effective interpretative model for an interdisciplinary analysis of American science fiction as a cultural landscape for the development of Jihad images in the Western intellectual tradition of the consumer society.*

Results. *The ideological and political foundations for the development of images of Jihad as a social concept of American science fiction are studied in the article. The article analyzes the ideological origins, as well as the political prototypes and archetypes of the Muslim radicals of the Dune cycle. The author analyzes the ideological discourse of radical Islamism, presented in American mass culture through the prism of religious war images as attempts to implement the doctrine and social liberation. The article analyzes the attempts of American writers to form a positive and attractive image of a radical political protest under religious Muslim slogans. Therefore, it is shown that American science fiction prose actualized the mobilization potential of Islamism, imagining and inventing it as a form of legitimate social and economic protest of the oppressed masses against discrimination. The author presumes that some American authors revised the images of Jihad, offering its in-*

terpretation as a radical social and class protest based on religious legitimization.

Keywords: Frank Herbert; Brian Herbert; Kevin Anderson; Dune; orientalism; oriental images; Islam; Sunnis; Shiites; jihad

For citation. Kyrchanoff M.W. *Images of Jihad and Problems of Legitimation of Religious Protest as a form of Class Conflict and Social Liberation. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 1, pp. 260-281. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-260-281

Введение

Отношения Запада и мусульманского Востока никогда не были равными, и на протяжении истории эти два религиозно-культурных региона неоднократно конфликтовали друг с другом. Вместе с тем в западной интеллектуальной и культурной традиции сложилась уникальное восприятие Востока, в качестве системных атрибутов которого определялись религиозность, архаичность и доминирование традиционализма. Именно эти качества и характеристики приписывались незападным обществам со стороны европейских и американских интеллектуалов, которые действовали в рамках парадигмы культурного и политического ориентализма.

Эти стереотипы, которые проецировались западными интеллектуалами на восточные общества, сохраняли свою актуальность на протяжении XX в. Этому содействовала растущая фрагментация мира, углубляющаяся идеологическая и культурная конфронтация Запада и Востока. Восточные страны стали в большой степени ассоциироваться и соотноситься в политической мифологии Запада с угрозами радикального ислама. В значительной степени прогресс такой точки зрения был обязан усилиям со стороны правых интеллектуалов и политиков. Угроза радикального ислама, таким образом, оказалась востребованной западными политическими кругами, в первую очередь правыми. Поэтому в конце 20 и начале 21 в. в условиях незавершённости национально-освободительных движений на Востоке, которые тесно смыкались и переплетались с религией,

ислам стал важным фактором, который легитимировал антизападные симпатии восточных обществ.

Поэтому проблемы политического освобождения и достижения реального суверенитета ассоциировались и соотносились с политическим исламом. В такой ситуации политическая борьба могла проходить под мусульманскими религиозными лозунгами. В этих условиях Восток в западном сознании в большей степени начинал ассоциироваться с религиозной угрозой. Поэтому особенно востребованными в западных СМИ оказались нарративы, призванные описать мусульманскую угрозу через призму джихада как системного вызова западной модели развития. Джихад некоторыми западными авторами стал восприниматься и позиционироваться как системная особенность незападного, восточного, мусульманского мира.

Террористические атаки начала 21 в. и ответные операции западных стран против авторитарных режимов Востока привели к активизации религиозного и политического противостояния между Западом и в первую очередь ближневосточными мусульманскими государствами. Военная операция США в Ираке и Афганистане стимулировали ответную реакцию со стороны радикальных исламистов, которые активно использовали практику террора, направленного против западных стран. В этой ситуации западные СМИ стали активно соотносить образы ислама и джихада, воспринимая их как фактически синонимы несмотря на то, что исторически мусульмане и христиане имели опыт мирного сосуществования.

Джихад никогда не принадлежал к числу тех политических универсалий, которыми мусульманские страны руководствовались в своих отношениях с Западом. Тем не менее западные интеллектуалы начали соединять образы ислама и джихада. Массовая культура западных обществ не могла остаться в стороне от этой тенденции, которая все в степени начинала принимать универсальный характер. Поэтому некоторые американские писатели-фантасты внесли свой вклад в осмысление образов ислама через призму джихада.

Этому процессу содействовал ряд политических, культурных и интеллектуальных стимулов начала 21 в. Во-первых, активизиро-

валась противостояние западного мира, Соединенных Штатов, с Востоком, который ассоциировался с исламом. Во-вторых, западные интеллектуалы осознали важность и уникальность мусульманского опыта, связанного с попытками институционализации теократических режимов, которые основывались на мусульманском, шиитском, радикализме и фундаментализме. В-третьих, западные общества столкнулись с угрозой политического и религиозного терроризма, источником которого были восточные мусульманские радикалы, воспринимавшие террор под лозунгами джихада как универсальное средство борьбы против западного реального и мнимого доминирования в преимущественно мусульманских странах.

В этой ситуации западное общество потребления не могло не обратиться к актуализации образов джихада, который в большей степени начинал восприниматься как универсалия мусульманской модели развития. Особый вклад в формирование и развитие образов джихада в западном культурном и литературном дискурсе внесла американская фантастика. В данном случае речь идет о цикле романов «Дюна», который был начат в 1960-е гг. американским писателем-фантастом Ф. Гербертом, а позднее продолжен его сыном Б. Гербертом в соавторстве с К. Андерсоном.

Если Ф. Герберт в своем оригинальном романе «Дюна» только в самых общих чертах описал особенности и направления религиозной борьбы угнетенного мусульманского населения против политического режима, сопоставимого по методам управления с западным колониализмом, то его литературные наследники и продолжатели существенно расширили восприятие религиозной борьбы, которую сам Ф. Герберт описывал как «джихад». В романе «Батлерианский джихад» Б. Герберт и К. Андерсон предприняли амбициозную попытку синтезировать религиозные и социальные противоречия незападных обществ, описав их в форме социальной и религиозной борьбы угнетаемого населения против одновременно чуждой им политической культуры господствующих доминирующих классов и экзистенциальной угрозы, представленный искусственным интеллектом, который игнорировал религиозные предпочтения формального большинства.

Таким образом, Б. Герберт и К. Андерсон предложили в значительной степени расширенное понимание джихада, подвергнув его социальной и культурной ревизии. Поэтому джихад начал восприниматься не просто как религиозная война, но и как борьба, направленная против вызовов и угроз, представленных институционализированной иерархией, что делало фактически неизбежным рост социальных противоречий. Таким образом, романы «Батлерианский Джихад» и «Дюна. Пол» стали важным вкладом современной западной массовой культуры в формирование и функционирование образов ислама, который в большей степени начинал ассоциировался с религиозным и политическим радикализмом в целом и с джихадом как формой борьбы в частности.

Цель и задачи

Романы, входящие в число приквелов цикла «Дюна», представляют собой источники по истории развития образов джихада в американском научно-фантастическом дискурсе начала 21 в. Целью статьи является осмысление и анализ образа джихада как элемента политического и идеологического дискурса в американской научной фантастике, призванного формировать и воспроизводить образы Востока. В число задач автора входит 1) изучение особенностей отражения политического ислама как основы джихада в романах цикла «Дюна», 2) анализ основных направлений развития джихада как одной из форм функционирования политического ислама, 3) выяснение роли, которую анализируемые тексты играли в развитии образов джихада в американском интеллектуальном пространстве начала XXI в.

Источники

Источниковый корпус статьи ограничен двумя текстами Б. Герберта и К. Андерсона, входящими в серию приквелов к вселенной «Дюны». В качестве источников, актуализирующих и визуализирующих образы джихада, интерпретируются романы наследников Ф. Герберта «Дюна. Батлерианский джихад» [2; 10] и «Дюна. Пол» [3; 11].

Методология

В сфере методологии изучение образов джихада в американской научной фантастике начала 21 в. основано на принципах междисциплинарности с привлечением дискурсивно-нарративного анализа, что позволяет интерпретировать изучаемые тексты одновременно как 1) источники, отражающие развитие и трансформацию образов джихада в западной культурном и политическом воображении, и 2) как этапы восприятия джихада как радикальной формы религиозной борьбы через призму его локализации в западной культуре, что связано с изобретением соответствующих интеллектуальных традиций. Предполагается, что исламские мотивы, редуцированные до образов джихада, следует интерпретировать как форму позднего ориентализма, маргинализованного в политической культуре, но сохранившего свои позиции в научной фантастике [12].

Образ борющегося ислама: джихад неуспешный и удачный

Романы цикла «Дюна» актуализируют различные формы протекания религиозной борьбы – как удачной, так и неудачной. Политически радикальный и социально мотивированный, но вместе с тем неудачный, с точки зрения результатов, джихад описан в романе Б. Герберта и К. Андерсона «Батлерианский джихад». Если в оригинальной «Дюне» основная масса участников джихада представлена условными потомками суннитов, то в «Батлерианском джихаде» радикальная версия религиозного протеста соотносится с опытом шиитов, отрицавшими навязываемые им чуждые культурные практики, так как «кремация тел верующих не совсем согласовывалась с обычаями дзеншиитов» [2, с. 404]. Несмотря на то, что «последователи буддизма могли соблюдать свои законы и обычаи» [Там же, с. 419], во вселенной романов, формирующих цикл «Дюны», и шииты, и сунниты в одинаковой степени оказывались жертвами социального угнетения, которое привило им способность адаптироваться к внешним политическим вызовам.

Вместе с тем, если сунниты предстают как конформисты, то шииты открыто идут на столкновение с элитами, не только вы-

ражая несогласие со своим социальным статусом, но и отстаивая свое право открыто выражать собственную идентичность, проявлявшуюся, например, в «ношении традиционной одежды поверх серой рабской униформы. Наряд был символом их идентичности: белый цвет означал свободу, красный – кровь» [Там же, с. 419]. В этом контексте нарратив о джихаде как источнике перемен развивали и литературные наследники Ф. Герберта, которые констатировали, что «в течение года прошедшего после свержения Шаддама Четвертого миллионы новообращенных присоединились к армии Пола, пополнив ряды его преданных фрименских воинов, каждый из которых был готов отдать жизнь за своего вождя. Ведомые фанатичными федайкинами и другими надежными военачальниками, солдаты священного воинства, развертывали силы, нацелившись на другие звездные системы» [3, с. 9].

Свержение формально законного монарха в политической идеологии его фанатичного настроенных оппонентов воспринимается как легитимное событие, что актуализирует влияние политической философии ислама на Ф. Герберта и его наследников, которые фактически стали проводниками в западном научно-фантастическом дискурсе идеи о том, что «тема гражданского общества и механизмов его работы не чужды цивилизационному наследию арабов» [8]. В этом контексте Ф. Херберт и его наследники стремились ассимилировать идею имама Хомейни о том, что «монархия – это злое и ложное правление» [1, с. 22], интегрируя ее в американский научно-фантастический дискурс. Поэтому джихад Муад' Дибя в определенной степени продолжает идеи и принципы Батлерианского джихада с той только разницей, что основной удар направлен на те силы, которые воспринимаются радикалами как источник политического и социально-экономического угнетения.

Несмотря на столь явную социальную риторику текстов цикла «Дюна», некоторые исследователи указывают на то, что прогрессивное значение веры не имеет смысла преувеличивать, так как «в суннизме нет принципов теологии освобождения <...> ортодоксальный ислам мирится с рабством» [6, с. 87]. Если джихад Му-

ад' Дибя имитирует религиозное движение, фактически решающее политические цели, то Батлерианский джихад носил не только политической, социальной, религиозной, но и антиимпериалистический характер, будучи направленным против имперской модели правления, стимулирующей «соединение столь многих миров под жесткой властью одного правительства», естественной реакцией на что является лозунг «Хватит с нас империй!» [2, с. 393].

В этой ситуации некоторые исследователи вселенной «Дюны» указывают на историческую прогрессивность и легитимность джихада как религиозной войны, направленной против машин [6, с. 16]. Центральной фигурой шиитского джихада являлся Бел Моулай – «чернобородый предводитель дзеншиитов», бывший «не только самым сильным среди пленников, он был также религиозным лидером, получившим подготовку на IV Анбус, где воспитывался в строжайших законах дзеншиитского течения буддислама. Он лично читал и изучал истинные рукописи и сутры, умел анализировать любое место из них, и за толкованиями все товарищи обращались только к нему» [2, с. 402], которые не только были религиозными фанатиками, но и сочетали шиитский фанатизм с социальным недовольством, выражая свое несогласие с правящими нешиитскими группами, так как их «беспольные, никчемные, находящиеся в плену заблуждений люди выставляли напоказ свое состояние и при этом безнаказанно убивали правоверных» [Там же, с. 402].

В этом контексте романы, которые предшествуют оригинальной «Дюне», хотя и можно воспринимать как ориенталистские, но они тем не менее предлагают содержательно иное видение Востока, отрицающее само «предубеждение против символов и референций ислама и утверждение европоцентризма» [14]. Появление героя типа Бела Моулая в «Батлерианском джихаде» не является случайным. Вводя такого персонажа в контекст политической и религиозной борьбы, Б. Герберт и К. Андерсон фактически воспроизводят традиционный для мусульманской историографии нарратив о кризисе исламской модели государственности, когда «мусульманские государства оказывались на краю гибели перед лицом безжалост-

ного и решительного противника! Религиозные противоречия и политические амбиции терзали умму изнутри и мешали ей собраться с силами. Но всякий раз находился лидер, которому удавалось объединить мусульман и дать отпор неприятелю» [5].

Осознание именно последнего факта стимулировало американских авторов актуализировать в своих текстах опыт как религиозного фундаментализма, так и стимулируемого им религиозного политического протеста. Фигура Бела Моулая как собирательного образа религиозного лидера актуализирует то, что достижение «духовного руководства в религии достигается именно терпением и твердой убежденностью» [7]. Вместе с тем «маргинализация для тех, кто живет под властью, которая их угнетает» в значительной степени универсальна, так как «те, кто страдает от маргинализации, актуализируют свою принадлежность к маргинализированным группам, будь то в истории или в реальности» [17]. В случае, описанным в «Батлерианском джихаде», подобная консолидация имеет религиозные основания. Бел Моулай остается фигурой одновременно прогрессивной и маргинальной, так как его идеи социального и религиозного освобождения явно новаторски для времени, когда он жил, но обречены на поражение в противостоянии с системой. Наследники Ф. Герберта именно двум этим качествам приписывали центральное значение в генезисе радикального религиозного протеста.

В такой ситуации именно религиозная доктрина, основанная на коллективной памяти о социальном угнетении, становилась той силой, которая «способна также удерживать вместе то, что в противном случае рассыпалось бы на составные части» [2, с. 415]. В политической и социальной доктрине лидера дзеншиитских радикалов в «Батлерианском джихаде» присутствуют элементы салафитского дискурса. В то время как арабские сторонники радикального ислама настаивают на том, что «салафитский призыв – это призыв к тому, что Бог послал Своему Пророку Мухаммаду – да пребудет с ним благословение и мир – это призыв придерживаться великого Корана и очищенной Сунны, этот салафитский призыв – это призыв следовать методологии, которую Посланник, да пребудут с ним Божьи

молитвы и мир, излагал в Мекке, а затем в Медине» [15], то политическая этика литературного Бела Моулая в значительной степени близка к салафитской доктрине, будучи основанной на неприятии и отрицании не только социального неравенства и несправедливости, но и идеологических обоснований такой ситуации, которые воспринимались как немусульманские. Религиозный лидер в мире, где радикальные шииты составляли меньшинство, был обречен на то чтобы стать религиозным мучеником, так как, «несмотря на всю глубину своей веры, он был так же беспомощен как и его спутники и товарищи по несчастью, и так же как они был вынужден служить всем капризам неверных. Неверные не позволяли дзеншиитам жить по законам веры и вовлекли их в свою безнадежную войну с нечистыми демонами машинами» [2, с. 403].

Последние в политической идеологии радикального шиизма становились проекцией отложенной мести, так как даже религиозные радикалы осознавали, что «сейчас нет никакого смысла в сопротивлении, – произнес он на своем родном языке, но я клянусь вам, что время настанет» [Там же, с. 404]. Вместе с тем машины, на которых «десница Божья обрушит праведную месть» [Там же, с. 405], становились проекцией религиозного гнева Бел Моулая, который не только «призывал к открытому неповиновению и бунту, к восстанию против хозяев» [Там же, с. 430], но и «вечерами, сидя у костра, бородатый предводитель обещал своим людям, что угнетатели понесут наказание – если не в этом поколении, то в следующем или еще позднее, но нельзя сомневаться, что это обязательно произойдет» [Там же, с. 403]. Образ лидера религиозного протеста в «Батлерианском джихаде» имеет явные пересечения с реальными исламскими радикалами в силу того, что Ф. Герберт вообразил и сконструировал будущий мир «Дюны» в виде некой ближневосточной, исламской модели путем проекции на нее знакомых ему сюжетов региональной истории. Подобно лидерам радикальных групп, которые используют лозунги ислама, Бел Моулай «сделал заявление, требуя немедленного освобождения всех дзенсунни и дзеншиитов и их безопасного проезда к местам прежнего прожи-

вания. В осажденном правительственными войсками космопорту мятежники удерживали многих аристократов и надсмотрщиков. Здания космопорта продолжали гореть, а в центре толпы чернобородый вождь произносил пламенные речи, горячие, как огонь пожара» [Там же, с. 612].

В этом контексте джихад в романах, формирующих цикл «Дюна», является не просто формой «разрушения иерархических структур», но «восстановлением отношений между людьми на более равноправной основе» [6, с. 96]. Протесты под религиозными лозунгами, описанные в «Батлерианском джихаде», имеют несколько исторических прообразов. Попытка исламского восстания отсылает к опыту и результатам некоторых протестов радикальных исламистов, которые были подавлены ближневосточными авторитарными режимам.

Образ Бела Моулая, будучи собирательным, имеет реальных исторических прототипов. Определенную роль в его генезисе могли сыграть утверждения аятоллы Хомейни о «религиозном долге», который состоял в том, чтобы «поднять движение, выйти с протестом и выразить отношение к этой власти. И будь что будет. Хотя с таким количеством людей было невозможно сражаться с силами правителя. Однако это был его долг» [1, с. 30]. В такой ситуации несколько лидеров радикальных исламистов могут восприниматься как прообразы литературного Бела Моулая. На статус его прототипов могут претендовать Иссам аль-Аттар, Аднан Саид аль Дин, Саид Хави [9] – вдохновители и руководители исламистского восстания 1979 – 1982 гг. в Сирии [13].

Среди вероятных кандидатов на роль прототипа Бела Моулая – аятолла Хомейни – лидер Исламской революции в Иране. Религиозный протест шиитов стимулировался пониманием и осознанием того, что «Бог дал нам разум и нашу веру. От нас зависит, найдем ли мы оружие и столь нужную нам решимость» [2, с. 420] в борьбе с религиозной, политической и социальной дискриминацией. Именно последняя стимулирует временный союз суннитов и шиитов, среди которых росло понимание того, что верующие «пережили

бесчисленные унижения нашего достоинства. Мы делаем все, чего требуют от нас наши господа. Они пользуются плодами того, что делаем для них мы, но дзеншиты... и наши дзенсуннитские братья не получают от этого желанной свободы» [Там же, с. 421].

Поражение радикального шиитского протеста ведет не только к гибели их лидера, превращая его в мученика, но содействует мифологизации события. Актуализация опыта неудачного религиозного протеста в «Батлерианском джихаде» отсылает нас к опыту мученичества в исламе, на что, например, указывает аятолла Хомейни, признающий значительный потенциал религиозно легитимированного протеста, направленного против «угнетения и несправедливости» во имя «укрепления ислама» [1, с. 2]. Поэтому радикалы во вселенной Дюны склонны использовать опыт веры для решения конкретных задач, понимая, что «у прошлого надо учиться, а не тащить на шее его ярмо» [2, с. 480].

Такое восприятие истории вовсе не исключало ее сращивания с религиозной доктриной. Поэтому один из верующих героев «Батлерианского джихада» повторял «непокорные слова Бела Моулая. Неистовый предводитель дзеншиитов мечтал о том времени, когда рабы смогут сбросить свои цепи и, освободившись, вернуться на IV Анбус, Хармонтеп и даже на таинственную, никому не известную Соуки» [Там же, с. 513]. Вместе с тем поражение религиозного протестного движения и казнь Бела Моулая ставит перед его сторонниками проблему, которая реальна для значительной части современных арабских обществ, актуализируя ту «страшную пропасть, которая отделяет то, что производит интеллигенция от людей и от реальных действий, что также ставит нас перед проблемой выживания интеллектуальных проектов без наследников» [16].

Конструируя подобный образ Бела Моулая, американские авторы фактически ассимилировали один из политических шиитских аргументов, согласно которому гибель мученической смертью в период борьбы с несправедливым режимом является шагом на пути к «установлению Божественной справедливости, чтобы был воздвигнут Дом Божий» [1, с. 27]. Таким образом формируется

политический миф мученичества, фактически легитимирующий протест против режима, воспринимаемого в категориях антиисламского. Кроме того, имитация ислама в прозе Ф. Герберта и его продолжателей указывает на знакомство авторов с основами исламской истории и политической доктрины. В частности, превращение ислама в основу легитимации политического протеста отсылает к высказыванию аятоллы Хомейни о том, что «ислам был ниспослан, чтобы воспитать человека, а не обеспечить власть» [Там же, с. 21].

Психология участников джихада, описанного Ф. Гербертом и его приемниками, в определенной степени укладывается в парадигму, предложенную аятоллой Хомейни, который оправдывал сам факт восстания «против империи той эпохи, которая была больше, чем здешняя империя. Он восстал против нее с малыми силами. И с этими малыми силами он, хоть и пал мученической смертью, но превозмог и одолел эту империю. Он одолел этот аппарат угнетения, победил его» [Там же, с. 2]. Шииты в «Батлерианском джихаде» предстают как одновременно организаторы и жертвы неудачного джихада, подавленного не машинами, против которых был направлен Батлерианский джихад в целом, но находящимися у власти политическими классами. Если «пацифизм дзенсунни подвел их всех в самый критический момент» [2, с. 420], то радикализм шиитов стал причиной неудачного восстания религиозных радикалов.

Формируя образ Бела Моулая как политического и религиозного мученика, наследники Ф. Герберта фактически ассимилируют шиитский нарратив о жертвенности во имя «убеждений и веры» [1, с. 29] и гибели, которая оборачивается поражением формально победившего режима. Предложенный образ религиозного лидера как борца соотносится со словами российского исламского мыслителя Г. Джемалея, который актуализировал социальную роль ислама, подчеркивая, что именно мусульмане «должны стать образцом для 80% униженных, вытесненных из истории людей и быть авангардом в их борьбе с мировой системой» [4]. Именно последняя фактически воспринимается как основной коллективный враг и собирательный образ Другого в «Батлерианском джихаде». Протест шиитов в пери-

од Батлерианского джихада стимулировался ростом религиозного фанатизма, основанного на понимании того, что «наш народ ждет отмщения... Мы были свободны, потом нас взяли в плен. Некоторые из нас стали новыми рабами, другие же служили господам в неволе в течение многих поколений» [2, с. 419].

Если джихад, как борьба, был описан Ф. Гербертом в оригинальном романе, то его первые результаты представлены в романах, написанных его наследниками которые проводили параллели между фрименами Муад' Дибя и джихадистами Ближнего Востока, активно уничтожавшими исторические памятники: «изуродованный Дом заседаний Ландсраада, разрушенные музеи, инопланетные посольства, Сводчатый сад камней был взорван, являл собой безобразную грудю обломков. Пол не мог понять, чего хотели сказать этим его воины. То было разрушение ради разрушения... это дворец был символом старого режима, как и все, связанное с пораженной упадком и гниением старой империей, он должен быть сметен и повержен в прах... фрименские фанатики захватили Кайтэйн. Варвары разграбили его красивейшую столицу» [3, с. 46, 50, 53].

Подобные разрушения монументальных символов предшествующего режима сочетались с институционализацией религиозно мотивированного насилия, направленного как на унификацию политического пространства, так и ликвидацию альтернативных версий идентичности. В рамках нового институционализированного фундаменталистами режима его оппоненты были обречена на смерть «за преступления, совершенные под влиянием отступнической религии... отныне и навсегда я запрещаю вашу безрассудную веру. Я приказываю сравнять с землей все ваши святилища в моей Империи. Мой Кизарат займется вашими последователями, чтобы наставить их на истинный путь... отныне в моей Империи не будет священников секты Дур» [Там же, с. 254]. В этом контексте актуализация образом ислама в американском интеллектуальном дискурсе, ограниченном сегментом научно-фантастической литературы, ведет к продвижению политического нарратива об антидемократическом характере не только ислама, но и тех режимов, которые на него опираются.

Выводы

Образы джихада возникли под влиянием растущей роли Ближнего Востока в мировой и региональной политике, который не могли игнорировать американские авторы, различно реагируя на эти процессы в своих текстах. Это стимулировалось тем, что интеллектуалы в США были невольными и вынужденными свидетелями активизации Ближнего Востока, где важным политическим фактором становился радикальный ислам. Известно, что исламисты нередко выдвигали лозунги джихада, связывая их с актуальной для них политической повесткой дня, соотнося его с борьбой против Запада, который ассоциировался с колониализмом и колониальным опытом. Поэтому джихад мог восприниматься позитивно, понимаясь как закономерное проявление процесса деколонизации и достижения полного суверенитета, что требовало последовательного расставания с коллективными историческими травмами прошлого, которые мусульмане получили в результате колониализма.

С другой стороны, важным стимулом для развития образом джихада в американской научной фантастики стал собственно американский политический опыт. В этом контексте во внимание следует принимать то, что культурная и интеллектуальная история США второй половины XX в. была связана с рядом политических и идеологических провалов и неудач в первую очередь американского либерализма и движения левых интеллектуалов, разочарованных в той политике, которую проводили американские правящие элиты. В этой ситуации в научно-фантастической литературе неизбежно возникали образы политического поражения формально прогрессивного с социальной точки зрения освободительного движения. Проблема состояла в том, что многим американским писателям, в том числе и автору «Дюны», не хватало мужества отразить именно этот аспект собственного национального политического и исторического опыта. Поэтому они были вынуждены прибегать к иносказаниям, конструируя и воображая несуществующие социальные миры и культурные реальности, где

политическая и идеологическая борьба протекала под лозунгами ислама. Эту идею подхватили наследники Ф. Герберта, которые в своем романе «Батлерианский джихад» максимизировали протестный потенциал угнетенных масс, предположив, что религиозная война могла бы восприниматься как универсальная форма политического протеста.

Продолжатели автора «Дюны» показали потенциал не только социального протеста под религиозными лозунгами, но и глубину травмы, которую различные сообщества могли получать как в результате институционализации колониализма, так и в случае неудачи политического протеста, вызванной подавлением освободительного движения со стороны правящих элит. Именно в этой ситуации в американской фантастике усилиями литературных наследников Ф. Герберта был актуализирован образ неуспешного побежденного джихада. Кроме того, мотивы джихада в романе «Батлерианский джихад» в определенной степени стимулировались реальным опытом маргинальных групп Запада и Востока во второй половине XX в.

Культурными стимулами, которые вынуждали американских авторов актуализировать именно неудачную модель ведения джихада, могли стать неудачи левых в США, которые не смогли реализовать свои политические проекты. Кроме того, неуспешные попытки ближневосточных, сирийских исламистов, которые не смогли противостоять сложившемуся в Сирии авторитарному политическому режиму в 1980-е гг., могли стимулировать формирования образов Бела Моулая как лидера религиозных фанатиков и жертвы авторитарного режима. В такой интеллектуальной и культурной ситуации образ джихада как неудавшегося социально-политического освободительного движения оказался востребованным в американском научно-фантастическом дискурсе, который, несмотря на свою принадлежность к сегменту массовой культуры, решал не только развлекательные задачи общества потребления, но и сигнализировал о растущей угрозе религиозного радикализма, что в полной мере проявилось в романе «Батлерианский джихад».

Список литературы

1. Восстание Ашурь в выступлениях и посланиях имама Хомейни. М.: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2009. 104 с.
2. Герберт Б., Андерсон К. Дюна. Батлерианский джихад / пер. с англ. А. Анваера. М.: Издательство АСТ, 2022. 768 с.
3. Герберт Б., Андерсон К. Дюна. Пол / пер. с англ. А. Анваера. М.: Издательство АСТ, 2022. 576 с.
4. Джемаль Г. Политический ислам и проблема легитимности в современном мире. Выступление Председателя Исламского комитета России на сессии 24-го Международного конгресса исламских обществ (30 ноября 2015 г.). URL.: <http://www.kontrudar.com/lekcii/politicheskiy-islam-i-problema-legitimnosti-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 03.01.2023)
5. Кулиев Э. Сумерки человечества. URL.: <https://e-minbar.com/sumerki-chelovechestva> (дата обращения: 03.01.2023)
6. Николас Дж. Дюна. Философия и путь ментата. М.: АСТ, 2021. 352 с.
7. Шамс-ад-Дин Ибн аль-Каййим, Послание к каждому мусульманину / пер. с араб. Э. Кулиев. URL.: <https://e-minbar.com/poslanie-k-kazhdomu-musulmaninu> (дата обращения: 03.01.2023)
8. Al Marashi I. The film 'Dune', techno-Orientalism, and intergalactic Islam // TRT World. 03.12.2021. URL.: <https://www.trtworld.com/opinion/the-film-dune-techno-orientalism-and-intergalactic-islam-52273> (дата обращения: 03.01.2023)
9. Ali al-Abdallah. Ean tabieat al-mujtamae al-madanii wadawrih // Al Araby al Jadeed. 31.03.2021. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/e-an-tabieati-almujtamai-almadnu-wdawruh>
10. Carré O., Michaud G. Les Frères musulmans: Egypte et Syrie (1928 – 1982). Paris: Gallimard, 1983, 235 p.
11. Herbert Br., Anderson K.J. Dune: The Butlerian Jihad. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
12. Herbert Br., Anderson K.J. Paul of Dune. NY.: Tor Books, 2008, 512 p.
13. Jacob F. The Orientalist Semiotics of Dune. Religious and Historical References within Frank Herbert's Universe. Wien: Buchen – Verlag, 2021, 124 p.

14. Lefèvre R. *Ashes of Hama: the Muslim Brotherhood in Syria*. NY: Oxford University Press, 2013, 273 p.
15. Najm Aldiyn Khalf Allah. Hisham Jeyt: al-iitahat bialkhitab al-iaistishraqii // *Al Araby al Jadeed*. 03.06.2021. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/hushami-jieit-al'iitahati-bialkhitabi-aliastishraqii> (дата обращения: 03.01.2023)
16. Nubdhat ean al-daewat al-salafiat wahayaat al-shaykh Muhamad bin Abdal Wahaab. URL.: <https://binbaz.org.sa/fatwas/14512/> (дата обращения: 03.01.2023)
17. Shawqi bin Hasan. Fi rahil Hisham Jeyt: mufaraqat al-mwrrkh wmyrathuh // *Al Araby al Jadeed*. 03.06.2021. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/fy-rhyl-hsham-jeyt-mfarqat-almwrrkh-wmyrathuh> (дата обращения: 03.01.2023)
18. Sumar Shahada. Fi thrur al-katib min sultt al-aietiraf // *Al Araby al Jadeed*. 2022. December 28. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/fy-thrur-alkatb-mn-sultt-alaetraf> (дата обращения: 03.01.2023)

References

1. *Vosstaniye Ashury v vystupleniyakh i poslaniyakh imama Khomeyni* [Ashura uprising in speeches and messages of Imam Khomeini]. Moscow: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2009, 104 p.
2. Gerbert B., Anderson K. *Dyuna. Butlerianskiy dzhikhad* [Dune. Butlerian Jihad]. Moscow: AST, 2022, 768 p.
3. Gerbert F. *Dyuna* [Dune]. Moscow: AST, 2022, 800 p.
4. Dzhemal' G. *Politicheskiy islam i problema legitimnosti v sovremennom mire. Vystupeniye Predsedatelya Islamskogo komiteta Rossii na sessii 24-go Mezhdunarodnogo kongressa islamskikh soobshchestv (30 noyabrya 2015 g.)* [Political Islam and the problem of legitimacy in the modern world. Speech by the Chairman of the Islamic Committee of Russia at the session of the 24th International Congress of Islamic Communities (November 30, 2015)]. URL.: <http://www.kontrudar.com/lekcii/politicheskiy-islam-i-problema-legitimnosti-v-sovremennom-mire> (accessed January 03, 2023)

5. Kuliyeв E. *Sumerki chelovechestva* [Twilight of mankind]. URL.: <https://e-minbar.com/sumerki-chelovechestva> (accessed January 03, 2023)
6. Nikolas Dzh. *Dyuna. Filosofiya i put' mentata* [Dune. Philosophy and the path of the mentat]. Moscow: AST, 2021, 352 p.
7. Shams-ad-Din Ibn al'-Kayyim. *Poslaniye k kazhdomu musul'maninu* [Message to every Muslim]. URL.: <https://e-minbar.com/poslanie-k-ka-zhdomu-musulmaninu> (accessed January 03, 2023)
8. Al Marashi I. The film 'Dune', techno-Orientalism, and intergalactic Islam. *TRT World*. 03.12.2021. URL.: <https://www.trtworld.com/opinion/the-film-dune-techno-orientalism-and-intergalactic-islam-52273> (дата обращения: 03.01.2023)
9. Ali al-Abdallah, Ean tabieat al-mujtamae al-madaniі wadawrih [On the nature and role of civil society]. *Al Araby al Jadeed*, 2021, March 31. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/opinion/ean-tabieati-almujtamiei-almadnu-wdawruh> (accessed January 03, 2023)
10. Carré O., Michaud G. *Les Frères musulmans: Egypte et Syrie (1928 – 1982)*. Paris: Gallimard, 1983, 235 p.
11. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
12. Herbert Br., Anderson K.J. *Paul of Dune*. NY.: Tor Books, 2008, 512 p.
13. Jacob F. *The Orientalist Semiotics of Dune. Religious and Historical References within Frank Herbert's Universe*. Wien: Buchen – Verlag, 2021, 124 p.
14. Lefèvre R. *Ashes of Hama: the Muslim Brotherhood in Syria*. NY: Oxford University Press, 2013, 273 p.
15. Najm Aldiyn Khalf Allah. Hisham Jeyt: al-iitahat bialkhitab al-iaistishraqii (Hisham Jeyt: The Overthrow of Orientalist Discourse). *Al Araby al Jadeed*, 2021, June 3. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/hushami-jieit-al-iitahati-bialkhitabi-aliastishraqii> (accessed January 03, 2023)
16. *Nubdhat ean al-daewat al-salafiat wahayaat al-shaykh Muhammad bin Abdal Wahaab (An Overview of the Salafi Appeal and the Life of Sheikh Muhammad bin Abdul Wahhab)*. URL.: <https://binbaz.org.sa/fatwas/14512/> (accessed January 03, 2023)

17. Shawqi bin Hasan. Fi rahil Hisham Jeyt: mufaraqat al-mwrrkh wmyrathuh (On the path away of Hisham Jait: the paradoxes of a historian and his legacy). *Al Araby al Jadeed*, 2021, June 3. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/fy-rhyl-hsham-jeyt-mfarqat-almwrrkh-wmyrathuh> (accessed January 03, 2023)
18. Sumar Shahada. Fi thrurr al-katib min sultt al-aietiraf (To the liberation pf the writer from the power of confession). *Al Araby al Jadeed*, 2022, December 28. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/fy-thrurr-alkatb-mn-sultt-alaetraf> (accessed January 03, 2023)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент Кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет

*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
ул. Пушкинская 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация*

maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations; Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, History Faculty

Voronezh State University

16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation

maksymkyrchanoff@gmail.com

SPIN-code: 6547-1027

ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>

Поступила 10.01.2023

После рецензирования 01.02.2023

Принята 15.02.2023

Received 10.01.2023

Revised 01.02.2023

Accepted 15.02.2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ СПОРТИВНОЙ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) О.Н. Ратуева, Е.В. Лазуткина, Е.П. Ефремова	14
ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК КАК ТИПА ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА) Л.Н. Цедрик	28
АВТОРСКИЙ СТИЛЬ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Т. ЧАНА «ИСТОРИЯ ТВОЕЙ ЖИЗНИ») П.С. Панченко, Е.Д. Андреева	37
СЕМЕЙНАЯ САГА Е. КОЛИНОЙ (ПО РОМАНУ «САГА О БЕДНЫХ ГОЛЬДМАНАХ») Ли Жуй	53
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В АВСТРИЙСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «KRAUT» М.А. Радович, Я.В. Лазарев	74
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ЛЕКСЕМА ÆDELING В ГЛОССАРИЯХ И ТЕКСТЕ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ» Е.А. Крупина	83
ПРОПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ГЛУБИННЫХ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ В ТЕКСТЕ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ Лян Мэнцзе	94

**СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ
ЭМОТИВНОГО КОНТЕКСТА****С.В. Миннибаева, Т.В. Желтикова** 113**К ДОСОКРАТИЧЕСКИМ УЧЕНИЯМ В РИТОРИКЕ****Л.Г. Васильев, Н.В. Мельничук** 125**ВОПЛОЩЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ
МАСКИ АВТОРА В ПРОСТРАНСТВЕ
АМЕРИКАНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ****Е.И. Винник** 142**СТИЛИСТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТУРИСТСКОГО ДИСКУРСА****А.Б. Евсеев** 156**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАКТУАЛИЗАЦИЯ
ТЕОРИИ ОППОЗИТИВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ
ДИХОТОМИИ СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ)****Л.Б. Здановская, Л.А. Исаева** 171**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ТЕКСТА БРОШЮРЫ
О РАССТРОЙСТВАХ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ****О.В. Шитикова, Ю.С. Елагина** 187**ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ****ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ КРАСОТЫ
В ЭСТЕТИКЕ АНТИЧНОСТИ****Т.Г. Йованович** 205**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ****ОБРАЗЫ УММЫ И МУСУЛЬМАН В РОМАНАХ
ЦИКЛА «ДЮНА»: ИМИТАЦИЯ И СИМУЛЯЦИЯ****М.В. Кирчанов** 219

ОБРАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В РОМАНАХ ЦИКЛА «ДЮНА»: ВООБРАЖЕНИЕ И ИЗОБРЕТЕНИЕ ДЖИХАДА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА М.В. Кирчанов	238
ОБРАЗЫ ДЖИХАДА И ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОТЕСТА КАК ФОРМЫ КЛАССОВОГО КОНФЛИКТА И СОЦИАЛЬНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ М.В. Кирчанов	260
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	282

CONTENTS

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

SPECIFIC USE OF A SPORTS METAPHOR AS MEANS OF SPEECH EXPRESSIVENESS O.N. Ratueva, E.V. Lazutkina, E.P. Yefremova	14
MAIN CHARACTERISTICS OF TRAVEL NOTES AS A TEXT TYPE (BASED ON GERMAN TEXTS) L.N. Tsedrik	28
INDIVIDUAL STYLE IN TRANSLATION (BASED ON T. CHIANG'S SHORT NOVEL STORY OF YOUR LIFE) P.S. Panchenko, E.D. Andreeva	37
THE FAMILY SAGA BY E. KOLINA (FROM THE NOVEL SAGA OF THE POOR GOLDMANS) Li Rui	53
WORD-FORMATION IN AUSTRIAN STANDARD GERMAN IN THE CONTEXT OF LEXEME "KRAUT" M.A. Radovich, Y.V. Lazareva	74
OLD ENGLISH LEXEME ÆDELING IN THE GLOSSARIES AND IN THE TEXT OF THE POEM BEOWULF E.A. Krupina	83
PROPOSITIONAL ANALYSIS AS A WAY OF REVEALING UNDERLYING CULTURAL MEANINGS IN THE TEXT OF OMENS Liang Mengjie	94
MEANING-GENERATING FUNCTION OF THE EMOTIVE CONTEXT S.V. Minibaeva, T.V. Zheltikova	113

CONCERNING THE PRE-SOCRATIC DOCTRINES IN RHETORIC L.G. Vasilev, N.V. Melnichuk	125
MANIFESTATION OF AUTHOR’S GENDER MASK WITHIN THE SCOPE OF AMERICAN FEMALE PROSE E.I. Vinnik	142
STYLISTIC AND GRAMMATICAL POTENTIAL OF ENGLISH TOURISM DISCOURSE A.B. Evseev	156
HISTORICAL FACTUALIZATION OF THE THEORY OF OPPOSITION (BY THE EXAMPLE OF THE CREATION – DESTRUCTION DICHOTOMY) L.B. Zdanovskaya, L.A. Isaeva	171
GENRE SPECIFICS OF THE TEXT OF THE BROCHURE ON EATING DISORDERS O.V. Shitikova, Y.S. Elagina	187
PHILOSOPHICAL STUDIES	
PHILOSOPHIC CONCEPTIONS OF BEAUTY IN ANCIENT AESTHETICS T.G. Yovanovich	205
INTERDISCIPLINARY RESEARCH	
IMAGES OF THE UMMAH AND MUSLIMS IN THE NOVELS OF THE DUNE CYCLE: IMITATION AND SIMULATION M.W. Kyrchanoff	219
IMAGES OF POLITICAL ISLAM IN THE DUNE NOVELS: IMAGINATION AND INVENTION OF JIHAD AS A POLITICAL PROTEST M.W. Kyrchanoff	238

IMAGES OF JIHAD AND PROBLEMS OF LEGITIMATION
OF RELIGIOUS PROTEST AS A FORM OF CLASS CONFLICT
AND SOCIAL LIBERATION

M.W. Kyrchanoff	260
RULES FOR AUTHORS	282

Подписано в печать 31.03.2023. Дата выхода в свет 31.03.2023. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 20,85. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP151/023. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.